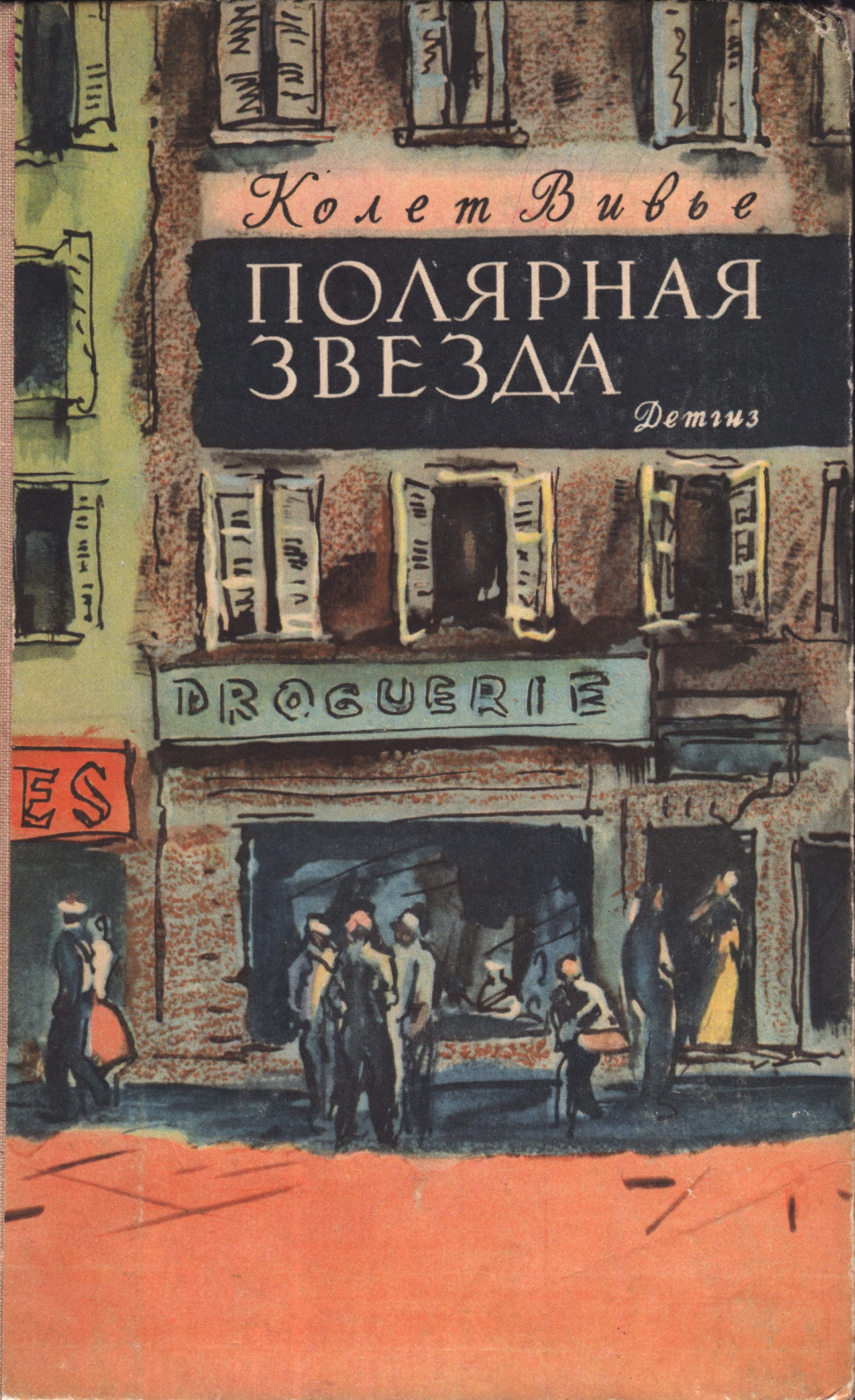

Колет Вивье

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Детиз

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1962**

Колет Вивье

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Перевод с французского
С. М. ВИКТОРОВОЙ

Рисунки
В. ВЫСОЦКОГО

Повесть «Полярная звезда» принадлежит перу современной французской писательницы Колет Вивье, автору многих произведений для детей.

Её повесть «Домик маленьких радостей» удостоена в 1939 году первой литературной премии «Жёнес».

«Полярная звезда» — книга о дружбе, горячей, преданной, облагораживающей. Герои повести — два двенадцатилетних школьника. Поль и Николя Товье — двоюродные братья, но растут они в совершенно разных условиях. Поль живёт в атмосфере чрезмерной материнской любви и деспотичной придирчивости отца, живёт без сверстников, в тепличной обстановке. Родители его люди обеспеченные, но детство Поля безрадостно.

Николя — полная противоположность своему брату. Он рано узнал лишения и необходимость зарабатывать на кусок хлеба.

Эта пронизанная тёплым и мягким юмором повесть о маленьких людях и больших чувствах вправе стоять в одном ряду с теми книгами, которые справедливо могут быть названы верными друзьями детей.

I

Вот уже неделя, как кончился учебный год, а Товели всё ещё не решили, что делать с сыном. В этом году обувной магазин принёс им немного прибыли — теперь приходилось рассчитывать только на обычный для августа наплыв иностранцев, — и господин и госпожа Товель решили отказать себе в отдыхе. Но Поля немислимо оставить на всё лето в душной квартире под самой крышей на улице Дофина; он ведь только-только оправился после длитель-

ного недомогания, связанного с переходным возрастом, и очень ослабел. Врач советовал море. Море... Хорошо ему советовать, но ведь не пошлѣшь двенадцатилетнего мальчика одного на взморье! Кому же его поручить? Не находя ответа на этот вопрос, госпожа Товель проводила бессонные ночи; с тяжѣлым вздохом вглядывалась она в осунувшееся личико Поля и рассказывала о своих переживаниях владелице галантерейной лавки, парикмахеру, всем обитателям квартала в надежде, что кто-нибудь подскажет ей выход.

Решение пришло совершенно неожиданно. Одна из её постоянных покупательниц, госпожа Юло, собиралась в Дьеп, где муж её снял меблированную квартиру. Но так как она обошлась ему значительно дороже, чем он предполагал, то госпожа Юло подыскивала, кого бы взять с собой на полный пансион. Поль для неё — находка, она будет «счастлива», если с ней поедет такой милый, воспитанный мальчик: он поможет ей скоротать время, он скрасит ей одиночество.

Госпожа Товель ожила. Всё складывалось чудесно! Госпожа Юло женщина очень милая, а её трое малюток очаровательны; Поль проведѣт лето в прекрасной компании, в этом можно не сомневаться. И к тому же — счастливое совпадение! — как раз в Дьепе родился и провѣл детство господин Товель; последние десять лет он не бывал там — какая-то семейная ссора, — но теперь, когда им придётся по воскресеньям ездить к сыночку, он будет, конечно, рад подышать воздухом родных мест. Папу эта новость нисколько не воодушевила. Вот не повезло! И надо же было этим Юло из всех курортных городов выбрать именно Дьеп! А что, если в одно прекрасное воскресенье он столкнѣтся на пляже нос к носу со своей бывшей невесткой Мальвиной или с её мужем, этим ничтожеством? Да и от покупательницы он был далеко не в восторге: попро-

буй угодить на неё, носится со своими необыкновенно чувствительными ногами — нет такой кожи, которая была бы для неё достаточно мягкой. Но господин Юло — важная шишка: заместитель начальника отдела в одном из железнодорожных управлений! Признаться, предложение это было настолько же лестно, насколько неожиданно, и, взвесив все «за» и «против», господин Товель решил принять его; а с невесткой он постарается не встречаться, вот и всё. Договорились о плате за пансион, заключили любовную сделку, и никому не пришло в голову спросить Поля, хочется ли ему ехать.

А что его спрашивать? Он никогда не станет прекословить. Конечно, его огорчит первая разлука с родителями, но ничего, пусть понемногу привыкает к самостоятельности. К тому же там он узнает море.

— Море, необозримая синева! — восторгался за ужином папа. — Ох, и понырял я, будучи мальчишкой! Плюх! — и ты уже в воде!

— Но малыш не умеет плавать, Эжен, — вмешалась мама.

— Ба! Научится, а пока пусть себе барахтается в воде. По правде говоря, мне доставит удовольствие смотреть, как он прыгает в волнах, — вспомнится юность!.. Ну, зайчик, надеюсь, ты доволен?

— Да, папа, — уткнув нос в тарелку, ответил Поль.

— И это всё? Ты что, язык проглотил? Доволен ты или нет?

— Очень доволен, папа.

— Не хватало только, чтобы ты был недоволен! — воскликнул господин Товель, наливая себе вина.

И он снова принялся разглагольствовать о «целебном воздухе побережья», об огромных розовых креветках, так называемых «букетах», которые он ловил во время отлива со своим бедным братом Анри, покойным дядюшкой Поля,

и продавал курортникам. Да, он торговал кроватками на улице, и ему не стыдно признаться в этом: только лишнее доказательство, как далеко он ушёл с тех пор.

«Да, папа», — шептал Поль каждый раз, когда отец умолкал, переводя дыхание, а на самом деле он не слушал его. Внезапное событие ошеломило мальчика, в голове у него гудело, как в тот день, когда он ударился об угол буфета. Перед глазами проплывали всевозможные картины — воспоминания о прочитанном в книгах, о виденном в кинофильмах: ловля трески прекрасным утром на ти-

хом спокойном море; буря — огромные волны поглощают корабль. Думал он и о госпоже Юло, которую несколько раз видел мельком в лавке: очень красивая, очень нарядная дама; она потрепала его по щеке рукой, затянутой в перчатку. При мысли, что ему придётся два месяца провести с этой чужой женщиной, есть за её столом, спать в её доме, он весь похолодел. Будь Поль более смелого десятка, он стал бы просить отца не отправлять его, хотя это противоречило бы его собственным словам. Да что толку? Папа рассердится и, как всегда в таких случаях, обзовёт его «мокрой курицей», не поможет тут и заступничество мамы.

Сразу же после ужина Поль убежал в свою комнату и сел за стол, приставив к глазам кулаки. «Дьеп! — в бешенстве повторял он. — Дьеп! Не хочу ехать в Дьеп!» Но где

же он, на самом деле? В департаменте Нижней Сены или в департаменте Кальвадос? Ему бы полагалось это знать, ведь он занял в последней четверти первое место по географии, а кроме того, у него там родственники; правда, он знает их только понаслышке, но тем не менее они ему родственники. Он часто присутствовал при разговорах родителей о ссоре с тётей Мальвиной. После смерти дяди Анри она, к великому гневу папы, вышла вторично замуж, да ещё за какое-то «ничтожество». Дядя Анри содержал ресторан «Полярная звезда» — сногшибательное название! Каждый раз, когда его произносили при Поле, тот надолго погружался в мечты. Он представлял себе ярко освещённый ресторан, сверкающий на тёмной улице, как звезда в небе; сквозь стёкла витрин видно, как тётя и «ничтожество» носятся взад-вперёд между столиками, уставленными цветами. В Дьепе живёт и сын дяди Анри, двоюродный брат Поля, Николя, — они, кажется, ровесники, — счастливый обитатель этого сказочного мира, где всё, наверное, не такое, как повсюду. Ах, если бы во время пребывания в Дьепе ему представился случай пройти мимо ресторана! Разумеется, чтобы только взглянуть на него. А почему бы нет, ведь он будет там один! Такая возможность развеселила Поля, наполнила его робкой радостью, развеявшей все его страхи. Вынув из шкафа словарь, он раскрыл его на слове «Дьеп».

«Дьеп (от английского слова «dip», что значит — глубокая вода), — прочитал он, — расположен в супрефектуре Нижняя Сена, при впадении в Ла-Манш реки Арк; с двух сторон защищён крутыми скалистыми берегами высотой до 70 метров. Рыболовство. Очень оживлённый курорт. 26 400 жителей».

Семидесятиметровые скалы! Глубокая вода! Как там, должно быть, красиво! Несравненно красивее, чем в Париже! Он поедет...

Поль быстро захлопнул словарь. Вошла мама. Она вздыхала, щёки её были мокры от слёз.

— Чем ты занимался, дорогой?

— Ничем.

— Тебе не грустно? Ты правду сказал папе? Ты в самом деле рад?

— Да, мама, я в самом деле рад. Минуту назад это было не так, а сейчас так.

Мама обняла его крепко-крепко. Он вдохнул знакомый запах её пудры.

— Ах, если бы от этого не зависело твоё здоровье! — продолжала она. — Но ты слышал, что сказал врач. И отец прав, ты выглядишь так плохо, так плохо... Тебе никак нельзя оставаться здесь, верно?

Голос у мамы стал хриплым, и Поль уже собирался поцеловать её, когда она добавила с мольбой:

— Если ты очень соскучишься, если эта дама станет дурно относиться к тебе, напиши мне не откладывая, и я с первым же поездом приеду за тобой. Обещаешь, да? Обещай также ничего не скрывать, ладно?

— Ну конечно, мама! — ответил Поль, на этот раз уже с некоторым нетерпением.

Как только мать вышла, он снова открыл словарь.

II

За окнами вагона с дребезжащими стёклами показался перрон, и поезд замедлил ход. Дъеп. Поль привстал со своего места.

Путешествие в перегретом, тёмном купе с задёрнутыми от солнца занавесками привело его в полное оцепенение. Он робко и вопросительно посмотрел на толстого господина в очках, заботам которого мать с тысячами настав-

лений поручила его перед самым отправлением поезда. Господин взял из сетки свою шляпу.

— Вот мы и приехали, — сказал он. — Выходи, малыш, поторапливайся, я подам тебе вещи. Ну и снаряжение у тебя!

Да, снаряжение у него и в самом деле было великолепное: большой чемодан, чемодан поменьше, свёрток с непромокаемым плащом и пальто и — венец всего — лопатка и сачок для ловли креветок, новёхонькие, он даже не успел снять с них ярлычки.

Когда всё это было аккуратно сложено на перроне, господин спросил:

— Тебя ждут у выхода? Да? Ну, в таком случае, до свиданья, желаю удачи! — и помахал рукой.

— Благодарю вас, мсьё, — ответил Поль.

Провожатый скрылся в толпе, и мальчик, совершенно растерянный, остался один со своим багажом. Поль не ожидал, что его бросят на произвол судьбы, он рассчитывал, что господин этот побудет с ним, пока они не найдут госпожу Юло. Поль инстинктивно оглянулся и поискал глазами мать. Но нет, он был один, первый раз в жизни совершенно один. Что делать? Он неловко подхватил оба чемодана, но, когда нагнулся за сачком, билет, зажатый в потном кулаке, выскользнул и упал к его ногам; он поставил один из чемоданов, чтобы одновременно поднять билет и взять плащ, но на этот раз выронил из рук сачок. После этого он отказался от всяких попыток унести багаж. Толпа вокруг него растекалась, перрон пустел; теперь тут оставались лишь два-три служащих да какая-то девушка; она стояла, прислонившись к стене с краю от сквозных ворот. А госпожи Юло всё нет как нет. Может быть, она не вышла на перрон?.. Поль стоял неподвижно, словно врос в асфальт, и ждал, сам не зная чего...

Внезапно девушка отошла от стены и направилась в

его сторону. На ней были ярко-синие шорты, оставлявшие на виду голые загорелые ноги, и сандалии; девушка размахивала на ходу кошёлкой, откуда выглядывал хлеб.

— Вы Поль Товель? — спросила она, подойдя вплотную.

— Да, мадемуазель, но я... я жду...

— Знаю, знаю, — оборвала его девушка. — Меня послала госпожа Юло. Я уже подумывала, что вы опоздали на поезд! Почему вы не пошли к выходу? Ах да, багаж...

Она легко подняла оба чемодана, словно они были пустыми.

— Остальное берите вы, — приказала она, — да прихватите мою кошёлку... Всё в порядке? Прекрасно. Билет, надеюсь, не потеряли?

— Нет, нет, — ответил Поль. — Он у меня в руке, из-за него я...

— Ну ладно, ладно! В таком случае, поторапливайтесь, а то мы никак не сдвинемся с места!

Поль пошёл за девушкой, волоча за собой сачок и стараясь шагать в ногу с ней. Как он перепугался! Он так благодарен мадемуазель за то, что она вывела его из затруднения, но на него неприятно действовали её решительная походка и резкий тон. «Кто она такая?» — мелькнуло у него в голове. Но едва они вышли из вокзала, как вопрос этот уже перестал занимать его: он чуть не задохнулся, так трудно ему было с непривычки дышать этим живительным, насыщенным солью воздухом. От грузовика, доверху нагруженного ящиками, несло рыбой, и тем же сильным, острым запахом были насквозь пропитаны площадь и набережная с осклизлой мостовой, набережная, вдоль которой они шли. Сколько мачт! Сколько парусов! Сколько сновало здесь мужчин с голыми руками, с трубкой во рту! Немало их сидело, свесив ноги, над водой. От набережной во все стороны разбегались улочки — одна, две, три... Казалось, все они терялись в пустоте.

— А что там, в конце? — спросил Поль.

— В конце улиц? — даже не взглянув в ту сторону, переспросила девушка. — Станный вопрос! Море. А что ещё, по-вашему, может там быть?

Море за теми домами? Поль протяжно вздохнул: Дъеп

представился ему вдруг каким-то островом, отрезанным от всего мира, сотрясаемым волнами, островом, все улицы которого сбегают прямо к воде. Вольный воздух, ветер, солнце, вид незнакомого города — всё ошеломило его, а тут ещё этот сачок, он всё время путался под ногами, и Поль через силу брёл вперёд, стараясь не терять из виду девушку в ярко-синих шортах. Набережную сменила бойкая торговая улица. По ней разгуливали толпы курортников; они ходили из магазина в магазин и, по-видимому, были здесь завсегдатаями. Одни лакомились мороженым в кондитерской, другие, расположившись на террасе кафе, потягивали прохладительные напитки из запотевших бокалов. Поль посмотрел на вывеску кафе. Нет, не «Полярная звезда»; впрочем, надо думать, что ресторан его тёти гораздо красивее.

Сам того не замечая, он замедлил шаг.

— Устали? — спросила девушка своим властным тоном. — Ну, мужайтесь, нам уже недалеко.

И сразу же кондитерскую, людное кафе и даже саму улицу заволокло туманом; так в приёмной зубного врача рассматриваешь картинки, по существу не видя их, настолько мысли заняты тем, что вскоре последует. Сейчас Поль мог думать только о неизвестном доме, где его ждут. Что сказать, если госпожа Юло станет расспрашивать его о поездке? У него в семье так повелось, что, когда посторонние люди обращались к нему с каким-нибудь вопросом, он не успевал рта раскрыть, как родители уже отвечали за него; а здесь ему не на кого было рассчитывать. Его охватили смятение и ужас, и ему отчаянно захотелось снова очутиться в своей комнатке на улице Дофина, под крылышком папы и мамы. Но девушка уже остановилась перед одним из тех мрачных кирпичных зданий, что сплошной линией тянулись вдоль тротуара. Она поставила чемодан и нажала кнопку звонка. Чей-то слабый голос прокричал

изнутри: «Вот они! Вот они!» — дверь отворилась, и на пороге появилась пожилая дама в наброшенном на плечи сиреневом халате; чёрные как смоль волосы и густо напудренное лицо придавали ей сходство со старым клоуном. Она окинула Поля быстрым взглядом.

— А, наш маленький путешественник! — проговорила она нараспев. — Входите, мой мальчик, только вытрите, пожалуйста, ноги. Госпожа Юло...

Она не закончила фразы, ибо на верху лестницы появилась госпожа Юло собственной персоной, а вслед ей из невидимой комнаты неслись какие-то вопли — настоящий кошачий концерт.

— Наконец-то! — воскликнула она кисло-сладким тоном. — А я думала, куда вы запропастились! Дети умирают с голоду и вот уже целый час, как не дают мне покоя!

Девушка, ничего не отвечая, легко взбежала по лестнице, а за ней взобрался и Поль.

— Служанка всё приготовила? — спросила она.

— Да, да, стол накрыт, — ответила госпожа Юло. — Сложите свои вещи в том углу, молодой человек. Всё ли в порядке у ваших родителей?

— Да, мадам, всё в порядке.

Он привык видеть госпожу Юло в выходном наряде, и его поразила её светлая юбка, обнажённые руки, перманент и обрамлённое кудряшками тщательно покрашенное лицо. Он стоял перед ней, вертя в руках свой берет, когда на площадке появились два карапуза, оба пухленькие, толстощёкие, со вздёрнутыми носами.

— Марианна, я есть хочу! — закричал старший, на вид лет пяти-шести.

— А Фред съел все помидоры, — объявил другой.

— Что ты говоришь? — воскликнула мать. — Ступайте же, Марианна, посмотрите, пожалуйста, в чём там дело.

Марианна толкнула какую-то дверь, и Поль, следовав-

ший за ней по пятам, увидел стоявшего на стуле возле накрытого стола третьего карапуза — точную копию двух других, — который невозмутимо опустошал салатницу с помидорами. При виде вошедших, он оставил в покое салатницу и вытер масленые руки о свои штанишки.

— Новые штанишки! Да перестанешь ты наконец! — воскликнула Марианна, бросаясь к нему.

Она довольно резко схватила его за плечи и поставила на пол. Фред разревелся.

— Но вы делаете ему больно, — напустилась на неё госпожа Юло. — Бедный ангелочек, он тоже страшно проголодался!.. Кошмарное утро! Чувствую, у меня разыгрывается мигрень. Марианна, закройте ставни, этот яркий свет утомляет меня, — продолжала она, но уже другим тоном.

Марианна закрыла ставни; комната погрузилась в зелёный полумрак, и все расселись вокруг стола доедать остатки салата. С первых же глотков Поль успокоился: никаких вопросов, а следовательно, никаких ответов; три мальчугана подняли такой гам, что нельзя было слова вставить. После каждого блюда Марианна отправлялась на кухню за следующим, пока госпожа Юло, развалившись на стуле, обмахивалась салфеткой. Ну и жара! Невыносимо! А тут ещё ангелочки сегодня не находят себе места... Вспомнив вдруг о присутствии Поля, она посмотрела на него и заявила, что он очень плохо выглядит.

— Не больны ли вы? — спросила она.

И, так как Поль стал уверять её, что чувствует себя прекрасно, она сказала:

— Всеми виной ваша зелёная рубашка, от неё цвет лица у вас такой... такой...

Поль посмотрел на свою новую рубашку, которую мама купила ему на рынке. Это от неё у него такой цвет лица? А какой, собственно? Он почувствовал себя совершенно

опозоренным своим цветом лица и до конца обеда не смел поднять глаз от тарелки.

Марианна убирала со стола. На её вопрос, подавать ли кофе, госпожа Юло ответила, что не стоит: мадемуазель Мерль, хозяйка квартиры, пригласила её послушать радио. Она выпьет кофе у неё внизу; там, в холодке, под звуки песенок она, пожалуй, избежит мигрени.

— Поскорее уложите детей, — распорядилась она.

При этих словах все три малыша спрыгнули со стульев и в едином порыве кинулись к матери. Они не хотят спать, они хотят сейчас же пойти на пляж с «мсьё».

— «Мсьё»! Слышите, Поль, как они зовут вас? — воскликнула мать, не сводя с них глаз. — Какие они всё-таки милые, мои ангелочки! Ну что ж, Марианна, ведите их на пляж. А я спущусь вниз.

Едва закрылась дверь за госпожой Юло, как Марианна взорвалась. Пришло бы ещё кому-нибудь в голову посылать её на улицу в такой зной в угоду этим своенравным мальчишкам? Хорошенькое воспитание, нечего сказать!

— Но со мной всё пойдёт по-другому! — заявила она, порывисто намазывая бутерброды маслом. — Кто-кто, а я сумею заставить их слушаться. У меня, понимаете ли, есть принципы.

— Ну разумеется, — подтвердил Поль, хотя весьма смутно представлял, что означает слово «принципы».

Детям не терпелось вырваться из дома, и, сбегав за лопатками и ведёрками, они уже толкались у двери, которую самый маленький тщетно пытался открыть.

— Идём? — спросил старший.

— Пойдём, когда я скажу, — отрезала Марианна. — Почему бы вам не взять свою лопатку, Поль?

— И сачок тоже?

— И сачок. Неужели вы не можете обойтись без под-

сказки. Ну, а теперь — в путь, раз всё равно нет ни секунды покоя.

За дверью их поджидало солнце. Ни малейшего ветерка. Тротуар, стены — всё накалилось.

— Тридцать четыре градуса в тени! — ворчала Марианна, подталкивая вперёд мальчуганов. — Полюбуйтесь — на улице ни одной собаки... Да подымите же голову! Вам что, страшно глянуть на море?

Поль вытаращил глаза. Та узкая полоска, что колыхалась вдали, та голубая полоска, сливающаяся с небом, — это и есть море? Он добежал до самой набережной. Галька, пёстрые палатки, короткий спуск, а за ним — огромное, совершенно пустое пространство, продуваемое ветром, усеянное мелкими лужицами, обрамлённое справа и слева скалами, высокими, отвесными. Ага, вот и волны, теперь он различал их. Они обгоняли одна другую, словно разбегаясь для прыжка. Но какие они мелкие! Он почувствовал смутное разочарование: это далёкое море обмануло его надежды. Правда, оно ещё поднимется — прилив, отлив, — сейчас отлив, вот и всё... Но что там движется?

— Судно! — закричал он.

— Эка невидаль! — отозвалась Марианна. — Будто вы не знали, что по морю плывут суда. Ну-ка, спускайтесь на пляж. Наша палатка третья слева.

Палатка оказалась жёлтой в красную полоску: в глубине её громоздились шезлонги. Один из них Марианна поставила и, сдерживая зевоту, расположилась на нём, заложив руки за голову. А дети уже неслись к воде — три маленькие синие фигурки, — видно было, как они прыгали от лужи к луже.

— Не мочите ноги, ещё рано! — крикнула им Марианна. — А вы, — обратилась она к Полю, — почему бы вам не поиграть с ними?

Поль покраснел до ушей. Ему, в его двенадцать лет,

играть с этими младенцами? Не говоря уж о том, что в октябре он пойдёт в класс, после которого выдаётся свидетельство об окончании средней школы. За кого она его принимает?

— Я лучше останусь здесь, — решительно заявил он.

Марианна только пожала плечами в ответ, и Поль, не смея взять шезлонг, уселся на корточки возле неё. Молчание затягивалось. Он развлекался тем, что собирал камешки и бросал их вдаль.

— Какие красивые камешки! — заметил он.

— Не камешки, а галька, — наставительным тоном поправила его Марианна. — В детстве я, бывало, разрисовывала ее корабликами, цветочками. И вам советую попробовать, очень спокойная игра, — насмешливо добавила она.

И тут Поль ещё больше покраснел и взглянул на свою новую лопатку. Вот бы вырыть в песке яму, глубокую-преглубокую, и спрятаться в ней с головой — только его и видели. Поняла бы тогда Марианна, какие спокойные игры ему по душе! пляж вокруг постепенно оживлялся; его заполнили дети, женщины, которые вязали или читали, сидя в тени палаток. Внезапно откуда-то справа вынырнула целая орава мальчишек; бронзовые от загара, они бежали босиком по гальке. Поль посмотрел на свои худые, чересчур бледные ноги и быстро поджал их под себя. Нет, не надо никакой ямы, никакой, пусть даже новой лопатки! Понурый сидел он, не спуская глаз с мальчишек, что в погоне за мячом носились по гальке.

— Опять Тото взялся за свои проказы и измывается над Рири! — воскликнула вдруг Марианна, поднимаясь с шезлонга.

Поль подскочил: у него совсем из головы вышли три синие фигурки. Он поискал их глазами: вот они там, возле той лужи... Старший из ребят пытался накормить песком

младшего, а чтобы тот не сопротивлялся, Фред, средний брат, держал его за руки.

Рири, полузадушенный, вопил.

— Ну, подождите у меня! — крикнула Марианна.

Подбежав к ним, она отругала Тото, отругала Фреда и, не переставая отчитывать их, повела к палатке, а Рири, у которого вся рожица была в песке, семенил за ними.

— И они, конечно, промокли, — возмущалась Марианна, — а ведь я им не раз объясняла, что нельзя шлёпать по воде вскоре после еды, это мешает пищеварению. Объясняла я вам или нет? — обратилась она к ребятишкам.

— Да, Марианна, — отозвались три невинных голосочка, и в одном из них ещё слышались слёзы.

— Ну вот, раз вы ослушались, оставайтесь здесь, и первый, кто тронется с места, будет иметь дело со мной. Понятно?

— Возле палатки? — спросил Тото.

— Да, и ни шагу дальше!

Какая внезапная покорность! На берегу, усеянном галькой, три малыша сидят на корточках, поставив ведёрки между коленок, — яркая картина послушания. Но уже через минуту Фред зачерпнул из ведёрка горсть песка и бросил его в Марианну, его примеру последовал Тото, а за ним и Рири.

Марианна нахмурилась и украдкой посмотрела на Поля, не смеётся ли тот над ней; его безмятежный вид успокоил девушку, и она повернулась к детям.

— Если вы будете и впредь так делать, — мягко, но твёрдо сказала она, — вы засорите мне глаза песком, я не буду ничего видеть и даже ходить одна не сумею.

Не вынимая руки из ведёрка, Тото задумчиво смотрел на неё.

— Тогда мама, может быть, купит щеночка, чтобы водить тебя? — заметил он наконец с большим воодушевлени-

нием. — Слышите, — крикнул он братишкам, — если Марианна будет плохо видеть, мы получим щенка!

И замелькали руки, и полетел песок! Марианна покраснела от гнева. Она шагнула к тройке буянов.

— Вы хотели досадить мне, — сказала она, — я заплачу вам тем же. Это будет только справедливо.

И она высыпала песок из ведёрок на гальку. Малыши взвыли. Две женщины, проходившие мимо, остановились, наблюдая эту сцену.

— Посмотри-ка на эту девушку, Лили: бедные малютки, она высыпала у них из ведёрок песок! — с негодованием сказала одна из них.

— Возмутительно, и больше ничего! — отозвалась вторая. — Погодите, мои маленькие, я вам их снова наполню.

Она взяла пустые ведёрки и, бросив гневный взгляд на палатку, направилась к берегу. Три карапуза с победоносным видом последовали за ней; едва они очутились на песке, как принялись с ещё большим азартом барахтаться в луже под умильным взглядом своей заступницы.

Марианна вернулась на своё место, напевая с деланной непринуждённостью, но Поль догадывался, что она взбешена.

— Люди всё портят! — сказала она, отчеканивая каждое слово. — Если бы эти две дурёхи не вмешались не в своё дело, дети усвоили бы мой урок. Впрочем, чего мне волноваться, — продолжала она, как бы урезонивая самоё себя, — в конце концов, я им не мать, пускай лучше госпожа Юло займётся своими детьми, чем целыми днями судачить с мадемуазель Мерль! Сперва мы договорились, что я прихожу только после обеда, а свелось к тому, что я вынуждена являться с утра, делать покупки, прислуживать за столом. «Марианна, закройте ставни... Марианна, дайте таблетку аспирина. Марианна то, Марианна сё...»

Баста! Марианна сыта по горло. Ах, если бы мне не нужны были деньги!

А деньги ей нужны были на свадебный подарок сестре Элизабете, которая в октябре выходила замуж за очень милого молодого парижанина, кинорежиссёра.

— Бернар Масон — вы, наверное, слышали это имя?

— Нет, — признался Поль.

— Ну ничего, рано или поздно вы ещё о нём услышите: у него такой талант! Он приехал сюда перед самой пасхой, на съёмку документального фильма, и таким образом Элизабета познакомилась с ним. Ведь мы живём тут, совсем рядом, в Увиль-ля-Ривьер; у папы там аптека. А Элизабета наша красавица. Посмотрели бы вы на неё! По-моему, нет ничего удивительного, что она приглянулась Бернару! Они будут жить в Париже. Им, видите ли, очень повезло: у Бернара уже есть квартира в очень шикарном квартале — в Батиньоле. Знаете?

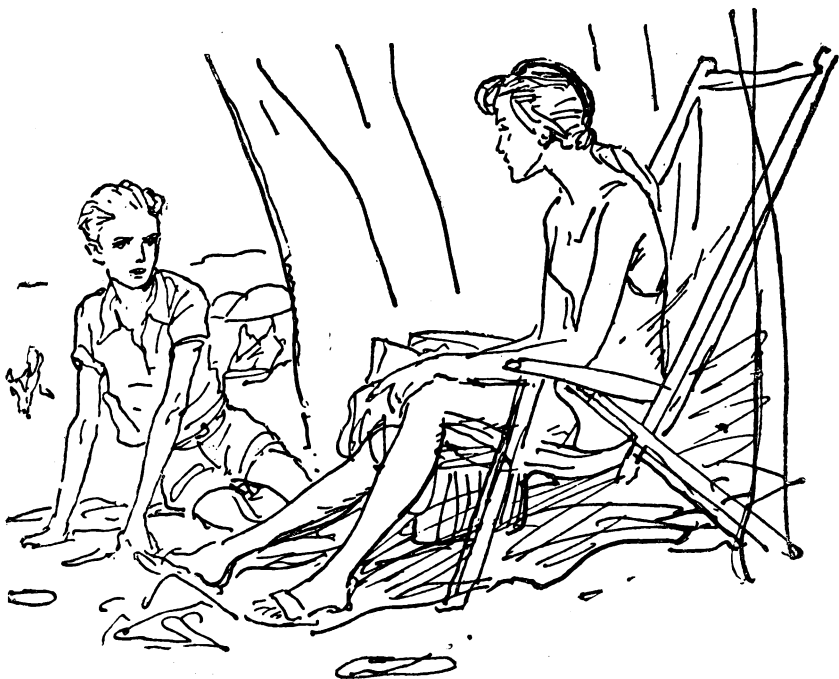
— Нет.

— Да вы что же, так ничегошеньки и не знаете? Во всяком случае, если хотите взглянуть на мой подарок, вам нужно только дойти до магазина радио и телевизоров, что на углу Большой улицы; вы найдёте его на витрине слева: маленький приёмник, бежевый с коричневой полосой, ну просто загляденье! Но он дорогой, вот почему мне приходится работать в каникулы, вместо того чтобы отдыхать. А я честно заслужила

свой отдых. В июне я сдала экзамены на степень бакалавра с оценкой «вполне удовлетворительно», — с напускным равнодушием добавила Марианна.

Тут она замолчала, ожидая отклика на свои слова, но Поля так потрясло это сообщение, что он не находил слов. Девушка, которая получила степень бакалавра и сама, как взрослая, зарабатывала себе на жизнь, снизошла до откровенного разговора с ним! Было от чего почувствовать себя на седьмом небе, было от чего подняться в собственных глазах. По правде говоря, за минуту до того его чутьчку покорило, что она так неуважительно отзывается о госпоже Юло, об этой красивой даме, которую родители его так почтительно принимали в своём магазине. «Слышал бы

папа!» — подумал Поль. При этой мысли на душе у него повеселело: значит, они сообщники с Марианной! И он еле удержался от смеха.

— Очень, очень, очень хорошо получить отметку «вполне удовлетворительно»! — с жаром воскликнул он.

— Не преувеличивайте, — остановила его Марианна, явно польщённая. — Впрочем, я вполне могла бы получить «хорошо», не добрала только одного балла. А теперь вместо фило...

— О да, — произнёс Поль, для которого слово это являлось полнейшей загадкой.

— Понимаете, хочу стать учительницей... Получив диплом, попрошусь на Мадагаскар. Я видела один фильм, действие которого происходит на этом острове: манговые леса, ибисы, крокодилы... великолепная страна! Мама, разумеется, находит, что это чересчур далеко, но я обещала время от времени навещать её. Теперь, с самолётами, всё очень просто! — небрежно бросила Марианна, словно летать для неё было привычным делом.

Она на миг задумалась, мечтательно глядя куда-то в пространство, а затем наклонилась к Полю:

— А вы кем будете, когда вырастаете?

— Я? — с изумлением прошептал Поль.

— Ну да, вы! А кто же ещё, по-вашему?

— Я... я... поступлю в Сен-Сир.

— А... — удивилась Марианна. — Так вы хотите стать офицером!

— Стать офицером?

— Ну конечно. Сен-Сир выпускает офицеров. Вам это по душе?

— Почём я знаю? Папа постоянно твердит, что я поступлю в Сен-Сир, а раз папа...

— Надо говорить: «Я не знаю». И потом, речь идёт не о папе, а о вас. Ну так как же, по душе вам или нет?

— Почём... Я не знаю, — повторил Поль, припёртый к стене.

У Марианны вырвался короткий гортанный смешок, что совершенно доконало его: она насмехается над ним, это точно. Вдруг Поля обуяло бешеное желание стукнуть её кулаком, как поступал он со школьными товарищами, когда они слишком донимали его, но нет, девчонок не бьют... И он тут же впал в другую крайность: стал отчаянно ломать голову, как бы вернуть себе её уважение. Не задать ли ей загадку, например, ту, забавную, про яйцо? Или показать, как хорошо он делает мостик... Ага, нашёл!

— Знаете ли вы «Полярную звезду»? — многозначительно спросил он.

Марианна, вынув из сумки вязание, старалась поймать спущенную петлю. Она даже не подняла головы.

— Нелепый вопрос! — отозвалась она. — Да кто же не знает эту звезду?

— Я говорю не о той, что в небе, я говорю о другой, о большом дъепском ресторане.

— Большой ресторан? В Дъепе? Даю руку на отсечение, ресторана под таким названием здесь нет.

— Как нет? Как нет? — горячился Поль. — Да это самый красивый, самый роскошный ресторан в городе. И, если на то пошло, его содержит моя тётя, так что вот!

— А я вам говорю, нет такого ресторана, во всяком случае здесь, в Дъепе, — повторила Марианна, отчётливо выговаривая каждое слово, как если бы она обращалась к несмышлёному младенцу. — Вы, наверное, ошиблись. Да и вообще, надоели мне ваши небылицы, не мешайте работать! — И она с жаром принялась за вязанье, кончиком мизинца отбрасывая петли; на губах её блуждала лёгкая улыбка.

«Опять она насмехается надо мной! — подумал Поль. — Ей бы только позлить меня. В Дъепе нет «Полярной звез-

ды»? Выдумала тоже! Не такой я дурак, чтобы поверить ей». И, угрюмо насупившись, он забился в угол, между своими ещё не бывшими в употреблении лопаткой и сачком. Время шло. Марианна позвала детей и накормила их, но Поль гордо отказался от предложенного ему бутерброда. Впрочем, ему не столько хотелось есть, сколько спать; в душной полутьме палатки на него нашла какая-то сонливость, от долгого сидения галка стала казаться ему нестерпимо жёсткой. Море поднималось, волны его уже лизали подножие склона, и теперь в воде было полно купальщиков; они ныряли, плавали, плескались, обдавая всё вокруг белой пеной. Какой-то толстый, пузатый господин распекал свою дочку за то, что она не хотела окунуться; две девушки в красных купальниках весело брызгались, а парнишки, на которых недавно засмотрелся Поль, оставив на берегу мяч, пускали по воде жёлтые кораблики; сложив ладони рупором, они что-то кричали друг другу, но что именно, Поль никак не мог разобрать. Он даже не завидовал им больше. Кончится ли когда-нибудь этот день? Ноги у него затекли, он скучал и думал только об одном: как бы уйти с пляжа.

III

На следующий день Поля разбудило радио мадемуазель Мерль: «Четвёртый сигнал даётся ровно в девять часов десять минут». Уже девять часов! В соседней комнате дети требовали утреннего завтрака, и кто-то, по-видимому служанка, тягучим голосом покрикивала на них: «Да не вопите так, разбудите мадам». Поль не решался встать. Накануне вечером никто не догадался показать ему, где находится умывальник, конечно, можно было бы спросить об этом у служанки, но выйти в пижаме к незнакомой женщине... нет, лучше не умываться. Один раз куда ни шло!

Вещи свои он ещё не выложил: госпожа Юло не позаботилась также указать ему, куда их девать, и, порывшись в чемодане, он вытащил оттуда свою самую красивую рубашку, белую, в красную полоску, а ту, зелёную, засунул в самый низ, под бельё; никогда больше он не наденет эту зелёную рубашку — из-за неё у него такой цвет лица... Фу, вот и всё: никакого умывания, день начинается великолепно! Стараясь не шуметь, он открыл окно, и лучи уже горячего солнца ворвались в заставленную мебелью комнату и осветили неубранную постель, разбросанные повсюду нераспакованные вещи. На улице одна за другой открывались лавки, ранние пловцы с купальными костюмами в руках направлялись на пляж. У Поля тоже был купальный костюм, и он твёрдо обещал папе «барахтаться в воде». Может быть, сегодня? Да, да, сегодня он намерен развлекаться! Он выроет в песке большую яму и наловит креветок, множество креветок, а ещё ему надо немного пройтись по Дьепу, если он хочет отыскать «Полярную звезду». Вот только с кем? Вдруг его осенило: ведь Марианна жаловалась, что ей каждое утро приходится делать покупки. Прекрасная мысль! Он пойдёт с ней и, увидев ресторан, тут же скажет: «А ну-ка, полюбуйте, выдумщица!» Или нет, он...

Но распахнулась дверь, и в комнату вошла худая женщина в чёрном переднике; в широко расставленных руках она несла малюсенький поднос с чашечкой шоколада и двумя бутербродами.

— Вот вам завтрак, — объявила она. — Боже ты мой, неужели вы не могли чуточку прибрать? Как мне подметать в таком хаосе?.. У меня и без того полон рот работы, а тут ещё разноси завтрак по всем комнатам. Можно подумать, что здесь гостиница!

— Да, сударыня... Конечно, сударыня, — бормотал Поль, донельзя сконфуженный.

— Ну ладно, ладно, вы не знали, так и быть, — смягчилась женщина. — Пейте, пока не остыло. Боже ты мой, ну и аппетит! — добавила она, увидев, как мигом исчезли бутерброды. — Морской воздух, что ли, так действует, но здесь все много едят.

Она показалась Полю очень доброй, и он осмелился обратиться к ней:

— Скажите, пожалуйста, сударыня, не знаете ли вы, где находится большой ресторан под названием — тут он, сам не зная почему, понизил голос — «Полярная звезда»?

Служанка сделала оскорблённое лицо.

— Большие рестораны не по моей части, — заявила она, — с этим обращайтесь к другим, сударь мой!

И она исчезла вместе с подносом, а Поль, сильно озадаченный, уселся на кровать. Оставалось только дожидаться Марианну. Увы! Когда наконец, без малого в десять, появилась Марианна, он не успел слова выговорить, как она заявила, что отправляется за покупками с Тото и Фредом и рассчитывает оставить на его попечение Рири. «Вы прекрасно можете заняться им, вам ведь всё равно нечего делать», — сказала она. Поль скрыл своё разочарование, но так разозлился, что, оставшись вдвоём с карапузом, довольно долго молчал. Рири вскарабкался к нему на колени и стал приставать: Расскажи да Расскажи ему сказку о штопоре.

— Не знаю я такой, — буркнул наконец Поль.

— Тогда я сам тебе расскажу, — охотно вызвался Рири.

И он пустился в длинную, очень запутанную историю, где бесконечно повторялось: «тут он заплакал», «тут она его высекла», и невозможно было понять, кто «он» и кто «она». Солнце за окном поднималось всё выше и выше. Радио на первом этаже монотонно наигрывало танцевальные мелодии, служанка подметала пол, стирала пыль и беспрестанно приговаривала: «Боже ты мой...»; «и тут...

и тут...» — продолжал Рири, свернувшись в клубок на раскладушке, а Поль, сидя на другом её конце, слушал его с видом мученика.

Незадолго до полудня вернулась Марианна. Она уже накрывала на стол, когда появилась госпожа Юло; завитая, расфуфыренная, в платье с жёлтыми и зелёными цветами, она выглядела внушительнее, чем когда-либо.

— Хорошо выспались, молодой человек? Вы, я вижу, переодели рубашку! Гм, красные полосы... Что ж, у каждого свой вкус...

— Да, мадам...

Что бы ещё такое сказать? Поль думал, думал, но всё напрасно: в присутствии госпожи Юло он положительно терялся; так, не прибавив ни слова, он сел за стол.

— Закройте ставни, Марианна... Нет, нет, никакого кофе, я спущусь к мадемуазель Мерль.

И снова сборы на пляж — лопатки, ведёрки, бутерброды. Но на сей раз Поль не спрашивал, брать ли ему сачок; за утро он так извёлся от скуки, что едва очутился на берегу, как принялся ловить креветок. Подбежав к одной из луж, он закинул сачок, вытащил его... Нет, ничего. Снова закинул — тот же результат, а между тем дело это, видно, совсем не сложное: маленькая девочка там, у скалы, ловила их дюжинами, а три мальчика рядом с ней и того больше; хвастая друг перед другом своей добычей, они без конца пересчитывали креветок. Как хорошо им вчетвером! Видно, они не первый день знакомы. Поль жадно следил за каждым их движением. Ах, если бы расположить их к себе, услышать от них волшебные слова: «Иди играть с нами!» В этот миг — о чудо! — один из мальчиков, толкая перед собой в воде свой сачок, направился в его сторону; он подходил всё ближе и ближе, вот он почти касается его... Поль собрал всё своё мужество и поощрительно улыбнулся мальчику, но тот прошёл мимо, даже не

взглянув на него. Поль так и остался со своей никому не нужной улыбкой; почувствовав себя глубоко униженным, он закусил губу, чтобы не расплакаться, так ему стало горько. Ослепительный блеск солнца на голом песчаном берегу, детские голоса, звучащие ясно и отчётливо в громадном пустом пространстве, — всё удручало его.

Он уже повернул было к палатке, как вдруг из-за скалы вышли ещё два мальчика, отнюдь не чета тем, первым; на мальчиках были старые, закатанные до колен штаны, а у того, рыжего, что с виду казался постарше, на тельняшке, у самого ворота, зияла дыра. Чем это они занимаются? Мальчики шарили под камнями, время от времени вытаскивали оттуда каких-то коричневых шевелящихся зверушек и бросали их в большое ржавое ведро. Поль робко подошёл ближе и, вытянув шею, заглянул в ведро. Крабы. Да, самые настоящие крабы, каких продают на парижских рынках, только эти значительно мельче.

— Ой, крабы! — крикнул он во весь голос.

Рыжий обернулся и подмигнул своему приятелю, краснощёкому кудрявому толстяку, а тот расхохотался во всё горло.

— Чего вы смеётесь? — спросил Поль.

— Просто так, — ответил рыжий. — А кто нам запретит?

— Вот тоже задавака! — добавил курчавый толстяк, давась от смеха. — Пари держу — парижанин, с первого взгляда видно. Ты парижанин, а?

— Да, — ответил Поль.

Всё в этих мальчишках отпугивало его: и растерзанная одежда, и странный говор, резкий и в то же время певучий; но он был так рад поболтать с кем-нибудь, что не мог заставить себя отойти от них.

Он снова наклонился над ведром, прикидываясь очень заинтересованным.

— Занятно? — спросил курчавый. — Ну погоди, сейчас мы тебе покажем их вблизи.

И, вытащив из ведра довольно крупного краба, он сунул его клешнями прямо под нос Полю. Тот мигом отскочил, закрыв лицо руками. Мальчики так и прыснули.

— Трус! — презрительно сказал рыжий. — Не бойся, не съест. Нет, ты только погляди на него, Тинтин, на кого он похож со своим новеньким сачком! Что проку тебе в твоём дурацком сачке? Где они, твои кровати?

Поль побагровел. Он был готов прибить себя за то, что стоит и выслушивает их насмешки!

— Ну, кончили? — заорал он в бешенстве. — Во-первых, мой папа в детстве тоже ловил крабов, не вы одни такие...

— Это только доказывает, что отец твой был не такой размазней, как ты, вот и всё, — возразил рыжий. — А чем он сейчас занимается?

— Кто?

— Отец твой!

— У него магазин обуви в Париже, — гордо ответил Поль.

Мальчики приняли эту важную новость с полнейшим равнодушием. Рыжий поднял ведро.

— Всё это прекрасно, но нам нельзя терять время, — сказал он. — Ну, до свиданья, хватит болтать.

Как! Они уходят? При мысли, что он опять останется один, отчаяние с новой силой охватило Поля.

— Постойте! — крикнул он.

Рыжий обернулся.

— Послушайте, ой, послушайте, — продолжал Поль, — примите меня в игру, а я вам что-то дам!

— Мы не играем, мы работаем... А что ты дашь?

Поль вытащил из кармана красный шарик.

— Вот что, — сказал он.

— Подумаешь, шарик! — фыркнул курчавый толстяк. — На кой он нам сдался? Пошли, Ник.

— Постойте! — повторил Поль.

Он лихорадочно шарил по карманам. Платок, кошелёк, ещё три шарика, перочинный ножик... Нет, его он не отдаст ни в коем случае... Мальчики удалялись. Он побежал за ними, предлагая ножик.

— У-у-у, — протянул курчавый, — вот это стоящая штука!

Он взвесил на ладони ножик и, прищёлкнув языком, живо опустил его в карман.

— Ладно, в таком случае, — сказал он, — тебе разрешается следовать за нами... если можешь.

С этими словами он со всех ног бросился наутёк, увлекая за собой своего товарища и хохоча пуще прежнего.

— Ну, это вы слишком! — захныкал Поль. — Слышите, это вы слишком!.. Мой ножик! Я пожалуюсь папе, маме!

Но мальчики были уже далеко. С удивительным проворством и ловкостью перепрыгивали они с камня на камень, словно стараясь не попадать в лужи. Лужи... Но где они, эти лужи? Теперь море заливало часть берега, мелкие юркие волны зарывались в песок, образуя в нём канавки, которые тихо и незаметно сливались одна с другой. Поль в испуге обернулся. Вода всюду! На месте лужи, что прежде была за его спиной и отделяла его от пляжа, сейчас колыхалось огромное озеро, а справа и слева прибывали всё новые и новые волны. Что делать? Куда бежать? Вдруг он заметил Марианну, она стояла вон там, возле палатки, и, казалось, подавала ему какие-то знаки.

— Иду! — крикнул он, словно она могла его услышать, и ступил со своим сачком в лужу.

Но что произошло? Вот вода ему по колено, вот она поднимается выше, выше, вот доходит до живота. Он хотел

повернуть назад, но поскользнулся и, не достав дна, полетел в какую-то яму.

— Мама! — закричал Поль.

Погрузившись с головой, он почувствовал почву под ногами, непроизвольно оттолкнулся и выплыл на поверхность; затем снова погрузился. Под водой, над водой он кричал, кричал; в открытый рот попадала вода, солёная, отвратительная, и он невольно глотал её. «Что со мной? Неужели я тону?» — смутно пронеслось в голове. Он больше не кричал, не испытывал страха, а одно только безмерное удивление. Вверх, вниз, вверх, вниз; он погружался, всплывал, однако каждый раз всё с большим трудом; ему уже не хватало ни сил, ни воздуха. И он насколько мог вытягивал шею, словно хотел удлинить своё тело, дабы сделаться таким большим, чтобы морская пучина, увлекавшая его на дно, стала мелкой для него.

Внезапно всё изменилось. Чьи-то пальцы — откуда они взялись? — вцепились в его плечо. Неудержимая дрожь пронизала вдруг всё тело Поля, и, обретя вновь страх, жизнь, он с жадностью ухватился за них, почувствовал спасительную руку и вцепился в неё...

— О мсьё! Мсьё! — лепетал он.

— Пусти меня, идиот! — произнёс чей-то прерывающийся голос.

И так как он цеплялся всё крепче и крепче, со своей неизменной мольбой: «О мсьё!..» — то получил удар кулаком по голове. Оглушённый, полузадохшийся, он терял сознание и всё же смутно понимал, что может позволить себе впасть в забытьё теперь, когда кто-то занимается им.

Очнувшись, он увидел, что лежит на носилках, а вокруг толпятся какие-то тени.

— Ребёнок утонул, — донеслось до него.

— Умер?

— Нет... да... нет, видите — дышит.

Избегая всех этих взглядов, он поспешил снова закрыть глаза и вскоре почувствовал, что его подняли вместе с носилками и понесли вдоль склона. Люди, и ещё люди, и ещё всякие возгласы. Затем остановка. Какой-то высокий мужчина, нагнувшись над ним, то поднимал, то опускал ему руки, ноги. Поль доверился ему, расслабив тело, и нарочно старался продлить обморок, так он гордился, что стал важной персоной, предметом всеобщего внимания. Тот вложил ему в рот два пальца, Поля стошнило.

— Всё в порядке, — произнёс чей-то голос.

— Правда, вы на самом деле так считаете? — прошептал другой, чуть дрожащий голос.

Полю он показался знакомым. Он осторожно приоткрыл глаза, чтобы узнать, кто это говорит, но тут укол в левую ляжку заставил его подскочить; он не сдержался и вскрикнул.

— Ну вот, — сказал первый голос, — теперь можно отнести его домой. Удобная постель, добрый грог поставят мальчика на ноги.

Улица, дом, маленькая гостиная, кровать; Марианна — она принесла ему грог (да, это, конечно, её голос он только что слышал), — госпожа Юло в своём пёстром платье, мадемуазель Мерль, рухнувшая в кресло.

— Пейте, пейте, не смотрите, что обжигает, — сказала Марианна, помогая ему приподняться.

После первого глотка он скорчил гримасу.

— Да пейте же, говорят вам! — сухо приказала госпожа Юло. — Вы и без того причинили нам достаточно неприятностей!

— Бедный мальчик, — вмешалась мадемуазель Мерль, — не тормозите его, мадам Юло, дайте ему прийти в себя. Боже мой, когда я увидела его на носилках, меня словно оглушило, а тут ещё эта вода так и капает, так и капает... Придётся снова натирать полы, это как пить дать,

но в ту минуту я об этом даже не подумала, так всё во мне перевернулось.

— Подумаешь! Просто-напросто искупался! — возразила госпожа Юло, которую явно раздражали все эти причитания. — Вы, мадемуазель, склонны из всего делать трагедию!.. Чуть не утонул.... Да разве у нас бывают утопленники? О них читаешь только в газетах!

— Однако, смею вас уверить, милейшая мадам Юло, не дальше чем в прошлом году здесь, в Дьепе...

— Пф, пф, в Дьепе! — процедила сквозь зубы госпожа Юло с такой брезгливой миной, словно ей неприятно было произносить это, на её взгляд, ничтожное слово.

После чего мадемуазель Мерль сделала поворот на сто восемьдесят градусов. Конечно, мадам Юло виднее, ведь она живёт в Париже, в этом огромном столичном городе, где, по слухам, драмы случаются на каждом шагу.

— Ну да, тут двух мнений быть не может, — просияв, заявила госпожа Юло, — когда живёшь, как вы, в глухой провинции... А ну-ка, вон отсюда! — прикрикнула она на своих ангелочков, которые только вошли и, сгорая от любопытства, тихонько подбирались к постели.

— Мы хотим посмотреть, утонул Поль или нет, — с решительным видом объявил Тото.

— Нет, не утонул, он такой, как всегда, — не скрывая разочарования, заметил Фред.

— Такой, как всегда, — вторил брату Рири.

— Сказано — убирайтесь! — воскликнула мать, подталкивая их к двери. — Бедные ангелочки, — добавила она, едва они вышли из комнаты, — теперь из-за этой дурацкой истории у них весь день испорчен! — Она повернулась к Полю. — Да, кстати, не сообщайте ничего вашим родителям, хорошо? Не хватает только, чтобы они всё это раздули и примчались сюда с первым поездом!

Поль ответил «хорошо», но скрепя сердце: он уже обду-

мывал письмо, прекрасное письмо, полное трогательных подробностей, и рассчитывал сегодня вечером заготовить его. Равнодушие, проявленное госпожой Юло, возмутило Поля. Сказать, что с ним ничего не случилось, «просто искупался»! А носилки? А врач? А все эти люди вокруг него на пляже?

— Как болит шея! — простонал он.

— Ничего страшного, — отозвалась своим бесстрастным тоном Марианна, — натрудили — ведь вы всё время высовывали её из воды. Я видела с берега.

— Ах да, — прошептал Поль, — теперь припоминаю... А кто меня спас? — спросил он.

Правда, кто его спас? В сумятице первых минут никто не подумал справиться об этом, и теперь все головы повернулись к Марианне, единственной свидетельнице происшествия.

— Должно быть, какой-то здешний мальчик, — сказала она. — Я хотела поблагодарить его, но он тут же смылся. Такой маленький, довольно щедушный, с рыжими волосами.

— С рыжими?! — приподнимаясь с подушки, воскликнул Поль. — Вы уверены, что он рыжий?

— Почему это вас взволновало? Вы уже успели свести знакомство с портовыми сорванцами? — высокомерно осведомилась госпожа Юло.

— Нет, что вы, мадам! — поторопился ответить Поль.

Он потерял всякое доверие к госпоже Юло и, чтобы избежать расспросов, притворился усталым и закрыл глаза. Это дало ему возможность поразмыслить над словами Марианны. Рыжий мальчик несомненно тот самый сорванец, который отнял у него на пляже ножик. Какая беда! И надо же было, чтобы из всех, кто присутствовал там, именно рыжий пришёл ему на помощь! Спаситель — это почти герой, к нему испытываешь признательность,

а Полю претило испытывать такое чувство к мальчику, который одурачил его и вдобавок стукнул по голове кулаком, когда он не мог дать сдачи. Поль вспомнил, как зывал к нему: «О мсьё!» — и у него вдруг сжалось сердце. Мсьё... Как тот, должно быть, смеялся! «Только бы никогда больше не встретиться с ним», — подумал Поль, глубоко униженный.

— Бедный херувимчик, он, кажется, уснул! — прошептала мадемуазель Мерль.

Тёплый грог оказал своё действие. Поль смутно слышал, как госпожа Юло жаловалась на мигрень и просила Марианну перед уходом на пляж приготовить ей чай. Потом всё смешалось; какое-то мгновение слова «мигрень», «о мсьё» ещё маячили в затуманенном мозгу мальчика, а затем он погрузился в глубокий сон.

IV

Весь следующий день Поль провёл в постели. По правде говоря, он чувствовал себя довольно бодро, хотя шея у него ещё очень болела, но он был не прочь спокойно полежать в залитой солнцем гостиной. Пока Марианна находилась на пляже, а госпожа Юло ходила за покупками, с ним сидела мадемуазель Мерль; и она, пользуясь тем, что они остались одни, дала волю своему сочувствию. Мадемуазель заботливо ухаживала за Полем, готовила ему целебное питьё и не переставала толковать о том, что она называла «ужасным событием» (ага, на этот раз речь шла уже не о «простом купании»). Послушать её, так в этом месте море полно опасных течений; не дальше как в прошлом году один господин с женой едва не погибли здесь во время шторма — к слову сказать, весьма приличные люди, они остановились в гостинице «Регина», — и добрая мадемуазель так торжественно произносила на-

звание гостиницы, словно одна мысль, что он разделил судьбу постояльцев такого великолесного заведения, должна была утешить Поля. А та бедная дама, что чуть не утонула прошлым летом: её свело в воде судорогой. А та девушка, которую... которая... Она переходила от одной драмы к другой, передавала их своим умильным голоском со всеми подробностями, ни на секунду не переставая вязать чёрный чулок. Какое счастье найти такого внимательного слушателя! С его стороны было бы благоразумнее всего полежать и завтра в постели, а она снова пришла бы немножко поболтать с ним. Сам Поля только об этом и мечтал, но госпожа Юло — она вернулась около шести часов — разрушила все их прекрасные планы. Хватит с

неё этих разговоров о «купании»! Мальчик выздоровел, а как раз завтра по радио полностью передаётся комедия «Покойная матушка нашей мадам» — комедия настолько весёлая, что слушатели смеются до слёз; неужели мадемуазель Мерль лишит себя такого удовольствия из-за какой-то пустой блажи!

— Ну конечно, конечно, мадам Юло, — поспешила согласиться мадемуазель, — если вам этого хочется...

Итак, они слушали комедию; а Поль с Марианной и младенцами снова отправился на пляж. Но как всё вокруг переменялось за один день! Едва Поль устроился в тени палатки, как две молодые женщины, проходившие мимо, при виде его замедлили шаг.

— Это тот малыш, который чуть не утонул, — донёлся шёпот.

— Где?

— Вон там, возле высокой девочки. Я его узнала, потому что видела на носилках... Какой он бледненький!

Поль притворялся равнодушным, но невольно прислушивался, стараясь не упустить ни одного слова из их разговора. Новость, видимо, распространилась по пляжу; всё больше и больше людей останавливались возле палатки и произносили одни и те же слова, бросали одни и те же участливые взгляды.

— Они начинают меня раздражать, все эти зеваки! — заявила Марианна, откладывая книгу. — А вы тоже хороши: слушаете их и надуваетесь, как индюк! Было бы отчего!

— И вовсе я не надуваюсь, как индюк! — сердито возразил Поль. — Уверяю вас, мне они тоже надоели.

— Ну, если они вам надоели, идите поиграйте на берегу, иначе они не оставят нас в покое.

Поль упрямо затряс головой. Играть на берегу? А если он встретит там рыжего мальчишку?

— Я боюсь моря, ведь я чуть-чуть не утонул, — сказал он, чтобы оправдать свой отказ.

— Вот навязался на мою голову! — простонала Марианна.

Она нервно перелистала несколько страниц своей книжки, захлопнула её, раскрыла, снова захлопнула.

— Вы не даёте мне читать, — заявила она. — Право, когда я чувствую, как вы сидите рядом со мной, изнывая от безделья.... Прошлись бы хоть по городу, встряхнулись немножко...

— По городу? — пересиросил Поль и мгновенно вскочил. — Вот счастье-то! Я как раз мечтал об этом. Мы все пойдём? Я бегу за ребятами и...

— О ля-ля! — удерживая его за штанишки, произнесла Марианна. — При чём тут я и ребята?.. Вы что, не привыкли гулять один?

Поль, разинув рот, так и замер на одной ноге, лицо его выдало такое удивление, что Марианну чуть не обуял дикий смех. В Париже он редко гулял без родителей; обычно по воскресеньям они совершали вместе традиционное посещение зоологического сада. Иногда по четвергам мама посылала его поиграть в Люксембургский сад, но дорогу туда он изучил как свои пять пальцев, все улицы были ему знакомы, а здесь, в Дьепе, в этом чужом городе... И он будет свободно бродить повсюду, снова увидит порт, пароходы, станет искать и найдёт «Полярную звезду»! Он представил себе роскошный ресторан, каким он являлся ему в мечтах, украшенные цветами столики за витринами. Вот сейчас, быть может, через несколько минут, он увидит его. Неужели это возможно? Он горячо поблагодарил Марианну.

— Я быстренько вернусь! — добавил он.

— О! Можете не торопиться! — улыбаясь, сказала она. — Вот вы и повеселели. Во всяком случае, желаю вам удачной прогулки!

Поль быстро добрался до набережной. По какой улице пойти? По той? По этой? Все они манили его своей таинственностью, и на каждом перекрёстке он колебался: неизвестное ему до сих пор чувство свободы ошеломило его, и он не знал, какую улицу выбрать. Он то шёл быстрым шагом, то бежал, бросая беглый взгляд на выстроенные вдоль узких тротуаров дома и магазины, хотя прекрасно знал, что не найдёт здесь «Полярной звезды»: всё тут казалось ему слишком безобразным, слишком мрачным. Надо пройти дальше, туда, где улицы красивее. Он вернулся на набережную и тщательно изучил названия её больших гостиниц: ничего, по-прежнему ничего... Правда,

Дьеп такой большой... Затем он пошёл своим путём, всё прямо, никуда не сворачивая, но не расспрашивал прохожих, боясь услышать: «Нет, такого ресторана я не знаю». Пересекая какую-то маленькую площадь, он вдруг увидел в просвете между домами торчащие мачты парусников, стоявших в порту на якоре, и помчался туда. В эти первые послеполуденные часы тут было пустынно, но чуть поодаль, возле железного моста, переброшенного через док, какие-то люди выгружали рыбу. Полю задержался на минутку, глядя, как сновали взад-вперёд ящики, как женщины и дети наполняли корзины рыбой, отливавшей всеми цветами радуги. Зрелище это привлекло его внимание, и, чтобы полюбоваться им вблизи, он осторожными шажками подошёл к самому краю пристани. Прислонившись спиной к поручням длинного, очень высокого, выкрашенного в бурый цвет парохода, какой-то моряк курил трубку; из-под засученных рукавов выглядывали его голые, мясистые руки.

— Эй, парень! — закричал он вдруг.

Струя пара со свистом вырвалась на пристань и ослепила отскочившего назад Поля. Явно опасное место. Не хватало только ещё раз свалиться в воду! А если перейти мост и обследовать тот неизвестный квартал, что виднелся по ту сторону дока?

К его великому разочарованию, новый квартал оказался ещё беднее предыдущего. Какими жалкими казались эти дома из плохо пригнанных кирпичей, потерявших цвет под действием морского воздуха, по сравнению с теми, сложенными из огромных камней зданиями, какие в Париже встречаются на каждом шагу! С левой стороны, если идти к молу, они и вовсе исчезали, уступая место пустырю, а затем крутому скалистому берегу, какому-то странному берегу, изрытому совершенно чёрными дырами, что разверзались в меловой почве. Маленькая лесенка со ступенька-

ми, подпёртыми валунами, вела к этим пещерам, куда вход был преграждён; рваные сети сушились на палке рядом с парой старых сандалий и котелком, наполненным всякими отбросами. Сети, сандалии, котелок... Значит, здесь живут люди? Ну да, Поль различал теперь в глубине ближайшей к нему пещеры женщину в сером, которая чистила картошку; она тоже была очень бедно одета, ещё беднее, чем рыжий мальчик с пляжа, и тоже выглядела некрасивой со своими нечёсаными волосами. «Возможно, она устроилась здесь, чтобы видеть море», — подумал Поль. Женщина подняла голову, и, проследив за её взглядом, Поль заметил девочку, идущую по пустырю с пустой корзинкой в руках, босоногую девочку в очень длинном платье с совершенно обтрёпанным подолом.

— Мама, я всё продала! — закричала она. — Одна дама купила сразу два кило. Вот повезло! Я выручила сто тридцать пять франков! Эй, вы там, посторонитесь-ка! — крикнула она Полю, на которого наткнулась внизу, у лестницы.

Она уставилась на него пристальным и дерзким взглядом.

— Что ему здесь нужно? — спросила она у матери.

— И правда, что вам нужно? — осведомилась женщина, снова принимаясь за картошку. — Если вы за макрелью, то, сами видите, её больше нет.

— Извините, — пробормотал Поль, — я... я смотрел.

— Он смотрел! — возмутилась девочка. — Ишь ты! Шли бы к другим подглядывать, коль пришла охота, а у нас вам делать нечего!

Состроив ему гримасу, она, перескакивая через ступеньки, поднялась по лесенке и исчезла в чёрной дыре. Но Поль был настолько ошарашен, что и не подумал оскорбиться её словами. «У нас!» Она в самом деле сказала «у нас». Значит, она действительно жила здесь? Стран-

ная причуда, вокруг столько домов! Но это, должно быть, всё же занятно, почти как в «Робинзоне Крузо», и, хорошенько взвесив, надо признать, что ей повезло, этой девочке. Одно только досадно — пещера такая неприглядная. Вот Робинзон, тот сумел хорошо оборудовать свою пещеру: дверь и всё прочее... Вероятно, эти люди не читали «Робинзона».

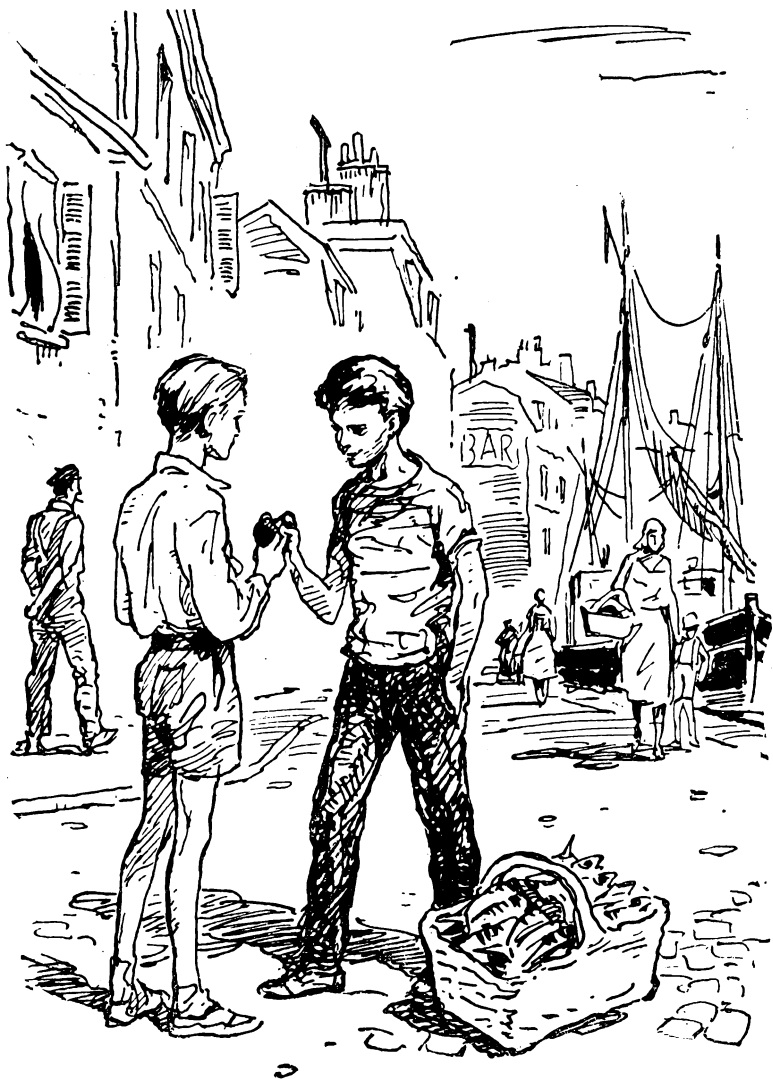
На далёкой колокольне пробило четыре удара. Четыре часа! Поль встрепнулся. О чём это он задумался? О «Звезде»? Он почувствовал усталость и повернул обратно. Всю дорогу вдоль набережной до Большой улицы он плёлся, еле волоча ноги. Внезапно ему бросилась в глаза кондитерская, та самая, где в первый день своего приезда он видел, как люди ели мороженое. Ах да, в самом деле, пора поесть! Он робко вошёл в магазин и после долгих колебаний выбрал два эклера и яблочное пирожное; расплатился он одним из двух тысячефранковых билетов, которые отец дал ему перед отъездом. От сдачи у него оттопырились карманы, вот какой он богатый! Поль улыбнулся продавщице.

— Будьте добры, мадемуазель, — краснея, сказал он, — сказать мне, где находится ресторан, который я ищу: «Полярная звезда».

— Не знаю такого, — любезно ответила девушка. — Вы уверены, что он именно так называется? Потому что в двух шагах отсюда находится «Дьепская камбала».

Спутать камбалу со звездой! Поль возмущённо тряхнул головой и вышел, унося свои пирожные. Странно всё-таки, что никто не может ему указать ресторан тёти Мальвины. «Ну, хватит с меня, — сказал он себе, — пойду домой!» Он направился к пляжу, лакомясь по дороге яблочным пирожным, когда где-то совсем близко раздался голос, при звуке которого он вздрогнул:

— Макрель, продаю макрель!

Рыжий мальчик! Да, несомненно он, там, на мостовой, со своей пылающей вихрастой головой и цветом лица, до смешного похожим на хорошо пропечённый хлеб. Он держал в руке точно такую же корзинку, какая была у девочки из пещеры, но у него она была полна рыбой. Поль инстинктивно отступил к кондитерской, потом, изменив намерение, попытался проскользнуть на соседнюю улицу. Но не успел он сделать и десяти шагов, как кто-то схватил его за рукав.

— Э, никак, мой утопленник! Точно! — весело сказал рыжий.

Поль хотел продолжать свой путь, но мальчик крепко держал его; он улыбался во весь рот и был в прекрасном настроении.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Отлично. Но я тороплюсь домой... Да пусти же меня наконец!

— Ну, за этим остановки не будет! — сказал рыжий и отдернул руку. — Но, смотри-ка, пожалуйста, как ты ни торопишься, всё же нашёл время купить себе роскошный завтрак! Эклеры, яблочное пирожное! Ты себя не забываешь!..

Он поставил корзинку на тротуар и ткнул пальцем в эклеры, которые Поль от волнения раздавил в руке.

— Одно дашь мне, — заявил мальчишка, словно это само собой разумелось.

— Ну нет... — возразил было Поль.

Но, в то время как он произносил эти слова, рука его непроизвольно разжалась. Рыжий взял одно пирожное.

— Ну и вкуснота! — сказал он. — Что ж ты, ешь второе! Чего ты ждёшь?

Поль машинально повиновался и получше вытер свои липкие пальцы.

— Мировая штука! — с набитым ртом заявил мальчик.

— Угу, — согласился Поль, — очень вкусно.

Ему вдруг расхотелось уходить. Эта встреча, которой он так боялся, произошла совсем иначе, чем он себе представлял. В общем, спаситель его нравился ему значительно больше, чем два дня назад. Ни покровительственного тона, ни намёков на злосчастное приключение в море; рыжий просто улыбнулся, словно его обрадовала встреча со старым приятелем. «Надо бы его поблагодарить, — подумал Поль. — Правда, я отдал ему одно пирожное». Это предложенное или, вернее, взятое пирожное напомнило ему о перочинном ножике, и он снова разозлился. Но заговорил Поль не о ноже.

— Ну и стукнул же ты меня! — сказал он сварливо. Мальчик нахмурил брови.

— Когда это? Когда выловил тебя? Ещё бы, поневоле пришлось, дружище. Не оглуши я тебя тогда, ты бы потопил меня, так ты вцепился! Ну и цеплялся же ты, бедняга, о ля-ля!

Он говорил всё это смеясь, и Поль заметил в его зелёных глазах лукавые искорки.

«Сейчас заговорит о моём «о мсьё!» — подумал Поль, и сердце у него упало. Но, к его великому облегчению, рыжий переменил тему.

— Видишь, торгую макрелью, — сказал он, показывая свою корзинку.

— Ах да, макрель, — отозвался Поль. — Да, да, ты продаёшь её.

— Ага, продаю. Беру в порту и продаю.

— Да, — повторил Поль.

Он переминался с ноги на ногу, никак не решаясь уйти. Что-то — он не знал, что именно, — удерживало его возле этого мальчика.

— Ты как та девчонка, — заметил он наконец, чтобы прервать молчание.

— Какая девчонка?

— Да я видел там одну, — Поль неопределённым жестом указал куда-то влево, — там, в пещерах, на берегу.

— Такая толстуха, с большим носом?

— Нет, скорее худая, очень чёрная, и юбка на ней висит...

— Значит, Маринетта из пещеры «Полет», — прервал его рыжий. — Ну и пройдоха она!

— Она всё продала, эта девочка, — уточнил Поль, — и выручила сто тридцать пять франков. Я слышал, как она говорила той женщине.

— Подумаешь! — отозвался рыжий.

Он несколько раз повторил «подумаешь», сопровождая свои слова выразительной гримасой. Видимо, сообщение это его совершенно убило.

— Девчонки вечно плетут невесть что, — через минуту заявил он, — и вообще, сто тридцать пять франков... У меня уже пятьдесят, и погоди, стоит мне как следует взяться за дело, и я заткну за пояс Маринетту!.. Макрель, продаю макрель! — завопил он во весь голос, поднимая корзинку. — Ну, пошли, — сказал он Полю.

— Да мне... — начал было Поль.

Но он уже стоял на мостовой рядом с мальчиком. «Макрель, свежая макрель!» Что подумала бы госпожа Юло, попадись она им навстречу? Что сказал бы папа? Но ведь папа сам торговал рыбой.

— И я бы с удовольствием это делал, — заметил он на ходу.

— Ну что ты, дурацкая работа! — весело возразил рыжий. — Я занимаюсь ею в каникулы, чтобы помочь маме, но, когда кончу школу, тогда увидишь, вот увидишь...

— А что?

— Секрет... Как тебя зовут?

— Поль.

— А меня Ник... Продаю макрель!.. Не угодно ли, сударыня? — спросил Ник у какой-то толстой женщины, остановившейся возле него. — Макрель, свежая, как огурчик, двенадцать ф́ранков штука, ну просто даром!

Женщина сунула нос в корзинку, поторговалась и в конце концов взяла четыре макрели за сорок ф́ранков.

— Все они торгуются, — объяснил рыжий, как только она отошла, — но я их повадки знаю и потому благоразумно запрашиваю. Сорок ф́ранков за раз... Что скажешь, а? Да, кстати, — без всякого перехода добавил он, — не очень-то ты оказался хитёр, когда два дня назад дал Тинтину свистнуть твой ножик! Ты что, не мог погнаться за ним? Ноги у тебя отнялись, что ли?

— Ничуть не бывало, — возразил Поль. — Просто я...

Он чуть не сказал «не посмел», но вовремя удержался и хвастливо заявил:

— Плевать мне на него, на этот ножик!

— Что ж, тем лучше, тем лучше, — отозвался Ник, искоса взглянув на него. — А я-то думал... Ну, раз ты так смотришь, тогда всё прекрасно... Макрель! Продаю макрель! Кому макрель?

У входа в порт какой-то господин взял две рыбы, а чуть подальше, возле угольного пирса, какая-то дама купила три.

Ник ликовал: ага, он знает, как взяться за дело, этого никто не станет отрицать! Он считал по пальцам:

— Пятьдесят ф́ранков, которые у меня были, потом ещё сорок, потом двадцать, потом ещё тридцать, всего...

— Сто сорок, — объявил Поль.

— Скажи-ка на милость, что я, по-твоему, не умею считать?.. Сто сорок, точно... Обскакали Маринетту! Ви-дел? Да ещё на пять чистеньких. Ну, на сегодня хватит: осталось пять макрелей, отнесу их своим. Впрочем, я уже дома.

Поль вытаращил глаза. Он так долго шёл, беседуя под крик «Продаю макрель!», что теперь совершенно не представлял, где находится. Узкая улочка, скверные домишки, оштукатуренные в грязно-жёлтый цвет, разбитая мостовая, на которой он всё время спотыкался. «Улица Вёле», — прочитал он на табличке. Между бакалейной лавкой и дощатым забором — какая-то полуразвалившаяся таверна с тусклыми стёклами, за которыми поблёскивал цинковый прилавок. Здесь, возле этой таверны, и остановился Ник. Он толкнул корзинкой дверь и, так как Поль в нерешительности продолжал стоять на тротуаре, потянул его за руку.

— Входи же, — сказал он ему, — раз ты столько прошёл.

Таверна была такая маленькая, что прилавок занимал почти половину её; на полках, покрытых коричневой клеёнкой, выстроились в ряд несколько бутылок и графинов, а совсем в глубине, в самом тёмном углу, виднелся длинный стол и две скамьи. В этой комнате с низким потолком, где пахло, как в прачечной, стояла невероятная духота, хуже, чем на улице. Ник со вздохом облегчения поставил корзинку на стол.

— Где мама? — крикнул он, обращаясь к кому-то невидимому.

Послышался лёгкий шум, и из-за прилавка показалась сперва голова маленькой девочки, а затем и вся она. Девочка, так же как Маринетта, была босая, а растрёпанные волосы почти совсем закрывали её испачканное личико. Она прижимала к себе старую безрукую куклу.

— Иветта, где мама? — повторил Ник.

Малютка не ответила, лишь покосилась исподлобья на Поля и тут же отвела большие тёмные глаза. Ник с шумом втянул воздух.

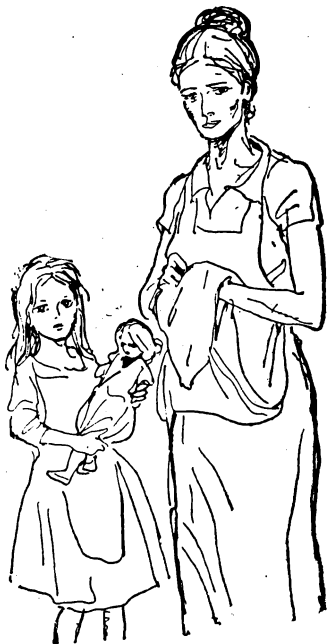
— Пахнет стиркой, — заявил он, — значит, мама тут! Мама! А мама!

Чьи-то пронзительные крики заглушили его голос, и Поль увидел налево от длинного стола детскую коляску, в которой барахтался младенец.

— Что за крикун! — возмутился Ник. — Да угомонись же ты... А вот и мама!

Высокая худая женщина с добрым и грустным лицом появилась в глубине комнаты.

— А, это ты, — сказала она, вытирая передником мокрые руки. — Ну как, продал?

— Да, мама, на сто сорок франков, — ответил Ник и положил деньги на прилавок. — Мой друг, — добавил он, показывая на Поля, — тот, которого я вытащил из воды, ты знаешь.

Женщина участливо посмотрела на Поля.

— Вы, должно быть, сильно испугались, — сказала она. — Во время прилива нужно всегда смотреть в оба... Ах, бедняжка Лулу, зубки у него режутся, потому он и плачет! Полно, полно, мой маленький, успокойся! — Она взяла ребёнка на руки и поцеловала его потное личико. — Ну, вот и всё, вот мама и пришла... Да он мокренький, голубчик мой!

В эту минуту у дверей зазвонил колокольчик, и вошли двое мужчин в синих спецовках.

— Кувшинчик сидра, мадам Бланпэн, — сказал один из них. — Адская жара! Видно, конца ей не будет!

— Лето, ничего не поделаешь! — отозвалась женщина. — Надо мириться. Идите в другую комнату, ребятки, да возьмите с собой Иветту, — добавила она. — Если вы голодны, там есть хлеб и кусок сыру.

— Ого, вот это я понимаю! — обрадовался Ник. — С удовольствием поем.

Поль в сопровождении семенящей Иветты прошёл следом за ним в комнату за лавкой, которая оказалась, против обыкновения, настоящей жилой комнатой, заставленной таким множеством кроватей, стульев, шкафов, что в ней почти не оставалось места для прохода; над головой — прокопчённые балки, под ногами — шершавый, слегка покосившийся пол. Стены с облупившейся кое-где штукатуркой были увешаны своеобразными рыцарскими доспехами — сети и свёрнутые тросы, — а возле колченогого столика, на котором валялся всякий хлам — верёвки, гвозди, — оглушительно храпел какой-то старичок в надвинутом на глаза берете.

Но вряд ли Поль всё это заметил: из самого далёкого и тёмного угла комнаты на всех парусах выплывал корабль; он красовался на комоде — сказочный парусник в полной оснастке, такой большой, что его корпус с обеих сторон выступал за мраморную доску комода, а мачты касались потолка.

— До чего хорош! — воскликнул Поль, ослеплённый невиданным зрелищем. — Ах, извините! — тут же продолжал он, понизив голос. — Я не разбудил мсьё?

— Не бойся, — ответил Ник, — сон у дяди Арсена крепкий. Впрочем, он был бы страшно рад услышать твои слова! Корабль, можно сказать, его мания, и ничего удивительного, что парусник красив; ведь он столько времени возится с ним, без конца что-то переделывает то там, то

тут. Его парусник потонул много лет назад, и он смастерил себе в точности такой: это его пунктик.

— Сам смастерил такой большой корабль? — переспросил Поль, бросая украдкой восхищённый взгляд на старика, который продолжал храпеть.

— Конечно, сам! Сперва он собирался построить совсем маленький кораблик и поместить его в бутылку, но потом втянулся. Что парусник красив — так красив, ничего не скажешь, все приходят на него поглазеть!.. Держи, это тебе, — добавил Ник, протягивая Полю ломоть хлеба с положенным на него маленьким кусочком сыра. — Ох, и голоден же я! А ты нет?

— Нет, я тоже, — ответил Поль.

Он жадно впился зубами в бутерброд. До чего же вкусным показался ему этот хлеб! Пожалуй, вкуснее эклеров. Взобравшись возле него на стул, Иветта откусывала от своего ломтя маленькие кусочки; время от времени она прерывала еду и тёрла сыром рот куклы.

— Она воображает, что кормит её. Ох, эти девчонки! — с усмешкой сказал Ник. — Вот когда я был маленьким, у меня был щенок, настоящий, Понпон его звали... Я научил его прыгать, брать препятствия. Ну и здорово же это у него получалось! А прошлой осенью он вдруг погиб, в тот самый день, как папа ушёл, даже чудно; его раздавил грузовик там, на угольном пирсе... А ты, у тебя есть собака?

— Нет, — ответил Поль, — зато у меня есть заводной поезд. Видел бы ты, как он мчится!

Внезапно на него напала страшная говорливость, и он принялся описывать свой поезд, и тоннель, и рельсы. Ему было так хорошо с Ником и Иветтой в этой загромождённой комнате, похожей благодаря сетям и тросам скорее на корабль, чем на обычную комнату. Надо сказать, что здесь было довольно темно — слишком мало света пропускало оконце, — но парусник стоил солнца!

— Чего бы мне хотелось, так это пожить в пещере, как Маринетта в пещере Полет, — заявил вдруг Поль.

— В пещере?! — воскликнул Ник. — В пещере Полет? Ну, знаешь, подобная мысль может прийти в голову только парижанину! В пещере!

На лице его было написано такое изумление, что Поль смутился. Кажется, он ничего особенного не сказал?

— Но я бы всё хорошенько устроил в ней, — поспешил добавить Поль, — я бы оборудовал её, как Робинзон.

Ник не знал приключений Робинзона, и Поль, воспользовавшись случаем, поведал ему о них со всеми подробностями. Пожалуй, никогда в жизни Полю не приходилось столько говорить; он путался в словах, возвращался назад, но Ник слушал его, почёсывая свою вихрастую голову, а Иветта даже бросила куклу, чтобы не отвлекаться.

— Интересная история, — признал рыжий, когда Поль наконец умолк; он запыхался, щёки его пылали, так долго он рассказывал. — Но это только в книгах так пишут. Почему ты знаешь, что Робинзон не предпочёл бы жить в доме, а не в пещере? А Маринетта и подавно!..

— Тогда почему же она не живёт в доме?

— Да потому, что у её матери нет ни единого су, понятно?

— Ах, — удивился Поль, — я не...

— Трави шкоты! ¹ Все на бак! ² — зарычал за его спиной сиплый голос.

— Что это... что это такое? — подскочив на стуле, пробормотал Поль.

— Ничего, ничего, просто дядя просыпается, — весело сказал Ник. — Должно быть, ему приснился корабль!.. Ну, дядя Арсен, как дела?

---

¹ Шкоты — снасти для натягивания парусов.

² Бак — передняя часть палубы судна.

— Кхе, кхе... — Старик потянулся, откашлялся, сплюнул и, наконец, встал со своего кресла, держась за поясницу, худой, как спичка, весь седой, с загорелым, обветренным лицом, но с хитринкой в совсем молодых глазах, таких же зелёных, как у Ника. — Откуда этот юнга? — спросил старик, встав перед Полем на свои короткие кривые ножки.

— Это мой товарищ, — объяснил Ник. — Ты не поверишь, в каком он восторге от корабля!

— Да, да, сударь, такая красота! — воскликнул Поль.

— А... а, — протянул старик. — Да ты знаток!

В улыбке открылся беззубый рот, а волосатая рука с такой силой опустилась на плечо Поля, что тому пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть.

— Но он ещё не готов, паренёк, — сказал старик, — подожди самую малость, что ты тогда запоешь... Сколько всего требуется паруснику, ты ведь знаешь не хуже меня... А ну-ка, — он заковылял к комоду, — иди сюда, погляди!

Поль поспешил повиноваться, гордый от сознания, что такая почтенная особа обращается с ним, как с равной. Какой парусник! Какой парусник! Вблизи он, оказывается, ещё красивее, чем издали, а в оснастке его можно совершенно запутаться. Дядюшка ткнул костлявым пальцем в корму:

— Что ты думаешь о моей контр-бизани¹, паренёк?

— Гм! — отозвался Поль. — Да, конечно...

— Прекрасно, ты понял меня. Она не очень-то гордо выглядит, моя контр-бизань, а почему?

— Ну...

— Вот именно: слишком она жмётся к остальным парусам. Это меня мучило целый день, и мне, чёрт побери, очень хочется передвинуть вперёд бизань-мачту², чтобы устранить недостаток. Ну-ка, посмотрим. — Старик отсту-

---

¹ Контр-бизань — косой парус на задней мачте.

² Бизань-мачта — задняя мачта судна.

пил на шаг, склонил голову вправо, потом влево. — Тронька её тихонечко, эту бизань-мачту, сейчас мы проверим.

— Контр-бизань? Бизань-мачта? — Поль неуверенной рукой дотронулся до чего-то на паруснике.

Дядюшка взвился, а стоявший за ним Ник прыснул со смеху:

— Так, по-твоему, фок-мачта¹ зовётся бизань-мачтой? Разрази тебя гром, несчастный юнга! Кто это подсунул мне подобного олуха? Фок-мачта! Однако!..

— Да, сударь, конечно, — пробормотал Поль, пунцовый от смущения.

— Ну ладно, ладно... Между прочим, если бы один из моих парней отмочил подобную чепуху, он бы поплясал у меня, век бы помнил! Постой, ты чем-то смахиваешь на Мимиля, был у меня один такой в прежние времена. Ну и задал же он мне хлопот! Он...

— Ну, хватит, дядя Арсен, — бесцеремонно вмешался Ник, — историю твоего Мимиля все уже наизусть знают.

— Тихо на палубе! Ты же прекрасно видишь, что парню любопытно.

— Да, да, очень! — воскликнул Поль, стремясь восстановить свою репутацию.

Дядюшка дружески улыбнулся ему, отчего всё его старческое лицо перекосилось; потом он опустился на табурет — но в предвкушении удовольствия ему не сиделось — и старательно разжёл трубку.

— Так о чём я? Ах да, Мимиль... Одиннадцать лет назад я взял его к себе на борт. Мальчонка был тогда от горшка два вершка, молоко на губах не обсохло, но морское дело любил и, не случись этого проклятого кораблекрушения, быть бы ему настоящим матросом... Я рассказывал тебе о кораблекрушении, малыш?

---

¹ Фок-мачта — передняя мачта судна.

— Нет, мсьё.

— Дядя Арсен! — запротестовал Ник.

— Тихо на палубе! Разрази тебя гром, не с тобой разговаривают! Раскрой уши ты, парижанин, а он пусть себе болтает! Было это как раз накануне святого Андре, и мы отправились чуточку порыбачить в открытом море возле скал Айли! Дул чёртов зюйд-вест¹, ей-ей, не предвещавший ничего хорошего, но работа есть работа, не так ли? Короче, мы уже забросили сети и большой Шуке вертел лебёдку, как вдруг (лопни мои глаза, как сейчас всё вижу) начинается прилив, ветер вдруг поворачивает и дует нам прямо в борт. «Шуке, говорю, плохи наши дела». — «Похоже на то, — отвечает мой Шуке. — А ну-ка за сети, папаша Арсен!» Но волны точно с цепи сорвались, бесовки, при каждом ударе мы ложимся набок, зарываемся носом. Нам всё это не впервой, люди мы привычные, здесь у нас свирепствуют такие бури, что не знаешь, на каком ты свете; но меня тревожили рифы; ведь нам пришлось взять курс на мыс, и течение несло нас прямо на них, а в таком случае, как говорится, пиши пропало... У Мимиля был не очень-то бравый вид, да и правду сказать, нас вертело, нас качало, и всё это при раздутых, как шары, полных до отказа сетях, которые отплясывали настоящую сарабанду (великолепный улов, разрази меня гром! Эх, сколько бы рыбы мы привезли!). «Беда, говорю, нас несёт прямо на рифы!» — «Похоже на то, — отвечает мой Шуке. — А ну-ка, берись за парус, папаша Арсен!» Бросились мы к этому проклятому парусу, но тут налетел шквал, ванты² рвутся, и фок-мачта, разбитая на куски, летит за борт со всеми своими снастями.

---

¹ Зюйд-вест — юго-западный ветер.

² Ванты — канаты, удерживающие паруса в вертикальном положении.

— Как! Мачта? — воскликнул Поль, следивший за рассказом затаив дыхание.

— Ну да, мачта, горе наше горькое!.. И вот мы начинаем кружить на одном месте, опутанные всем этим таке-лажем¹, и каждый раз, когда море устраивает нам головомойку, он чуть не опрокидывает нас. Кое-как срубав его топором, и нас начинает сносить, как и следовало ожидать... Ты внимательно следишь?

— Да, сударь!..

— Хорошо. Я берусь за штурвал, пытаюсь всё-таки лечь на другой галс². Судно ни с места. В дело ввязывается Шукс с Мимилем, и тут — трах! — мы видим рифф прямо по ветру. «Дело табак», говорю я Шуксу. «Похоже на то», — отвечает мой Шукс. И вот нас уже бросило на эти проклятые риффы. Судно застонало, как живое, а нас всех троих, оторвав от штурвала, швырнуло прямо головой в море. Я камнем иду ко дну, но потом всё же поднимаюсь на поверхность и упрямо плыву вперёд, ныряя под волны и изо всех сил работая руками и ногами. Вот так я и добрался до той скалы, где стоит маяк. И кого же я там нахожу? Моего Шукса! Он приплыл туда раньше меня, притащив за собой и Мимиля, которого выудил за штаны. Да, хороши мы были, оборванные, руки в крови, но нам до этого, как до прошлогоднего снега, мы думали лишь о судне. «Затонуло оно, Шукс, говорю. И следов не осталось». — «Похоже на то», — отвечает мой Шукс. Надо признаться, разревелись мы, как дураки, очень уж нас измотало. Такое прекрасное судно, прямо огонь! Разрази меня гром, если я вру, но в тот момент мне бы легче было лишиться руки! Эх, жизнь окайная!

---

¹ Таке-лаж — вся совокупность снастей мачты или судна.

² Лечь на другой галс — повернуть судно другим бортом к ветру.

И, чтобы полнее выразить своё отвращение, дядюшка Арсен громко сплюнул в платок.

— Бедный господин Арсен, какой ужас! — воскликнул потрясённый Поль. — А что стало с Шуке?

— Утонул четыре года спустя. Да, стоило ему тогда выпутываться!

— Шуке — отец Мари-петты, — пояснил Ник.

— Ой! — воскликнул Поль. — Ой, какой ужас! Так вот почему она живёт в пещере? Какой ужас! — повторил он, не находя других слов для выражения волновавших его чувств. — А Мимиль, он-то хоть не погиб?

Зелёные глазки дядюшки метнули на него колющий взгляд.

— Нет, он жив, но всё равно что умер, — бросил он, приблизившись к самому лицу Поля и обдав его сильным дыханием, пропитанным запахом табака. — Дезертир, вот он кто! Иначе его не назовёшь, раз он всё бросил и пошёл работать угольщиком. Из-за жены, говорит, ей это больше по нутру... Ничего, каждый раз, как он видит мою «Звезду», у него на сердце кошки скребут, — злорадно заключил он.

— Какую «Звезду»? — спросил Поль.

— Что значит — какую? — возмутился Ник. — Парусник называется «Полярная звезда»... Но какая муха тебя укусила?

Поль страшно побледнел. Он застыл на месте и, обводя

растерянным взглядом Ника, дядюшку Арсена, Иветту, твердил вполголоса:

— «Звезда»... «Полярная звезда»...

Вдруг он вскочил, бросился к двери, как сумасшедший промчался через всю таверну и остановился только на тротуаре. Витрина! Что на витрине? «Бланпэн», — прочёл он. Но выше, на потускневшей краске фасада, виднелся ряд каких-то серовато-белых букв. Поля всего трясло, пока он разбирал: «По-ляр-ная зве-зда»... Нет, невозможно! Эта жалкая таверна — «Полярная звезда»? Он читал, перечитывал, буквы плясали у него перед глазами, но не менялись. Убитый этим открытием, он не переставал шептать: «Звезда... звезда...», словно слова эти могли вызвать к жизни роскошный ресторан — блистательное видение, являвшееся ему в мечтах. Но тут другая мысль сразила его. Если это действительно «Полярная звезда», подлинная, значит, Ник... Ник — его двоюродный брат Николя!

— Ник! Ник! — пронзительно завопил он.

И тут же рыжий паренёк вырос перед ним, насмешливый и вихрастый.

— Да ты что? — спросил он. — Совсем спятил? Неужели дядя так напугал тебя своим кораблекрушением? Ну, коли ты уходишь, держи, — добавил он, вкладывая ему что-то в руку. — Вот твой перочинный ножик, олух ты этакий, я отнял его у Тинтина. Но в следующий раз постарайся оказаться посмекалистей. Понятно?

— Да, да, — прошептал Поль, который слушал его лишь краем уха. — О, прошу тебя, Ник, скажи, как твоё настоящее имя, как фамилия?

— Тебе что, очень хочется знать? Изволь: Товель. Николя Товель, натурально. А почему ты спрашиваешь?

Поль открыл рот, чтобы ответить, но не мог произнести ни слова и, резко повернувшись, со всех ног помчался к набережной.

В эту ночь Поль уснул очень поздно. За ужином он через силу заставлял себя сохранять обычное спокойствие, а теперь, очутившись в постели, дал волю обуревавшему его чувствам. Первое волнение улеглось, но все события этого дня смешались в голове, и чем больше он старался разобраться в них, тем сильнее запутывался. О прекрасном, украшенном цветами ресторане он уже и думать перестал: маленькая таверна прочно заняла своё место, она стала красивее, преобразилась от заветной комнаты, где вместо звезды сиял огромный парусник дядюшки Арсена, «моего дяди Арсена», повторял он, делая ударение на слове «моего» с радостью, которой сам удивлялся. Он был очень доволен, что старый Арсен — его дядя, что женщина в сером, такая ласковая, такая печальная, — его тётя Мальвина, а главное, что Николя — его двоюродный брат. Милый, славный Николя, он ему дороже всех школьных товарищей, с которыми он дружил в Париже. Николя, рискуя жизнью, вытащил его из воды, он привёл его к себе домой, словно они были знакомы с незапамятных времён. «Мой друг», — сказал он матери, и, наконец, он вернул Полю перочинный ножик. «О, когда Ник узнает, кто я...» — подумал Поль.

«Когда Ник узнает...» Поль сел в постели и почувствовал, как к горлу подкатил клубок. Сказать Николя, кто он? Немыслимо из-за ссоры! Хватит и того, что, несмотря на запрещение папы, он, сам того не зная, провёл весь день у своего брата. Он представил себе, как взбелевился бы папа, узнав эту новость, и тётя Мальвина не стала бы пускать его в дом. Вот что вынуждало его молчать! Конечно, молчать очень трудно, но иначе ему нельзя будет приходиться в «Полярную звезду» и встречаться с Николя, а он согласен на всё, лишь бы не потерять этот новый,

открывшийся перед ним мир, эту дружбу, уже занявшую прочное место в его сердце. Поль весь содрогнулся и скользнул под одеяло. Долго лежал он, вспоминая рассказы дяди Арсена, думая о Николя, мечтая провести ещё много счастливых часов в комнате, где по стенам развешаны сети; в мыслях этих он черпал мужество. Впрочем, он не задумывался над тем, куда девалось «ничтожество», что заставило тётю Мальвину бросить большой ресторан и осесть в этой жалкой таверне; всё это вещи, столь же неотвратимые, как ссора, разобраться в них очень трудно, как во всём, что делают взрослые. Наконец он уснул; в голове его теснились мечты.

На следующий день он с лихорадочным нетерпением ждал той минуты, когда можно будет пойти на пляж. Его занимал один лишь вопрос: как добиться, чтобы Марианна, ничего не заподозрив, позволила ему снова отправиться в город? Накануне вечером она рассердилась на него за то, что он поздно вернулся, и, кроме того, обиделась: ведь он даже не подумал взглянуть на выставленный в витрине радиоприёмник, который она собиралась подарить своей сестре. «А ведь я вам подробно объяснила, где он стоит», — упрекнула его Марианна. А теперь она дулась на Поля, это было совершенно ясно; сколько он ни покашливал, ни сопел, ни дёргал ногами и руками — напрасный труд, она не смотрела в его сторону.

— Марианна, — наконец обратился он к ней.

— Что?

— Мне бы так хотелось взглянуть на ваш радиоприёмник, Марианна. Можно?

По удивлённому и чуточку насмешливому взгляду, который бросила на него девушка, Поль догадался, что она не совсем поверила ему.

— Он, должно быть, такой красивый, этот приёмник! — настаивал Поль.

— Очень красивый, — согласилась Марианна. — Но скажите, прогулки, видимо, пришлись вам по вкусу. Впрочем, это ваше дело, развлекайтесь, как вам угодно, только не возвращайтесь поздно, вот и всё.

— Договорились! — ответил Поль, вскакивая на ноги.

Под ослепительными лучами солнца он мигом домчался до Большой улицы, отыскал магазин радиоприёмников и телевизоров, мельком взглянул на маленький бежевый приёмник, который стоял «в витрине, налево», — тридцать шесть тысяч восемьсот франков, действительно, великолепный подарок! — после чего со спокойной совестью продолжал путь на улицу Вёле.

На этот раз в таверне было полно народу, посетители собрались вокруг длинного стола, и в табачном дыму Поль заметил подле двух мужчин в синих спецовках, которых он видел вчера, рослого парня с красивым, коричневым от загара лицом. Поль в нерешительности остановился на пороге, когда из задней двери внезапно вышел Николя с кувшинчиком сидра в руках.

— Не вовремя ты явился, — сказал он Полю. — Мама ушла, и у меня работы по горло.

— Я могу уйти... — прошептал Поль.

— Нет, нет, оставайся. Я сказал так просто, дела мои уже подходят к концу. Вот и всё, — добавил он, ставя кувшинчик перед загорелым парнем.

И он шепнул Полю на ухо:

— Вон там, видишь, — Мимиль, знаешь, тот парень с затонувшего парусника.

— О... да он же взрослый! — удивился Поль.

— Ещё бы, подрос за двенадцать лет! — со смехом отзывался Ник. — Ты не додумался до этого, нет?

Парень повернулся в их сторону. Какие у него чёрные руки, совсем как у трубочиста!

— Обо мне говорите, да? — спросил он. — А, понимаю,

дядюшка Арсен, конечно, успел уже рассказать свою историю! Видел парусник, мальчуган?

— Да, мсьё, — ответил Поль.

— Хорошо сработано, верно? Старик на этом собаку съел! Вот горе-то, стоит только вспомнить, как все мы, дядюшка Арсен, покойный Шуке и я, боролись с волнами на нашем паруснике!.. Разумеется, нам не всегда сладко жилось, но всё же временами, разгружая уголь, говорю себе...

— Говоришь себе, говоришь себе... Выпей лучше! — перебил один из мужчин в спецовке, наполняя кружку. — Осточертел ты нам, Мимиль, со своим углём!

— Мы пойдём туда, — предупредил Ник. — Если кто явится, позовите меня.

Поль вошёл в комнату затаив дыхание; прошлую ночь он только её и видел во сне и сейчас с ужасом думал, не улетучилась ли она вместе со снами. Но нет, это всё та же комната, и дядя всё так же храпит в своём углу возле колченогого стола. Толстенький Лулу, сидя у его ног, деловито сосал сырую морковку, которую Иветта напрасно старалась у него вырвать.

— Лулу злой, — заявила она. — Лулу отнял морковку.

— А ну-ка, оставь его! — весело отозвался Николя. — По крайней мере, пока он ест, в доме тихо.

— Но морковка была для Мими, а не для Лулу! — настаивала возмущенная Иветта, указывая на куклу, которая валялась рядом с ней вверх ногами. — Бедная Мими, она такая, такая голодная!

Николя подмигнул Полю, как бы говоря: «Ну и лисичка она, моя сестрица!» Затем подошёл к корзинке, вынул оттуда другую морковку и дал Иветте; та принялась сосредоточенно сосать её, поглядывая на Поля украдкой из-под опущенных ресниц.

— Хочешь играть? — спросила она его.

— Прекрасная мысль! — сказал Николя. — Сейчас притащу лото.

Большей части кубиков в лото не хватало, а карты были совершенно засаленные. Ну и что с того? Никогда ещё Поль так не веселился; всё приводило его в восторг, а когда около четырёх часов дядюшка Арсен опять проснулся с криком: «Трави шкоты!», Поль засыпал его вопросами о судне. Как называется эта мачта? А эта? Давно уже дядюшке так не везло, и, радуясь внимательному слушателю, он пустился в бесконечные рассказы о потрясающих условиях, какие бывали в прежние времена, когда «Полярная звезда» на рассвете смело разрезала носом волны. О! Это не был больше старик с больной поясницей, скрюченный шестидесятью годами изнурительной работы. Глазки под кустистыми бровями блестели, беззубый рот широко открывался, когда он перечислял: бак, грот-марсель¹, длинный ют² — незнакомые, таинственные слова, открывающие перед Полем новый мир, мир бескрайних просторов, бурь и ветров. Иветта с куклой в руках пристроилась между ними; малыш на четвереньках гонялся по неровному полу за кошкой; Николя суетливо сновал из комнаты в таверну, из таверны в комнату, обслуживая новых посетителей. Время шло, тикал огромный будильник. Шесть часов! Но ведь он здесь как будто не больше часа! Поль с трудом оторвался от рассказов, от парусника, от этой комнаты и неохотно побрёл обратно на пляж. В голове у него гудело, щёки пылали. Он чувствовал себя так, словно только что очнулся от глубокого сна, и, когда, заглянув в палатку, услышал, как Марианна спросила: «Ну, видели?», он сперва смутился, подумав, что она имеет

---

¹ Грот-марсель — второй снизу парус на главной мачте судна.

² Ют — задняя часть палубы.

в виду таверну. «Как она узнала мою тайну?» — недоумевал Поль. Но речь, конечно, шла о приёмнике, и, чтобы загладить свою оплошность, он с таким жаром принялся его расписывать, что Марианна покраснела от удовольствия.

VII

Поль вернулся в таверну на другой же день. Ходил он туда и все последующие дни. Время от времени в нём просыпалась совесть, и тогда он давал себе слово: «Нет, сегодня я туда не пойду». Но стоило ему ступить на пляж, как что-то неведомое овладевало им и толкало его в тот отрадный уголок. Казалось, у Марианны становилось легче на душе, когда она видела, что он куда-то убегает. Она бросила свои покровительственные замашки, а когда Поль в шесть часов возвращался к ней, она с любопытством всматривалась в него, словно никогда прежде не видела. Сидя рядом с ней и глядя куда-то в беспредельное пространство, Поль перебирал в памяти свои впечатления, а их столько накапливалось после каждого визита в «Полярную звезду», что порою он как бы тупел, терял способность соображать.

Ведь теперь дело не ограничивалось только комнатой-каютой и рассказами дядюшки Арсена. Нику некогда было любоваться парусником, у него не было свободной минуты, и несколько дней подряд он после полудня, во время отлива, брал с собой Поля на сбор ракушек неподалёку от пещеры Полет. Этот маленький, похожий на девочку парижанин нравился ему, и он гордо представлял его своим приятелям: «Мой лучший друг». Приятели принимали это заявление очень сдержанно. В большинстве своём это были рослые, из рук вон плохо одетые парни в дырявых тельняшках и выцветших штанах, и они, насвистывая,

искоса посматривали на этого бледного, холёного мальчика, который, казалось, попал к ним с другой планеты.

Были тут и Маринетта и Тинтин — Тинтин на этот раз добродушный и хвастливый; увидев Поля, он сказал: «Ну ладно, забудем, что было», словно не он одурачил, а его одурачили в тот день, когда произошёл несчастный случай. Поль, конечно, ответил: «Идёт», и крепко пожал ему руку, как подобает в таких случаях мужчине. Ему так хотелось доказать этим независимым и отважным мальчикам, которыми он безмерно восхищался, что он настоящий мужчина. Он боялся всего — волн, луж, песчаных отмелей, но скорее умер бы, чем признался в своём страхе; и, раздирая в кровь пальцы об острые камни, он карабкался на скалы, скользил, падал, поднимался, отрывая по раковине то тут, то там, чтобы потом с торжествующим видом принести их Нику.

— Ну, знаешь, если бы мы рассчитывали только на тебя!.. — кричал ему Тинтин.

И все покатывались со смеху, особенно Маринетта, которой, казалось, доставляло злобную радость осыпать его насмешками.

Поль не мог ничего придумать в ответ и злился, но не показывал этого и даже пытался улыбаться, как человек, понимающий шутку.

— Да пошли ты её к чёрту! — советовал ему Николя.

Послать её к чёрту? Легко сказать! А если она рассердится, если остальные «не захотят с ним водиться»? «Не захотят с ним водиться» — такая возможность настолько ужасала Поля, что он был готов на всё — с самым непринуждённым видом, отнюдь не соответствующим его настроению, переносить любые насмешки, лезть в море во время прилива, карабкаться по скользким скалам. Он ловил каждый взгляд, каждое слово своих новых приятелей, и однажды, невольно подслушав, как Тинтин шепнул на

ухо Нику: «Он, кажется, привыкает, твой балбес парижанин!», Поль едва не крикнул: «Спасибо!»

Покончив со сбором раковин, все возвращались в порт и продавали добычу торговкам рыбой, а Ник неизменно какую-то часть своих ракушек относил в маленькую таверну. Там они снова находили дядюшку Арсена, корпевшего над парусником, Иветту с куклой, Лулу в коляске; тётя Мальвина доставала из стенного шкафа хлеб, и все весело усаживались за колченогий стол. Тинтин и Маринетта получали свою долю.

— Где хватает на двоих, там хватит на четверых, — говорила тётя. — Ешьте досыта, ребята!

Маринетта, всегда страшно голодная, не заставляла себя упрашивать; она значительно раньше других управлялась со своей порцией и выжидающе смотрела на Николя.

— Вижу, куда ты клонишь! — восклицал тот и отрезал ей новый кусок.

А она уписывала его так же жадно, как и первый.

— Положить бы ещё сверху варенья, вот бы вкусно было! — заметил однажды Тинтин. — Хорошего варенья, абрикосового, например.

— Спору нет, — отозвалась Маринетта, — но будем довольны тем, что есть, верно?

После чего Поль отодвинул свой стул и помчался в соседнюю булочную за меренгами. Победоносное возвращение! Едва он развернул пакет, как отовсюду послышалось «ох» и «ах», все глаза округлились, руки потянулись к нему. Тинтин мигом проглотил свою меренгу, а Маринетта едва осмеливалась откусывать от своей.

— Поблагодари мсьё, — шутя бросил ей Николя.

— Так вкусно, что не могу говорить, — ответила она с набитым ртом, бросив на Поля робкий и удивлённый взгляд, который бесконечно обрадовал его.

На другой день он притащил эклеры, а на следующий,

проходя мимо кондитерской, что на Большой улице, купил там пирожки с вишнями. Папины две тысячи франков таяли, как снег на солнце, но что за беда? Теперь Тинтии обращался с этим парижанином, который закармливал его пирожными, как со старым другом, теперь Маринетта всё реже и реже высмеивала его, иногда она даже улыбалась ему на прощанье, вот до чего дошло! Поль чувствовал себя наконец принятым в их среду. Впрочем, он тоже стал другим. Проводя все дни с этими ребятами и страстно мечтая стать похожим на них, Поль все лучше и лучше узнавал своих новых товарищей. Он понял: для них рыбный промысел не игра, а работа, и деньги — жалкая выручка за улов — идут в семью: на них покупается хлеб. Мысль, что он помогает им, что отец его в детстве занимался таким же трудом, наполняла его гордостью; когда же после двух-трёх часов старательных поисков под камнями он ссыпал свою добычу в кошёлку Маринетты, в кошёлку, давным-давно потерявшую и форму и цвет, счастью его не было предела. Даже хорошая отметка никогда его так не радовала. Какими нелепыми казались ему теперь игры курортников на пляже! Неужели он мог с завистью смотреть на этих благодетельных школьников, у которых все каникулы проходили в том, что они рыли в песке никому не нужные ямки!

Он избегал лишь одного: не ходил с Николя продавать макрель в кварталы, прилегающие к улице Аиста: ему совсем не улыбалось повстречаться с госпожой Юло! Под разными предложениями он оставался в таверне с дядюшкой Арсеном, и тут снова начинались разговоры о паруснике, о знаменитой контр-бизани, то слишком короткой, то слишком длинной, над которой старик весь день мудрил за своим колченогим столиком. Не в восторге он и от грота¹.

---

¹ Грот — нижний парус на главной мачте судна.

Что думает об этом Поль? Достаточно ли, по его мнению, осадка? ¹ Поль понимающе кивал головой, а иногда отваживался робко подать совет, который дядюшка встречал неизменным «Тихо на палубе!» Его «знаток» на поверку ничего не знал, но умел слушать, а для старика это было главное.

Поль возвращался со своих долгих прогулок совершенно обессиленный, опьянённый солнцем и ветром. Прежде чем подойти к пляжу, он тщательно стряхивал приставшие к одежде клочки водорослей. Его замкнутость и молчаливость, с каждым днём всё возрастающие, совершенно не вязались с тем оживлённым состоянием, в каком он теперь постоянно пребывал. Он молчал, но глаза его блестели, ноги под столом ходили ходуном, и при самом незначительном вопросе он вздрагивал всем телом, словно мысли его витали где-то очень далеко.

— Да что с вами? — язвительно спрашивала госпожа Юло. — Нужно слушать, когда с вами разговаривают! Нет, что за невежа!

Поль спешил пробормотать какое-то извинение, старался быть внимательнее, но всё напрасно — «Полярная звезда» брала верх, и он снова погружался в мечты. Да, госпожа Юло была весьма разочарована, она ведь надеялась найти в нём товарища, мальчика, который скрасит ей одиночество. Она жаловалась на него мадемуазель Мерль, но после злосчастного происшествия добрая мадемуазель взяла Поля под своё крылышко и с жаром защищала его.

— Всё, должно быть, пошло с того раза, как он чуть не утонул, милая моя мадам Юло, — говорила она. — Малыш перенёс такое сильное потрясение.

— «Потрясение! Потрясение!» Да вы посмотрите на

---

¹ Осадка — глубина, на которую погружено в воду плавающее судно.

него: он загорел, как рыбак! А видели бы, как он ест... не ест, а заглатывает, настоящая прорва!.. С таким мальчишкой одно разорение! Заметьте, я ни в чём ему не отказываю, это не в моём характере, вы знаете, но, если бы я могла предвидеть, я бы назначила другую цену за пансион. И потом, как хотите, но мне действует на нервы его отсутствующий вид: не слышит, что ему говорят, сидит, словно воды в рот набрал.

— Это мальчик робкий, к нему надо уметь подойти, — возражала мадемуазель Мерль, — но в общем, он ласковый и милый. Мне кажется, что ему скучно без мамы, вот почему он такой невесёлый. Как вы ни добры к нему, милая моя мадам Юло, но его можно понять...

Мама... Поль, конечно, думал о ней. Он исправно писал ей два раза в неделю, но его письма, вначале такие длинные, с подробным описанием самых незначительных событий, постепенно становились всё более и более туманными. Ах, если бы он мог ей всё рассказать! Нет, невозможно, из-за этой ссоры, и он сообщал лишь, что чувствует себя хорошо и ему очень весело. Нацарапав последние слова — «твой любящий сын Поль», он тихонько и грустно вздыхал и снова возвращался всеми мыслями к Николя. Только вчера тот наконец открыл ему, что он собирается делать после школы. Он сядет на пароход — Поль до сих пор не мог опомниться, — он сядет на большой грузовой пароход и поплывёт далеко-далеко, в неизведанные моря, в неведомые страны, где работы хоть отбавляй. Он соберёт как можно больше денег и, набив ими все карманы, никого не предупредив о своём приезде, вернётся домой. «Мама, я привёз тебе из путешествия подарок». — «Что же это? — спросит мама. — Какой подарок?» Тогда он выложит все деньги на стол и маме не придётся больше мучиться по вечерам, подсчитывая жалкую выручку; она будет жить, как принцесса, Иветта получит новую куклу, а дядюшка —

прекрасную трубку. Вот только с Лулу Николая не знал, как быть; конечно, за время его отсутствия Лулу сильно подрастёт, но, может быть, заводной поезд, такой, как у Поля...

— В какую страну ты поедешь, чтобы заработать столько денег? — помолчав немного, спросил Поль.

Ник сделал широкий жест, словно хотел объять весь горизонт.

— Туда, сюда... там видно будет! А почему ты спрашиваешь? Хочешь поехать со мной?

— О, — растерянно пробормотал Поль. — Думаешь, это возможно? Мне бы так хотелось, если только я тебе не помешаю!

— Ничуть! По рукам, дружище, едем вместе!.. Только предупреждаю: надо научиться орудовать шваброй и сносить подзатыльники — такова жизнь юнги.

— Конечно, — согласился Поль.

Он и сам не знал, как вернулся в тот вечер на пляж. Сесть на корабль вместе с Николаем — ослепительная перспектива! Он уже видел себя плывущим на точно таком паруснике, как у дядюшки Арсена, по синему, словно на географической карте, морю. После долгого-долгого путешествия они высадутся на необитаемом острове, нечто вроде острова Робинзона, но гораздо красивее — ведь там будет полно золота; пляж будет искриться на солнце. Он тоже станет работать и все свои деньги отдаст тётке Мальвине (папе они не нужны). А со шваброй и подзатыльниками дело как-нибудь обойдётся: подметать — дело не мудрёное, а матросы, если повести себя с ними обходительно и услужливо, не станут ни с того ни с сего отвешивать пощёчины.

Надо ли удивляться, что Поль был вечно рассеян, не способен поддерживать разговор: ведь он видел перед собой золотые горы. Мальчик без конца возвращался к

своим мечтам, и всё, не относящееся к таверне, Нику, путешествию, постепенно переставало для него существовать.

Так протекло две недели.

Вернувшись в следующую субботу с пляжа, Марианна, Поль и ангелочки увидели поджидавшего их господина Юло; он только что приехал вечерним поездом, карманы его оттопыривались от сластей, из-за которых между малышами сразу же разгорелся спор. А Полю он привёз посылку от мамы. В другое время этот высокий мужчина, говоривший басом, вызвал бы в Поле чувство почтительного трепета, но сейчас, поглощённый своими мыслями, он едва обратил внимание на его присутствие. Поль рассеянно положил пакет на стол, даже не развязав его.

— Не очень-то вы любопытны, — заметил господин Юло.

— Ах да, правда, — пробормотал Поль и принялся торопливо развязывать бечёвку, притворяясь нетерпеливым.

Синий джемпер, новые сандалии, прямо из магазина. Дети, несомненно, надеялись на добавочные лакомства, потому что громко выразили своё разочарование.

— Фу, какие некрасивые! — заявил Фред.

— Некрасивые! — повторил Рири, завладев одной сандалией и швыряя её на пол.

— Довольно, Рири! — прикрикнула на него мать. — Признаться, Товели могли бы чем-нибудь побаловать детей, — колко добавила она.

— Они поправят эту оплошность через неделю, — ответил господин Юло, тяжело опускаясь в кресло.

— Как! Товели приезжают? Но где же они остановятся? Неужели в этой малюсенькой квартирке, где...

— Успокойся, успокойся, Минетта, Товели устроятся в гостинице, очень просто. По правде говоря, они расчи-

тывали сегодня приехать вместе со мной, но в последний момент возникли какие-то осложнения, — кажется, пересчёт, — и им пришлось на неделю отложить поездку. Бедная госпожа Товель пришла в отчаяние, что ей не удастся обнять своего сынка! — сказал он в заключение, повернувшись к Полю.

— Да, мсьё, — прошептал тот.

Во взгляде господина Юло промелькнуло удивление:

— Что с этим ребёнком? Он словно с луны свалился!

— Удивительно, как это ты сам заметил! — съехидничала жена. — Таков он все две недели. Да, от него мало радости, от их Поля.

Поль быстро опустил голову и, чтобы скрыть смущение, полез под стол за сандалиями. Нужно взять себя в руки, сосредоточиться, слушать, отвечать, если он не хочет, чтобы тайна его была раскрыта.

— Хорошо доехали, мсьё? — стремительно выпалил он.

— Вот так-то лучше! — пробасил господин Юло. — Великолепно, благодарю вас.

Ангелочки завладели им. Тот тащил его за руку, Рири теребил ему щёки, а тем временем Фред, забравшись к нему на колени, пытался развязать галстук. Отец не останавливал детей, счастливый, что находится в семье, в прохладной комнате. «Париж — сущее пекло», — заявил господин Юло, но он наверстаёт упущенное — и завтра, как уйдёт с утра на пляж, так весь день до самого вечера пробудет там.

— Ты согласна, Минетта? — спросил он жену. — Не заняться ли нам завтра ловлей креветок, как ты смотришь на это?

— Ох, я... знаешь, ловля креветок, пляж... — уклончиво прошептала госпожа Юло.

— Ах да, правда, твоя постоянная мигрень, — помрачнев, произнёс муж. — Ну ладно, удовольствуюсь обществом

детей. Мы отправимся с вами, ангелочки, ловить креветок, и вы покажете мне хорошие места!

— Да! Да! — закричали малыши.

Марианна совсем было собралась уходить, как вдруг вернулась.

— Раз вы весь день проведёте с детьми, мсьё, — сказала она, — то, может быть, разрешите мне не приходить? Меня бы это очень устроило: завтра годовщина свадьбы моих родителей.

— Договорились, — ответил господин Юло прежде, чем успела вмешаться его жена. — Отдохните, отдохните, девочка, к тому же ведь завтра воскресенье.

— Благодарю вас, мсьё... И ещё... одна просьба... Не могу ли я пригласить Поля к обеду?

— Меня? — пробормотал Поль. — Но я не могу...

— Прекрасная мысль! — перебила его госпожа Юло. — По-моему, автобус на Увиль идёт ровно в полдень. Поль великолепно доедет. Повеселитесь, повеселитесь, деточка!

— Да, мадам, — ответил Поль, и голос его прозвучал безотрадно, — я повеселюсь вовсю.

VIII

Аптека находилась на краю площади, неподалеку от автобусной остановки. «Клуэ, аптекарь», — гласила вывеска на фасаде. День был воскресный, и железные жалюзи скрывали витрину, но Марианна дала Полю самые точные указания, и он направился прямо к небольшой коричневой двери, слева от входа в аптеку. Дверь эта цветом своим напомнила ему дверь таверны — мысли его постоянно вертелись вокруг «Звезды», — и мальчик с отчаянием подумал, что пройдут долгие часы, пока он вернётся туда: двадцать семь часов — подсчитал он в автобусе. Поль с

трудом заставил себя нажать кнопку звонка. Дверь тут же отворилась, и в полутёмном коридоре возникла фигура Марианны в голубом переднике поверх платья.

— Какой вы нарядный! — сказала она. — Что за рубашка! Пошли, я вас представляю.

Она ввела его в прохладную комнату, где на столе, накрытом скатертью в красную и белую клетку, уже были расставлены приборы. Какой-то толстяк с округлым брюшком, какой-то худосочный молодой человек с бородой до самых ушей, а позади них сидела, раскачиваясь на ручке кресла, какая-то девушка в шортах и облегающей фигуру вязаной кофточке канареечного цвета. Девушка была рыжая, как Николя, но на этом и кончалось сходство между ними, потому что она отличалась необыкновенной красотой. Поль едва осмеливался смотреть на неё.

— Папа, Бернар, Элизабета, вот мой гость, — возвестила Марианна.

— Очень рад с вами познакомиться, мой юный друг, — сказал толстяк, крепко пожимая руку подошедшему к нему Полю.

Элизабета подавила зевок.

— Ну как, скоро обед? — спросила она.

— Да, да, сейчас предупрежу маму, что все уже в сборе, а вы пока усаживайтесь, — ответила Марианна.

Она скрылась в коридоре, в ту же минуту там скрипнула дверь, и в комнату проник запах жжёного сахара.

— Недурно пахнет, мама нас балует, — заметил аптекарь с видом человека, любящего хорошо поесть. — Ещё бы, в такой день! Ну, детки, к столу!

И так как Поль стоял в нерешительности, не зная, куда деваться, он сказал ему без обиняков:

— Садитесь, где вам угодно, это не имеет значения.

— Ну нет, папа, — запротестовала Элизабета, — он должен сесть рядом со мной, так принято.

— Ладно, как хочешь, дочка!

Элизабета нахмурила брови.

— Сколько раз я тебя просила: не называй меня «дочкой», а ты всё за своё!

— Да что ты, напротив, это очаровательно! — воскликнул Бернар. — «Дочка» звучит великолепно, будто, будто...

— Возможно, но мне не нравится.

Бернар, должно быть, нашёл её возражение смешным, потому что им овладел безудержный смех, которому вторил аптекарь. Оба смеялись, показывая пальцами на Элизабету, а та делала вид, что не смотрит на них; её красивые глаза сверкали, она казалась рассерженной, но вдруг выражение её лица изменилось, и она тоже расхохоталась.

— Оба вы сумасшедшие, — нежно произнесла она. — Ну, что подумает этот малыш? Скажите, Поль, что вы о них думаете? Только откровенно.

— Не знаю, мадемуазель, — ответил Поль.

После этого безудержный смех возобновился с ещё большей силой и не смолкал, пока не вернулась Марианна с подносом, уставленным закусками, в сопровождении маленькой толстенькой женщины, подвижной и жизнерадостной; она несла дыню на блюде.

— Очень мило, что вы пришли, — сказала она Полю. — Отец, ты принёс вино из подвала? Для начала налей белое.

Господин Клуэ наполнил бокалы, и все без дальнейших проволочек выпили за здоровье обоих супругов. Госпожа Клуэ расчувствовалась и, краснея, смахнула украдкой слезу, а муж её заявил, что в этом новом платье она моложе, свежее и красивее, чем в первый день их знакомства. Двадцать лет супружества кажутся ему сном, добавил он. Уже двадцать лет! Как летит время!

— Помнишь, Лолотта, то утро... а тот вечер?..

— Да... Да... — сдавленным голосом шептала госпожа Клуэ. — И подумать только, что теперь настала очередь

моей Лизетте выходить замуж! Ты помнишь её в распашонке?

— Да полно тебе, мама! Полно, папа! — возмущались Элизабета и Марианна, подбегая сперва к одному, потом к другому и целуя их. — Нашли время грустить!

— Прекратите сейчас же, а то остынет дыня! — пошутил Бернар.

К закускам все приступили растроганные и умилённые. Дыню нашли великолепной, а появление золотистых, зажаренных цыплят привело аптекаря в такое чудесное настроение, что он стал так и сыпать анекдотами.

— Знаем уже! — кричали дочери.

— А я нет! — заявлял Бернар. — Продолжайте, папаша.

Все болтали, ели, смеялись. Бернар поддразнивал Элизабету, Элизабета отвечала ему тем же, а Марианна, сияя от гордости за своё семейство, ловила взгляд Поля. «Ну, не восхитительны ли они оба?» — казалось, говорила она ему. Поль улыбался и молчал. К нему приставали с вопросами, как получилось, что он чуть не утонул, но от него ничего нельзя было добиться, кроме коротких «нет», «да»; в конце концов его оставили в покое. Впрочем, чета Клуэ не видела никого, кроме своих дочерей, не слышала никого, кроме будущего зятя, который принялся рассуждать о перспективах кино, о перспективах, целиком зависящих, само собой разумеется, от некоего режиссёра, по имени Бернар Масон. Надо начать всё с азов, полагал он, надо покончить со старыми формами, но прежде всего надо отыскать «атмосферу» — нечто фантастическое и в то же время реальное, что позволило бы зрителям с первых же кадров заявить: «Фильм такого-то, видна его рука!» О, всё дело в «атмосфере»!

— Например, тот кадр, которым начинается мой документальный фильм... Помните, Лизетта, крупным пла-

ном — босая нога рыболова? Ну признайтесь, ведь она выражает сразу всё: человека, море, меня самого. В этой ноге — целый мир.

— Гениальная мысль! — воскликнула Элизабета проникновенным тоном.

Отрезая крылышко цыплёнка, Бернар улыбнулся ей.

— Вы преувеличиваете, дорогая! — скромно произнёс он.

— Нисколько! Она совершенно права! — потрясая вилкой, вскричал аптекарь.

— Бернар произведёт революцию в кино! — перещеголяла их Марианна. — Впрочем, я уже говорила об этом Полю. Правда, Поль, я вам говорила?

— Что? Ах да, конечно, — ответил Поль. — Конечно, Марианна.

Все выпили за здоровье будущего революционера в киноискусстве, который очень мило принял эту дань уважения своей грядущей славе. Белое вино уже оказывало свое действие, и теперь речь шла о том, где лучше Бернару снимать свой будущий фильм. Элизабета произносила «свой фильм» так, словно перечёркивала этими двумя словами всё, что существовало до него. Одни считали, что на севере, другие — на юге. Бернар признался, что он подумывает о Мексике.

— Но это так далеко, так далеко! — возразила госпожа Клуэ, с мольбой сложив руки. — Боже мой, что станет с моей Лизеттой, пока вы будете в этой стране дикарей, где с вами может случиться всё, что угодно! Хватит с меня Марианны, которая собирается уехать на Мадагаскар.

— Теперь уже нет дикарей, моя милая, — весело возразил ей муж, — но всё-таки, Бернар, я как раз хотел сказать вам...

И, пока госпожа Клуэ, всё ещё взволнованная, ходила за крем-брюле, он после крайне многословного вступления

подавал мысль, что здесь, на побережье, имеются мало кому известные места, где Бернар мог бы — по крайней мере, так ему, господину Клуэ, кажется — найти эту столь желанную «атмосферу».

— Я пойду с вами туда, — сказал он. — Устраивает вас?

Бернар ответил, что его «это вполне устраивает».

— Да, кстати, о местах, — продолжал господин Клуэ, поворачиваясь к Полю. — Не вы ли спрашивали мою дочь, где находится ресторан «Полярная звезда»?.. Что такое, что с вами?

Поль выронил из рук бокал. Содержимое его залило скатерть и штанишки Поля.

— Ничего, ничего, — успокоила его госпожа Клуэ, которая уже внесла крем. — Марианна, вытри скатерть, а вы, малыш, идите сюда, я почищу вам штанишки.

— Нет, нет! — так пронзительно крикнул Поль, что все подскочили.

Он снова сел и уже тише добавил:

— Благодарю вас, мадам, мне очень хорошо и так.

— Оставь его, мама, — сказала Марианна.

— Ну да, оставь, ему так прохладнее, — с добрым смешком добавил аптекарь. — Так о чём мы говорили? Ах да, о «Звезде»! Вы искали её, мой мальчик?

— Да, — прошептал Поль, — то есть я спросил у Марианны...

— Неудивительно, что она не могла ничего ответить: «Полярной звезды» уже давно не существует! Прекрасный был ресторан, клянусь честью, и дела в нём шли великолепно: он стоял на бойком месте, в самом начале Большой улицы. Кому-кому, а мне кое-что об этом известно — ведь я, как вы меня видите, был школьным товарищем Пьера Бланпэна, его владельца. Прежний владелец ресторана умер, и Пьер женился на его вдове: повезло, что и гово-

рять! К сожалеению, мой Бланпэн странный тип, вечно витает в облаках; это привело к тому, что он в два счёта развалил всё дело, и ему ничего не оставалось, как во избежание банкротства за бесценок продать ресторан...

— ...И купить таверну, — вставила своё слово госпожа Клуэ.

— Да, в припортовом районе. Поистине, можно сказать, скатился вниз. Так он протянул ещё несколько лет, болтаясь то тут, то там, и, надо признаться, чаще бывал на пристани, чем в своей лавочке. А в один прекрасный день, месяцев десять-одиннадцать назад, узнаю, что он нанялся на грузовое судно, совершающее рейсы в Португалию... Да, нанялся, никого не предупредив, из-за одного лишь упрёка, в сердцах сорвавшегося у жены. Ты, вероятно, помнишь эту историю; Марианна, она в своё время достаточно нашумела.

— Я, по всей вероятности, находилась тогда в Руане, — заметила Марианна.

— Да, пожалуй, ведь это произошло в середине октября... Во всяком случае; с тех пор о моём Бланпэне ни слуху ни духу, исчез, сгинул. Интересно на самом деле знать, что стало с его женой. Сомневаюсь, чтобы ей очень его не хватало: если говорить начистоту, он был плохим помощником. Но ведь она осталась одна с двумя детишками на руках, не считая ребёнка от первого брака. Да, поступок неважнецкий... Но таков он, этот Бланпэн, и, что самое замечательное, на него невозможно сердиться. Я твержу себе: «Ах, негодяй!» — а вместе с тем прекрасно знаю: появившись он сейчас передо мной, как всегда с таким видом, словно только что с луны свалился, я подумаю лишь: надо поскорее откупорить бутылочку винца и sprysнуть его возвращение.

— Ну, не скажу о себе того же, — возразила Элизабета. — Бросить жену и детей — это позор!

— Да, позор, — вторил ей Поля.

Весь красный, возбуждённый, он нисколько не походил на того молчаливого мальчика, каким был минуту назад. Какой же злой человек этот Бланпэн, ничтожество такое! Вот почему тётя Мальвина всегда печальная, вот почему ей приходится мучиться, подсчитывать выручку.

— Стыдно! Стыдно! — продолжал он очень громко.

Господин Клуэ, привскочив, откинулся на спинку стула.

— Ну и ну! — сказал он. — Да вы-то что в этом понимаете? Нет, вы только послушайте! Берётся судить моего Бланпэна, словно знает его, честное слово!

— Правда, — заметил Бернар, — странный мальчик.

И все усталились на Поля, а тот, совершенно багровый, нервно теребил свою салфетку. Он готов был провалиться сквозь землю. Вдруг он вздрогнул, услышав слова, произнесённые Марианной.

— Он всегда такой, когда ему что-нибудь рассказывают, не обращайтесь на него внимания.

Она сопровождала свои слова понимающей улыбкой, окончательно смутившей Поля. Он решил, что она разгадала его тайну, но — странная вещь! — отнюдь не расстроился, а наоборот, почувствовал какое-то облегчение. Что так на него подействовало? Доброе вино или сердечность хозяев? Во всяком случае, он испытывал непреодолимое желание раскрыть своё сердце. Люди эти казались ему такими хорошими, они поймут, одобряют его. Но одобрят ли они его, узнав, что он, Поля, отмахнулся от ссоры? Это слово, которое в течение всего детства имело над ним роковую власть, положило конец его порыву, и, боясь поддаться соблазну, он, не раздумывая, выпалил первое, что пришло ему в голову:

— А я видел в витрине подарок Марианны. Если бы вы знали, до чего он красив!

Неожиданное замечание всех поразило, а Марианна подскочив к Полю, своей сильной рукой зажала ему рот.

— Сейчас же замолчите! — крикнула она.

— Ничего подобного, пусть говорит, пусть говорит, наконец-то мы узнаем! — возразил Бернар, посмеиваясь исподтишка. — Поль, дружок, быстренько расскажите нам, что это за подарок.

— Не отвечайте, Поль, я вам этого никогда не прощу! — настаивала, побледнев, Марианна.

— Нет, он ответит! — сказала Элизабета. — Что это? Подушка? Веер?

— Ни слова, Поль! — завопила Марианна.

Она трясла его за одну руку, Элизабета — за другую, и он не знал, кого слушать. Но мальчик уже принял решение.

— Я и так слишком много сказал, — заявил он. — Тайна есть тайна.

— И я того же мнения, — отозвалась Марианна.

Поль понял её с полуслова. Тайна за тайну, справедливо, ничего не скажешь, и Марианна могла рассчитывать на его молчание. С этой минуты его охватило бесшабашное веселье, и, когда после обеда господин Клуэ предложил совершить прогулку, что «способствует пищеварению», Поль восторженно приветствовал эту мысль. Все втиснулись в машину — ведь у Бернара была машина, маленький четырёхместный «рено», которым семья немало гордилась, — и поехали, оставив дома госпожу Клуэ, которой надо было «управиться с посудой», как она выразилась.

IX

По дороге аптекарь раскрыл свой замысел. Он хотел показать будущему зятю один уголок на скалистом берегу, где имелись пещеры, прелюбопытные и совсем неизведан-

пые, которые, как он полагал, могли бы послужить «сногшибательной» декорацией для фильма. Поместить там контрабандистов, например...

— Контрабандистов? Вы отстаёте от жизни, папаша! — с негодованием возразил Бернар. — Почему бы не пиратов, раз вы до такого договорились? Вы принимаете меня за новичка!

— Ладно, ладно, сами решите. Погодите, дайте только добраться до пещеры Кра! Кстати, когда мне было пятнадцать лет, в этой пещере на моих глазах поймали тюленя, живого тюленя.

— Тюленя? На пляже? — вскричал Поль.

— Да! Да! Тебя это удивляет, а, парижанин? Но ведь случается и зверю заблудиться, непонятно каким образом. У бедняжки был оторван один плавник, он кое-как дотащился до пещеры, где его и обнаружил некий Шук, когда забрёл с удочкой в эти прибрежные места. Шук поднял тревогу. Начался отлив, и пошла охота! У входа натянули сеть, кто вооружился колом, кто железным прутком. Заходят в пещеру, обыскивают её: тюленей не больше, чем в моём кармане. «Тебе померещилось, Шук!» — заявил папаша Арсен, — кстати, он дядя жены Бланпэна, — Шук клянётся всеми святыми, что ему не померещилось, и, пока они переругиваются, я замечаю какой-то узкий проход и с трудом втискиваюсь туда. И что же я вижу в глубине его? Два уставившихся на меня глаза.

— Это был тюлень? — крикнул Поль.

— Точно, мой мальчик. Как я отскочу, как заорю: «Глаза! Глаза!» Тут папаша Арсен мне и говорит: «Бредишь ты, парнишка!» Я показываю ему то место, он идёт туда, чтобы удостовериться. «Да, малец прав!» — объявляет он. Не прошло и секунды, как они с Шук опутали тюленя сетью и вытащили его из пещеры, совсем молоденького тюленя с симпатичной круглой головой: он

тихонько похныкивал, как хнычет ребёнок, у которого что-то болит. На него просто жалко было смотреть, таким он выглядел испуганным. Но, надо сказать, Шуке хорошо ухаживал за ним, залечил ему рану, после чего без всякого труда приручил его. Он даже сделал из него завязтого рыболова — ведь эти звери такие охотники до рыбы.

— А что с ним стало, мсьё?

— Он уже давно на свободе, — ответил господин Клуэ. — Однажды утром судно Шуке затонуло со всем экипажем, и нетрудно догадаться, что тюлень воспользовался этим и уплыл в открытое море.

Шуке! Папаша Арсен! Решительно всё вертится вокруг «Звезды»! Поля так и подмывало забросить аптекаря вопросами, но по знаку господина Клуэ Бернар остановил машину в начале ухабистой дороги. Они прошли между двух рядов колючей изгороди и выбрались на скалы, откуда узкая, засыпанная обвалившимися камнями тропинка спускалась прямо к морю. Поль уверенно ступил на неё, походы в обществе Николя закалили его, и он шёл, едва касаясь ногами шатких камней.

— По-моему, вы как-то вдруг стали очень ловким! — улыбаясь, сказала ему Марианна. — Это ваши «прогулки по городу» сделали вас таким прытким?

И, прежде чем он успел ответить, она схватила его за руку и весело потащила на песок, в узкие проходы между скал. Время от времени из-под ног у них выползал маленький зеленоватый краб или легко, словно стрекоза, выскакивала из воды креветка.

— Что за погода! Что за воздух! — восторгался Бернар, идя с Элизабетой позади них.

— Ага! Вот вы уже и покорены, — сказал ему господин Клуэ, сияя от радости. — А вы ещё ничего не видели... Терпение!

Чем ближе они подходили к пещере, тем выше стано-

вились скалы. На некоторые из них приходилось взбираться, держась друг за друга. Аптекарь потел, пыхтел, вытирал лоб, но никому не уступал в проворстве: едва он коснулся ногами этого прекрасного песка, по которому некогда столько бегал, как вновь обрёл силу двадцатилетнего юноши, уверял он. Вот ещё один, последний, проход, а за ним открылся довольно широкий холм, увенчанный огромной известковой глыбой с остроконечной, как деревенская колокольня, верхушкой. У подножия холма лежали небольшие валуны, окрашенные водорослями в нежно-зелёный цвет. Господин Клуэ указал пальцем на расщелину, образовавшуюся между двумя камнями.

— Вот она! — сказал он.

— Там, внутри, должно быть, очень темно, — заметил Бернар.

— Не так, как вам кажется. Входите, дамы и господа!

Пещера состояла из двух частей, и если во второй действительно было темно, то в первой имелась щель, сквозь которую просачивался голубоватый свет, сообщавший таинственное сияние стенам с торчавшими во все стороны выступами, водорослям и ракушкам, усыпавшим весь пол. Господин Клуэ указал пальцем в самую глубь пещеры, где с грехом пополам можно было различить какое-то устланное водорослями убежище.

— Вон там прятался тюлень, — тоном чичероне объяснял он, — Шуке стоял у входа, папаша Арсен чуть поодаль, а я... я просунулся... вот так...

Он хотел наглядно показать, как всё происходило, но, едва втиснулся в узкий проход, как оказался зажатым справа и слева и не мог податься ни взад, ни вперёд.

— Слишком толстый, папка! — крикнула ему Элизабета. — Ну что же вы, извлеките его, бедняжку, оттуда!

Обливавшегося потом аптекаря кое-как вытащили из ловушки.

— Да, с тех пор у меня отросло брюшко! — сконфуженно сказал он. — Ну что, Бернар? Как вы думаете, нашли мы вашу атмосферу?

Бернар скорчил гримасу. Конечно, пещера занятая... но чего-то всё-таки не хватает, нет, атмосферы здесь не оказалось. Господин Клуэ настаивал, говорил о штормах, о приливах и отливах во время равноденствия, ссылаясь на все стихии. Напрасный труд: атмосфера — дело серьёзное, не так ли? «Но что же ему ещё надо, этому господину?» — возмущался Поль. Его самого дикий вид пещеры привёл в полный восторг, и теперь он мечтал лишь о контрабандистах, пиратах, бушующих волнах — ну и захватывающий вышел бы фильм! Он, в свою очередь, проник в тот тайничок, где некогда укрылся раненый тюлень. Как хорошо было бы растянуться на этой постели из водорослей!

— А по-моему, здесь великолепно, гораздо лучше, чем в пещере Полет! — воскликнул он, бросив укоризненный взгляд на Бернара. — О, вот где всё совсем, совсем, как в пещере Робинзона.

— Хоть один человек одобряет мою идею! — вздохнул господин Клуэ, всё ещё сильно раздосадованный своим провалом. — Вылезай из своего убежища, малыш: пора уходить, ведь мой будущий зять... А жалко всё-таки, я прекрасно представляю себе пиратов здесь, в этой пещере!

— Я тоже, — поддержал его Поль.

— А профессионалы судят иначе, что совершенно неизбежно, — горячо возразила Элизабета, — и потом... пираты... признаться, это так избито.

— И, однако, ты плакала, когда мы смотрели с тобой фильм «Удалцы морского простора», — насмешливо возразила ей Марианна. — Ты даже схватила меня за руку в тот миг, когда корабль пошёл ко дну.

— Вот наглая ложь! — вспыхнув, воскликнула Элизабета. — Надеюсь, вы ей не верите, Бернар?

— Конечно, нет, дорогая. Всем известно, что вам всегда нравились только «мои» фильмы.

— Ну что, съела, Марианна?.. Но... ваши фильмы, Бернар, а какие? Ведь пока ещё не вышло ни одного. Ах, так, значит, и вы смеётесь надо мной? Нет, это чересчур! — сказала Элизабета, топнув ножкой.

— Вы так очаровательны, когда сердитесь, дорогая! — нежно сказал Бернар.

Он взял её под руку, хоть она изо всех сил отбивалась, и все отправились в обратный путь, на этот раз в сторону Дьена, потому что сперва решили проводить Поля, а потом уже сесть в машину. Идти пришлось недолго, и через какие-нибудь триста шагов перед ними открылся пляж с его весёлой воскресной толчеей. Был час прилива, и море кишело купающимися; на берегу из-за жирных бумажек не видно было гальки.

— Пошли скорей к набережной, — сказала Марианна, — не то я рискую натолкнуться на Юло. Хватит с меня, что завтра снова придётся увидеть их.

— Почему же ты упорно остаёшься у них, раз они тебе так противны? Никто тебя не неволит, — поддела Марианну Элизабета. Она ещё не простила сестре её замечания по поводу фильма.

— Моё дело, — упрямо возразила Марианна. — Мне нужны деньги. Знала бы ты, для чего, воздержалась бы от критики.

Они проводили Поля до угла улицы Аиста, и аптекарь несколько раз оборачивался, чтобы послать ему вдогонку звучное «прощай». Господину Клуэ понравился этот мальчик, восхищавшийся пещерой Кра, Поль же, к своему удивлению, должен был сознаться, что давно так не веселился. Как быстро пробежало время! А он-то думал, что

день этот покажется ему бесконечным! Поездка в пещеру, история тюленя, история «ничтожества» — да, можно сказать, настоящее ничтожество, прав был папа, когда окрестил его так! Всего удивительнее, что господин Клуэ хорошо знал и его, и Шуке, и дядюшку Арсена. Ах, если бы он мог предположить, рассказывая о них, что перед ним двоюродный брат Николя Товеля! Поль подавил вздох. Тайна начинала сильно тяготить его... Он медленно направился к дому, откуда навстречу ему через раскрытые окна неслись бравурные аккорды военного марша.

Х

На следующий день Поль получил письмо от матери. Мама беспокоило его молчание. «Моё сокровище, у тебя неприятности?» Она с нетерпением ждёт конца недели, чтобы наконец обнять его и «хорошенько, по душам поговорить». Мама подтверждала, что приедет в следующую субботу вечерним поездом. Они с папой проведут в Дьепе два дня и уедут в Париж в понедельник вечером.

Два дня! Поль с ужасом убедился, что приезд родителей нисколько не радовал его, а ведь всего три недели назад он уезжал от них с тяжёлым сердцем. Конечно, мама тут ни при чём, всё дело в папе: он боялся его гневных вспышек, его привычки смотреть ему в глаза и говорить в упор: «Ты что-то замышляешь, по твоему носу вижу!» А если папа станет расспрашивать его, сумеет он сохранить самообладание? Ведь малейшая растерянность с его стороны повлечёт за собой страшную сцену. Ему запретят ходить в «Звезду»... О нет, всё что угодно, только не это!

Поль почувствовал себя вдруг очень одиноким. Всё случившееся тяготило его, и он снова, с ещё большей си-

лой, чем накануне, испытал потребность открыться кому-нибудь. Марианне? Нет, только не Марианне. Он не уверен, что она поймёт его. А почему бы не Нику? Ник — его друг, а другу всё можно сказать, надо только попросить его хранить тайну, вот и всё. Приняв такое решение, Поль свободно вздохнул, словно гора с плеч свалилась, и он упрекнул себя за то, что, поддавшись ребяческому страху, не сделал этого раньше. Кто-кто, а Ник не выдаст его, это уж безусловно, и ему не придётся больше переживать всё одному.

В этот день, направляясь после обеда в таверну, Поль обдумывал, как он преподнесёт эту новость Нику, представлял себе, как тот сперва удивится, а потом обрадуется, когда узнает, что они в родстве. Но его ждало разочарование. В зале он нашёл только тётю Мальвину; она умывала Иветту, посадив её на угол стола.

— Николя с Маринеттой в порту, — сказала она, увидев Поля. — Сегодня утром был очень хороший улов, и они помогают папаше Луи выгружать рыбу; там на добрых два часа работы.

— Попытаюсь разыскать его, — пробормотал Поль, торопясь уйти.

Тётя жестом удержала его; казалось, любопытство её было задето.

— Вы здесь с родителями? — спросила она его.

И, когда он несколько сбивчиво объяснил, что живёт на пансионе у друзей семьи, она сказала:

— Ах, вот что! Извините меня, но вы всегда одни, и поэтому, естественно, напрашиваются всякие вопросы.

Бросив поспешное «до свиданья», Поль быстро вышел из таверны: при тёте Мальвине ему всегда было не по себе. А Николя? Где Николя? Чем дальше, тем сильнее невысказанные слова просились на язык, они душили Поля, ему хотелось прокричать их ветру, чайкам, матросам, выходяв-

шим из порта. Перейдя железный мост, он бросился к небольшой группе людей, суетившихся на пристани возле груды ящиков и корзин, наполненных рыбой и мелкими кусочками льда. Маринетта обеими руками тащила одну корзину к ручной тележке, на которую бородатый парень устанавливал ящик.

— Вы не видели Ника? — спросил Поль Маринетту.

— Он на траулере, — ответила она. — Вы что, думаете, мы здесь развлекаемся?

Поль подбежал к самой воде. На палубе судна, среди бочонков и мокрых сетей, двое мужчин в зюйдвестках подвешивали к лебёдке корзины, которые чьи-то невидимые руки выталкивали из трюма; корзины болтались на конце натянутого пенькового троса, и время от времени широкая плоская рыба с беловатым брюшком падала на мокрый пол. Лебёдка пришла в действие.

— Николя! — заорал Поль.

Из трюма вынырнула рыжая вихрастая голова.

— Что случилось? — крикнул Ник. — Пожар, что ли?

— Нет, мне надо с тобой поговорить. Иди скорее.

Мужчины в зюйдвестках подняли голову.

— Нахальства у этого парня хоть отбавляй! — проворчал тот, что повыше. — Держу пари, он из парижан.

— Но это так срочно! — передразнил Поля другой. — Срочно, не срочно, подождёшь, пока мы кончим, сопляк!

— Верно! — произнёс Николя с очень выразительной миной.

И он снова исчез в трюме, а в это время за спиной Поля раздался пронзительный смех Маринетты.

— Здорово вас угостили! — крикнула она, взявшись за новую корзину.

Поль укрылся под каким-то навесом, и там, сгорая от нетерпения, просидел на пустом ящичке битый час, наблюдая за работающей лебёдкой и за вереницей исчезающих

ящиков... Никогда он не думал, что в море столько рыбы! Потом вся эта карусель внезапно остановилась, рабочие разошлись, и вот наконец-то он увидел, как Николая выкарабкался по лесенке из трюма и спрыгнул на пристань, — Николая, ещё более растерзанный, чем обычно, в рубашке, пропахшей рыбой.

— Ну, что такое? — спросил он, проведя липкой ладонью по мокрому от пота лбу.

— Так вот... — начал Поль.

Куда девались все красивые фразы, которые он только что так усердно твердил? Сколькo он ни старался, ни одной не мог вспомнить; в конце концов он совершенно по-глупому выпалил:

— Мы двоюродные братья.

— Кто? — спросил Николай.

— Ты и я.

Подлинный успех, но отнюдь не тот, на какой рассчитывал Поль: Ник фыркнул.

— И ради такой ерунды ты хотел оторвать меня от дела! — воскликнул он. — Додумался, нечего сказать!

— Раз я говорю тебе, можешь мне верить, — с жаром возразил Поль. — Повторяю тебе, мы...

— ...двоюродные братья, понял. Расскажи кому другому! Ничего более занятного не мог придумать?

— Ох!.. — вздохнул Поль и сжал кулаки, страстно желая броситься на этого маловера, который всё ещё смеялся, подмигивая глазом. — Послушай, — снова начал он через минуту, — ведь тебя зовут Николай Товель?

— Да. Ну, и что с того?

— Так вот, меня тоже зовут Товель, Поль Товель, и твой покойный отец был мой дядя Анри, а мой папа — твой дядя Эжен, и мы — двоюродные братья, братья, братья!

Николай перестал смеяться. Он озадаченно почесал свою вихрастую голову.

— Вот так история! — пробормотал он наконец. — Дядя Эжен, да, припоминаю, у нас есть его карточка в альбоме: такой толстый, чернявый, с усиками.

— Да, да, это папа! — воскликнул Поль, не смущаясь столь кратким описанием. — Ну что, теперь ты мне веришь?

— Как сказать... — недоверчиво протянул Николя. — Во всём этом мне непонятно только одно: если, по твоим словам, мы — двоюродные братья, почему ты раньше не сказал?

— Из-за ссоры, конечно.

— Какой ссоры?

Как — какой ссоры? Поль широко раскрыл глаза. Смеётся над ним Николя, что ли?

— Ссора, ну ссора, — повторял он, словно это слово само по себе могло всё объяснить. — Ссора между папой и тётей Мальвиной!

Нахмутив брови, Николя на миг призадумался.

— Постой, — сказал он наконец. — Да, припоминаю, мама, кажется, что-то такое рассказывала. Мама... Интересно, что она скажет, когда узнает, что мы...

— Но она не должна об этом знать! — перебил его Поль. — Ничего не понимаешь! Ссора!

— Опять? Слушай, надоел ты мне со своей ссорой! — нетерпеливо оборвал его Ник. — Не думаешь ли ты, что маму это занимает?

— Не знаю, как её, а папу... Ты его не знаешь, моего папу! Заикнись только кто-нибудь, что я был у вас, он бы так рассердился!.. Ох, лучше бы я тебе не говорил! — простонал Поль, тяжело опускаясь на ящик.

Он задыхался, губы его дрожали, у него был такой жалкий вид, что Николя растрогался. Он перескакивал с ноги на ногу, подыскивая слова утешения, и ему стало даже немножко стыдно, что он так расчувствовался.

— Видно, не очень-то он лёгкий человек, дядя Эжен, если ты так его боишься, — заметил Ник после некоторой паузы, — но раз это приводит тебя в такое состояние, решено, я ничего не скажу маме.

— О, — прошептал Поль, — спасибо, спасибо тебе! Какой же ты хороший!

Он смеялся, хлопал в ладоши и в порыве радости готов был расцеловать Николя.

— Скажи, ты рад, что мы братья? — робко спросил он.

Николя пристально посмотрел на Поля своими зелёными глазами, в которых теперь светилось не лукавство, а доверие и самая искренняя дружба.

— Да, рад, — серьёзно ответил он.

Мальчики обменялись беглой улыбкой и какое-то время смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Поль никогда не чувствовал себя таким счастливым. Николя положил руку ему на плечо.

— Пошли, — сказал он. — Пора домой.

Они сделали крюк, чтобы продлить прогулку. Теперь, когда Поль открыл свою душу, он говорил без умолку. Он рассказывал обо всём — о своих хождениях по Дьепу, о том, как вместо ресторана нашёл маленькую таверну, и о том, как трудно ему было скрывать от всех тайну. «Как я рад! Как я рад!» — поминутно повторял он. Поль спросил у Николя, действительно ли ресторан «Полярная звезда» был так хорош, как говорил папа.

— Недурен, — небрежно ответил Ник, — но мне больше нравится наша таверна, в ней лучше себя чувствуешь. Больно пышно там было: на столах цветы, настоящие скатерти... в общем, целая куча всяких финтифлюшек. Папа тоже больше любит таверну, — задумчиво добавил он.

— Папа? Ах да, нич... господин Бланпэн? — переспросил Поль. — Он уехал в Португалию, да? Мне сказал господин Клуэ. Ты его знаешь?

Да, Николя знал господина Клуэ: весельчак и шутник, прежде он частенько заходил к ним, но с октября ни разу не появлялся.

— Всё-таки странно, что твой папа вот так, просто, нанялся на судно, ты не находишь? — нерешительно заметил Поль.

— Почему? — живо отозвался Николя. — Разве мы сами не поступим точно так, когда кончим школу? К тому же папа на днях вернётся.. Надеюсь только, что он не привезёт слишком много денег. Будет очень обидно, если он нас опередит, правда?

— Ещё бы! — воскликнул Поль. — Ой, до чего же я рад! — повторил он. — Послушай, это надо отпраздновать.

Он ворвался в кондитерскую и купил массу леденцов, ирисок, большой кусок нуги. Когда, нагруженный покупками, он вышел из магазина, Николя был уже не один. Словно по волшебству, рядом с ним выросли Маринетта и Тинтин: вот, можно сказать, учуяли лакомства!

— Вовремя мы подросли! — воскликнул Тинтин, а Маринетта не сводила жадного взгляда с конфет. — Ну и полакомимся же мы!

В этот день в комнате, где висели сети, была устроена настоящая пирушка. Всем, даже дяде Арсену, досталось по леденцу, и старик сосал свой леденец с не меньшим удовольствием, чем Лулу. Иветта потребовала ещё одну ириску, для своей куклы, а когда Поль в кольцо бдительных глаз разделил нугу на восемь равных частей, Маринетта с удивлённым видом спросила, что это за длинное пирожное. Бедняжка, она никогда не ела нуги! Неизвестное «пирожное» так понравилось ей, что она не проглотила свой кусок, а, продлевая удовольствие, оставила его таять во рту.

Когда на большом будильнике пробило шесть и Полю

пришло время уйти, Николя проводил его до набережной: он никак не мог с ним расстаться.

— Нет, до чего же странно, что мы братья! — твердил он. — Но у меня рот на замке, можешь мне верить. Ну, до завтра, дружище. Пойдём с тобой ловить «букеты», тебя устраивает?

— Меня всё устраивает! — весело ответил Поль. — До завтра, дружище!

XI

Поль охотился за креветками, потом собирал ракушки, потом ловил пескороек, косяк которых показался за пещерой Полет; попроси его Николя, и он опустошил бы море. Впервые доводилось ему делиться мыслями с другом, и это было ему так отрадно, что он не перестал разговаривать с двоюродным братом даже в его отсутствие. Куда девался его печальный вид! Он больше не робел в присутствии госпожи Юло и за столом непринуждённо возражал ей, чем приводил её в полное недоумение. «Что я вам говорила, милая моя мадам Юло, — торжествовала мадемуазель Мерль. — Вот малыш и ожил, надо было только запастись терпением». Но госпожа Юло замечала в ответ, что у Поля такой вид, словно он и в самом деле «пробуждается», иногда он держится даже чересчур независимо. После чего мадемуазель Мерль принималась крутить ручку приёмника, отмечая про себя, что на её жилищу не угодить, и, чем критиковать Поля, отшлёпала бы она лучше трёх своих бесенят, от которых ни днём, ни ночью нет покоя. «В чужом глазу соломинку мы видим, в своём не видим и бревна», — философски заключила она. И, надо сказать, «бревно» госпожи Юло было внушительных размеров. Свободная пляжная жизнь изопржила воображение ангелочков, и они без конца придумывали всё новые проказы.

Марианна стала раздражительной и горько жаловалась Полю, когда он возвращался к ней в шесть часѳв. Фред шлёпал по грязи. Рири ударил лопаткой маленькую девочку, а Тото — кто же, как не он, — чтобы наделать из бумаги корабликов, стащил её книжку, пока она вынимала бутерброды.

— Я его отчитала, но это бесполезно, — сказала она с горечью, — он просто издевается надо мной.

— Пожалуйтесь госпоже Юло, — посоветовал Поль.

— Вы прекрасно знаете, что Тото всегда найдёт в матери защитницу. Не говоря о том, что сама госпожа Юло потеряла всякое чувство меры: у служанки свадьба дочери, или сына, или кого-то там ещё, а я должна с субботы до понедельника заменять её. Не для того я нанималась... Ах, так и подмывает всё бросить... А ну его, этот подарок!.. Придётся давать уроки, чтобы пополнить нужную сумму.

— Ой нет, Марианна, не уходите! — взмолился Поль.

Марианна сразу успокоилась, и лёгкая усмешка тронула её губы.

— Понимаю, — сказала она, — ваши прогулки по городу... Без меня вам трудно придётся, а?..

— Что и говорить, — признался Поль. — Поверьте, я не делаю ничего плохого, но вы понимаете, у меня... у меня... друзья.

— Да, пресловутая «Полярная звезда», даже бокал опрокидывается, едва заходит речь об одной маленькой таверне... Ладно, ладно, молчу, — добавила Марианна, складывая свою работу. — Ну, пошли лучше домой...

Но в последующие дни она оставалась озабоченной, а когда пришла суббота, её дурное настроение ещё ухудшилось. Уборка, мытьё посуды, покупки, стряпня... У неё всё же только две руки; чем валяться в постели, сходила бы лучше госпожа Юло за продуктами! Поль слушал её с болью в сердце. Что станет с ним, если она уйдёт! Конца

его встречаю с Николя. Во избежание такой катастрофы, он старался помочь Марианне: подметал пол, стирал пыль, но так неловко, что ангелочки покатывались со смеху. Выйдя в субботу утром из своей спальни, госпожа Юло застала его за подобным занятием.

— Да бросьте вы, — сказала она ему. — Марианна сама всё сделает.

— У неё и так работы хватает, — дерзко возразил он.

Госпожа Юло свалила вину на Марианну, которая, заявившая она, оказывает на мальчика самое дурное влияние. О чём они могут говорить на пляже? Произошёл довольно крупный разговор, но потом, к обеду, всё стихло. Не только Поль боялся, как бы Марианна не ушла, — госпожа Юло боялась того же, но совсем по иным причинам: остаться одной с ангелочками!.. Тяжёлое испытание! За обедом она держалась почти любезно, и успокоенный Поль чуть пораньше трёх часов отправился снова на улицу Бёле. Он торопился повидаться с друзьями: сегодня вечером приезжают папа с мамой, и ему не вырваться в «Звезду» раньше вторника. Но какой прекрасный день предстоит ему сегодня! У папаши Луи прохудилась большая сеть, и Николя — руки у него умелые, как у девочки, — взялся починить её. Все усядутся в дворике за таверной, и дядюшка Арсен, покуривая неизменную трубку, расскажет что-нибудь новенькое.

— Эй, ты, смотри, куда идёшь!

Поль вздрогнул. Он так задумался о сетях папаши Луи, что, огибая угольный пирс, едва не налетел на большого Мимиля.

— Ах, извините, — пробормотал он. — Я, видите ли, очень тороплюсь.

— Да, — неопределённо проронил Мимиль.

Прислонившись к какой-то свае, он, с окурком в зубах, смотрел на выходявший из порта парусник.

— Кливер¹ ставят, — заметил Поль, страшно гордый своими недавними познаниями.

— Да, — снова проронил Мимиль.

Какое у него грустное лицо! Он стоял над самой водой, рискуя свалиться в неё; Поль не знал, что ему сказать, и уйти от него не решался. Он так же, как Мимиль, провожал глазами судно, которое удалялось, распустив паруса. В тот миг, когда оно исчезло между двумя молами², Мимиль резким движением далеко отшвырнул окурок.

— Больше так продолжаться не может! — пробормотал он, как бы про себя. — Пусть Жанна говорит что угодно, ничего ей не поможет, я должен уйти!

— Куда это, мсьё Мимиль? — спросил Поль.

Мимиль смерил его взглядом с ног до головы:

— Ты всё ещё тут? Как это — куда? В море, конечно... Говорю тебе, я должен уйти, матрос я, а не угольщик! Ах, боже мой, не надо было мне поддаваться... Но на этот раз, конечно, пускаюсь в плавание!

— Да, да, мсьё Мимиль, — поддакнул Поль, очень взволнованный его признанием.

— Не я первый, не я последний, — всё громче продолжал Мимиль. — Есть парни, да, немало есть парней, которые задыхаются в четырёх стенах и спрашивают себя, зачем им гранить эту проклятую мостовую, когда можно стоять на носу при лобовом ветре. Да за примером недалеко ходить, вот возьмём хотя бы Пьера Бланпэна...

— Вы его знали, мсьё Мимиль?

— Ещё как знал! Достаточно мы таскались вдоль моллов, разминая кости и поверяя друг другу свои горести. «Мимиль, немоготу мне больше, я должен уйти», — повторял он сто раз на дню. Земля жгла ему ноги, так-то... Ах, счастливцев!

---

¹ Кливер — треугольный парус на носу судна.

² Мол — стена, ограждающая порт со стороны открытого моря.

Ничтожество — «счастливец»! Поль не верил своим ушам. Ему вспомнились слова господина Клуэ.

— А он хороший? — спросил он.

— Лучше парня не сыскать во всём свете; не успеет он, бывало, носа высунуть на улице, как за ним по пятам уже бегут все ребятишки. Он из ничего мастерил им всякие штуки, и всё это втихомолку, не говоря ни слова, а мысль о плавании не переставала точить его. Это прирождённый матрос, быстрый, как кузнецик, и мускулистый притом... Конечно, кое-кто прав, когда думает: хватит ему бродяжничать, пора ему

наконец вернуться и посмотреть, как живёт его семья, по что поделаешь, каждый человек — таков, каков он есть. Возьми хоть, к примеру, меня: ничего мне не надо, только бы честно ловить макрель в прибрежных водах, только бы вернуться к своему старому ремеслу. Так-то. Но Жанна упорствует! Должна же она в конце концов понять, что матрос — не чета угольщику! — помрачнев, сказал в заключение Мимиль, вытаскивая из кармана кисет.

Поль незаметно отошёл от него; в голове у него всё смешалось, и «ничтожество» начало представляться ему легендарной личностью, влекущей к себе, непостижимой, обаятельной. Как он завидовал Николя, господину Клуэ, Мимилю, всем, кто знал его!

С удивлением смотрел Поль, как спорится работа у Николя, как ловко чинит он сеть, с упоением слушал он рассказы дядюшки Арсена об урагане, налетевшем на них как-то зимней ночью в открытом море вблизи Фекана, когда рыба шла так, что сети трещали, это надо было видеть. «Ветер хороший, выпутаемся, Шуке». — «Похоже на то», — говорит мой Шуке. На этот раз все угощались песочным печеньем. Кошелёк Поля был уже далеко не тяжёл, и, возвращаясь на пляж, Поль ломал голову, как бы умудриться выпросить вечером денег у папы. Спустившись по лесенке с набережной, он подошёл к палатке и обомлел. Никого! Марианна, дети — все исчезли! А ведь всего шесть часов! Мальчик решил, что родители его приехали раньше указанного времени и пришли за ним на пляж. Бедняга страшно всполошился. Как объяснить своё отсутствие? Он помчался на улицу Аиста и облегчённо вздохнул, застав в столовой одну госпожу Юло. Ох, и напугался же он!

— Я пошёл... пройтись... — с трудом начал было Поль.

Но госпожа Юло, по-видимому, не слышала его. Он заметил, что щёки её пылают, словно она была чем-то разгневана.

— Вы пришли как нельзя более кстати! — крикнула она ему. — Нет, это неслыханно! Бросить меня из-за какого-то пустяка, да ещё как раз, когда я жду к ужину столько народу! Такой девушки свет ещё не видывал, не девушка, а форменное чудовище! Её надо было остерегаться, надо было...

— Но ведь я готова помочь вам, мадам, хорошая вы моя, — вмешалась мадемуазель Мерль, выходя из кухни с чугунком в руках. — И Поль охотно придёт мне на выручку. Правда, Поль?

— Да, да, — пробормотал Поль.

Он был убит. Марианна ушла? Нет, это невозможно...

— Она завтра вернётся? — умоляюще спросил он.

— Как бы не так! — ответила госпожа Юло, нервно теребя свои завитки. — Мадемуазель считает, что на неё навалили слишком много работы, мадемуазель рассердилась: я попросила её задержаться сегодня вечером на каких-нибудь два часа и подать ужин! Я бы, так и быть, отдельно оплатила ей эти часы, но Марианна заявила, что она мне не прислуга. Нет, поступить так со мной, со мной...

Теперь госпожа Юло плакала. Она всхлипывала, а мадемуазель Мерль, похлопывая её по рукам, уговаривала не отчаиваться и подумать о своей внешности — нельзя же в таком виде принимать гостей. Поль не слушал их, он бесился и был недалёк от того, чтобы повторять вслед за госпожой Юло: «Нет, поступить так со мной, со мной!» И это сделала Марианна, которая обещала ему остаться, чтобы он мог по-прежнему ходить в «Звезду»! Ах она злюка, ах она... Но в соседней комнате ссорились ангелочки, надо было бежать успокаивать их; предстояло накрыть на стол, сварить суп, зажарить мясо и рыбу, смотаться в гостиницу, чтобы проверить, оставлен ли номер, заказанный для папы и мамы. Мадемуазель Мерль, совершенно растерянная, семенила из одной комнаты в другую, госпожа Юло, рухнув в кресло, жаловалась на головную боль, а Поля в один миг нагроутили стопкой тарелок, которые он как попало расставлял на столе, пока Тото и Фред резвились вокруг него. Не успел он поставить последнюю тарелку, как раздался звонок.

— Господи, а я-то сижу пугало пугалом! — воскликнула госпожа Юло, вскакивая с кресла.

Она мигом исчезла в спальне, а мадемуазель Мерль, поправив растрепавшуюся причёску, спустилась открыть дверь. Радостные восклицания, голос папы, голос мамы:

— Поль, где мой Поль?

— Я здесь, мама! — отозвался Поль, бросаясь в её объятия.

— Наконец-то, дорогой мой! Боже мой, как он чудесно выглядит. Да посмотри же, Эжен, как он чудесно выглядит!

— Ей-ей правда! Ну, зайчик, как видно, всё в порядке? — весело спросил папа.

— Да, папа, — ответил Поль, невольно впадая в давно забытый тон.

Мама не могла на него наглядеться, не могла им налюбоваться. До чего же он загорел! А какие у него руки! Какие ноги! Да, хорошо, что они послушались врача и послали ребёнка к морю. Он так похорошел, так поправился, её мальчик, её сокровище! Она полностью вознаграждена за те три недели, что провела вдали от него.

— А где же моя жена? — спросил господин Юло; не успел он войти, как ангелочки набросились на него и стали проверять содержимое его карманов.

— Она сейчас выйдет, дорогой мсьё, — поторопилась заверить его мадемуазель Мерль. — У нас тут, видите ли, случилась маленькая неурядица, и она пришла в такое состояние...

В эту минуту в коридоре как из-под земли выросла госпожа Юло, нарядная, чудесно завитая, в новом, безупречно белом платье.

— Как я рада снова увидеть вас всех! — улыбаясь, сказала она. — Ах, как я ждала этой субботы! Ужин готов, мадемуазель Мерль? Закройте, пожалуйста, ставни!

Жаркое оказалось пережаренным, а рыба недожаренной, но папа и мама привезли из Парижа столько вкусных вещей, что на это никто не обратил ни малейшего внимания. Папа отдавал должное каждому блюду, мама не спускала глаз со своего Поля, госпожа Юло болтала так весело, словно Марианны никогда не существовало на свете,

Мадемуазель Мерль подавала блюда, уносила их, меняла тарелки, ни на минуту не присаживаясь. «Я помогу вам», — предлагала мама. «Нет, нет, она сама справится», — останавливала её госпожа Юло, повышая голос, чтобы перекричать ангелочков: мама вынула из сумки шоколадные конфеты, можно ли было не приветствовать их появление?

— Напрасно вы их балуете! — возразила госпожа Юло.

— Они такие милые! — ответила мама. — Поль, и ты возьми конфету.

— Хорошо, мама, спасибо!

Конфета была большая, с начинкой из нуги, и Поль молча наслаждался ею. Он прижался к маме и, пригревшись у её плеча, боролся с непреодолимым желанием уснуть и больше ни о чём не думать. Впрочем, за десертом он принял решение. Завтра утром он так или иначе повидает Николя и расскажет ему об уходе Марианны. Николя парень смыслённый и, конечно, найдёт какой-нибудь выход. «Всё уладится, всё обойдётся!» — успокаивал он себя и в приливе радости крепко поцеловал маму.

XII

Рассказать маме и папе о несчастном случае с Полем взялась мадемуазель Мерль; она сделала это на следующее утро, пока господин и госпожа Юло со своими ангелочками ещё не вышли из спальни. Мама долго плакала. Мыслимое ли дело: её сокровище чуть не утонуло, а она и не подозревала об этом! Пока он боролся с волнами, она, возможно, спокойно помешивала соус или болтала с соседкой! Почему ей не сообщили? Она усадила Поля на колени, она укачивала его, как младенца, а он не сопротивлялся, убаюканный её ласками. Несчастный случай, да, по правде

говоря, он забыл о нём! С тех пор произошло столько всяких событий! Но ему было приятно, что мама огорчилась, что она так любит его.

Папа тоже разволновался. Конечно, он этого не показывал, но откашливался, словно прочищая горло, и не внушал маме: «Сделаешь ты из своего сыночка мокрую курицу!» Он спросил, кто спас Поля, и мадемуазель Мерль объяснила ему, что спаситель — какой-то портовый мальчишка, но он тут же скрылся.

— Портовый мальчишка? — вскричал папа. — Тогда ничего удивительного: все жители Дьепы — превосходные пловцы. Кто-кто, а я-то их знаю, сам ведь отсюда.

Мадемуазель Мерль заохала. Как, господин Товель из Дьепы? Почему же Поль не сказал ей?

— Да, в самом деле, Товель — распространённая фамилия в нашем краю, — добавила она.

— Точно. У меня здесь жил брат.

И он заговорил о дяде Анри, о прекрасном ресторане «Полярная звезда». Мадемуазель Мерль ещё пуще разохалась. Она частенько обедала в этом ресторане во времена своей молодости, когда ещё жила её мать. Такой обходительный человек был этот Анри Товель... К несчастью, он умер тридцати лет, а жена его вышла замуж вторично, да так неудачно! Банкротство, маленькая таверна...

— Что за маленькая таверна? — спросил папа.

Разве господин Товель не знает? Ресторана больше нет: Пьер Бланпэн ликвидировал дело и теперь содержит рыбацкую таверну на улице Вёле. Содержит — это только так говорится, потому что в довершение всех бед он в октябре прошлого года ушёл в море. В общем, какой-то сумасброд.

«О! А!» — восклицал папа. Жилы на шее у него вздулись, и он огромными шагами кружил по комнате.

— Ну, что я тебе говорил, Эдмея! — крикнул он. —

Бездельник, вот он кто? Ничтожество этакое! О, я разгадал его с первого взгляда... Пустить на ветер такой ресторан! И удрать на пароходе! Какой позор для семьи!

— Не говоря уж о том, что дети остались без отца, — подлила масло в огонь мадемуазель Мерль.

— Дети?

— Да, старший — ваш племянник, и ещё двое — мальчик и девочка, от второго брака. Младшему мальчику ровно год. Надо сказать, очаровательный малыш!

— Бедная Мальвина! — вздохнула мама.

Выкатив глаза, папа повернулся к ней:

— И ты ещё жалеешь её! Сама она виновата, надо было слушаться моих советов! Я говорил, я сто раз повторял ей, что её ничтожество всего лишь... ничтожество. Но женщины... Разумеется, я не говорю о присутствующих, мадемуазель, — продолжал он, вытирая лоб, — и вообще, извините меня, я вспыхнул, услышав всё это.

— Понимаю вас, сударь, — проникновенно сказала мадемуазель Мерль.

Поль украдкой проскользнул к двери.

— Ты куда? — окликнул его отец.

— Хочу немножко... пройтись, папа.

— Один? — воскликнула мама.

— Э, вот первое доказательство его самостоятельности; видно, ему пошло на пользу, что он не сидит привязанным к твоей юбке! Беги, зайчик, встретимся на пляже! Я подожду господина Юло.

Никогда ещё Поль не покрывал столь стремительно расстояние, отделявшее его от маленькой таверны. К счастью, в этот ранний час на улице было ещё мало народу, иначе мальчик непременно сбил бы кого-нибудь с ног, так он мчался. Как рассердился папа, узнав, что натворил господин Бланпэн! Но мама пожалела тётю Мальвину. Хорошо, что хоть у неё доброе сердце.

Николя, разодетый по-воскресному, грелся на солнышке, сидя вместе с Иветтой и Лулу у порога таверны.

— Вот здорово! — сказал он. — А я думал, ты сегодня не придёшь!

— Знал бы ты, что со мной случилось! — ответил Поль.

Он рассказал об уходе Марианны; без неё нет никакой возможности удирать с пляжа, тем более что, пока не найдут другой девушки, господин Юло, приехавший в отпуск, несомненно сам займётся детьми. Что делать? Как быть?

— Довольно-таки досадно, — согласился Ник. — Она могла бы подумать и о тебе, твоя Марианна, прежде чем сматывать удочки. Да, да...

— Ну само собой... Но помоги мне! Придумай какую-нибудь уловку, чтобы мы могли видаться. Говори скорей! — И Поль выжидающе уставился на своего двоюродного брата. Он-то, наверное, придумает выход.

Николя почесал затылок.

— Так, с бухты барахты, такие вещи не решаются, — степенно заявил он. — Дай мне время подумать... ну, скажем, до завтра.

— Ладно, приду завтра. А сейчас мне пора удирать.

— Уже?

— Да, знаешь ли, папа... Я сбежал, как только представлялся случай...

— Понятно, — с ужимкой сказал Николя. — Ну, ступай, да поторапливайся, деточка.

В его глазах снова блеснул насмешливый огонёк. «Почему «деточка» и что я особенного сказал?» — недоумевал Поль на обратном пути. Ладно, главное сделано, ему незачем мучиться, раз Николя обещал помочь. Он со всех ног бросился на пляж; папа и господин Юло устроились в палатке на раскладных стульях. В белых полотняных брюках папа выглядел великолепно. Как видно, он был в прекрасном настроении. Маме пришлось остаться

дома — надо помочь мадемуазель Мерль приготовить обед, объяснил он Полю. У бедной госпожи Юло страшная мигрень. Вот, можно сказать, не повезло!

— Ба-ба... мигрень! — проворчал господин Юло, барабанив пальцами по ручке кресла. — Между нами говоря, знаю я, что это такое, дорогой мой: ловкий способ избавиться от неприятных обязанностей. У меня прелестная жена, но она терпеть не может домашнего хозяйства. У каждого свои маленькие недостатки, не правда ли?

— Разумеется, — ответил папа.

Был час прилива, и ангелочки шлёпали по воде, поднимая фонтаны брызг. Папа предложил искупаться всем вместе, но господин Юло уклонился: поясница, проклятая поясница, он только что перенёс люмбаго. Нет, надо быть благоразумным.

— Ну, тогда пойдём вдвоём, зайчик, — сказал папа Полю. — Беги за купальником, а я тем временем возьму себе костюм на прокат в кабинках.

Поль не посмел отказаться, хотя купание отнюдь не прельщало его. Когда он в своём новом купальнике вернулся на берег, папа стоял уже у самой воды.

— Бр!.. Ну и холодище! — крикнул он ему. — Просто не верится, а? При таком солнце!

Он сделал шаг, второй, но, едва набежала волна, быстро отскочил назад.

— Входи, как я, постепенно, — посоветовал он Полю.

Но недаром Поль четыре недели ловил креветок и собирал ракушки — он закалился.

Смело вошёл он в воду и давай скакать, прыгать, разбрызгивать пену, к великой радости ангелочков, которые, глядя на него с берега, кричали: «Мы тоже, мы тоже!» Папа был потрясён.

— Молодец, здорово это у него получается! — заметил господин Юло.

— Да, недурно. — пробормотал папа. — Ну, раз, два, три, иду! Подожди, сейчас я тебя догоню!

Он нырнул головой в волну и вдруг выскочил прямо перед Полем. Вода потоками струилась с него.

— Теперь получше, — сказал он. — Конечно, за это время я чуточку сдал. Хороша вода, а?

Да, вода была хороша, и Поль с удовольствием купался. К несчастью, папе пришлось в голову учить его плавать. «Направо, налево, выше нос, дыши... Да нет, вытяни ноги... Нет, отведи руки назад... Откуда взялся на мою голову такой тупица. Говорю, отведи руки назад!» Поль задыхался, поминутно глотал солёную воду и уже терял силы. Купание это напоминало ему всё, что он испытал, когда тонул.

— Начнём сначала, — сказал папа.

Внезапно бас господина Юло перекрыл шум прибоя:

— Стойте, мсьё Товель! Не займётесь ли вы чуточку с Тото! Ему до смерти хочется научиться плавать!

— Ну ладно! — буркнул папа.

И он пошёл за Тото, а Поль, избавившись наконец от урока, помчался на пляж обсохнуть. За Тото настала очередь Рири. Тот бесстрашно вошёл в воду, но едва очутился в руках этого высокого усатого господина, как разразился судорожными рыданиями, и плачущего мальчугана пришлось отнести к отцу. А с Фредом — другая история: того невозможно было вытащить из воды. «Ещё, ещё!» — вопил он, размахивая руками как одержимый. Бедный папа! Когда после четырёх следовавших один за другим уроков он наконец выбрался из воды на берег, у него зуб на зуб не попадал, хотя стояла страшная жара.

— А, что скажете? Отличный спортсмен мой Фред! — гордо заявил господин Юло. — Вы могли бы дать ему ещё немного побарахтаться, за него нечего бояться, он само здоровье!

— Неужели?... С вашего разрешения, пойду оденусь,— сказал папа.

После обеда он поделился своими впечатлениями с мамой. Ангелочки испортили ему всё купание; на месте господина Юло он бы вразумил их двумя-тремя хорошими затрещинами, но отец на всё смотрит их глазами... Мама не согласилась с ним, она находила, что ребятишки очаровательны, пожалуй, чуточку шумливы, но такие непосредственные! Зато жеманная госпожа Юло с её мигренями ей совсем не нравилась; вот мадемуазель Мерль, та ей больше по душе — милейший человек, сразу видно. А как она расхваливала, как расхваливала её Поля!..

— Куда мы пойдём после обеда? — поинтересовалась мама.

Все отправились ловить крабов, и на этот раз Поль снова удивил папу своей ловкостью. Он шарил под камнями, точно с самого рождения только этим и занимался. Достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что в его жилах течёт дъепская кровь. Мама вздыхала. Её Поль изменился; он всё такой же милый и нежный, но уже не так нуждается в ней, теперь он при трудных переходах брал её за руку со словами: «Не бойся, мама». Случалось, что Поль надолго умолкал, причём вид у него был такой, словно он грезил наяву. Вот, например, за завтраком: замер вдруг с вилкой в руках, не донеся её до рта, и так просидел больше минуты; когда же она спросила, о чём он задумался, мальчик вздрогнул, словно застигнутый на месте преступления, и ответил: «Ни о чём». Такова жизнь. Дети растут, а ты этого не замечаешь, и вдруг в один прекрасный день у них появляются свои тайны. Но Поль чувствует себя хорошо, это главное, и мама снова с восторгом смотрела на загорелое тело своего сыночка.

Солнце садилось, пляж пустел; вялые, изнемогающие от жары курортники медленно поднимались на набереж-

ную. Море превратилось в узкую, оттенённую синевой полосу, где замешкались ещё несколько одиноких лодок. Ангелочки еле волочили ноги, Рири, цепляясь за отца, просился на руки. Да, действительно, давно пора домой. Мужчины доставили госпожу Товель с тремя малышами на улицу Аиста и пошли выпить чего-нибудь прохладительного в кафе «Солёный источник». Какое наслаждение сидеть в холодке перед бокалом, запотевшим от льда! Ловля крабов доставила ему большое удовольствие, заявил господин Юло, но когда всю неделю гнёшь спину за письменным столом, то усталость быстро «даёт себя чувствовать».

И он заговорил о той счастливой поре, когда ему можно будет уйти в отставку. О чём он действительно мечтал, так это о домике с садом где-нибудь в тихом уголке; садоводство — его страсть, он купил уже много книг по этому вопросу. Прививать черенками и глазком, подрезать растения — вот настоящий отдых от вечной писанины.

— А вы другого мнения, господин Товель?

— Э, — произнёс папа, — земля, знаете ли, меня не прельщает... Мне бы домик где-нибудь на побережье и море, чтобы можно было удить рыбу.

— С лодки, папа? — воскликнул Поль.

— Ну нет, зайчик, только не с лодки! Нет, на воде мои дела плохи... Знаете, когда я был мальчишкой, у моего старика дяди был парусник, назывался он «Полярная звезда» — теперь вам ясно, откуда название ресторана моего брата... Короче, старый Арсен постоянно твердил мне: «Пошли-ка ловить макрель, Жежен. Такой крепыш, как ты, просто создан быть матросом!» Да, хорош матрос! Не успело это чёртово судно покинуть гавань, как я уже забился в трюм чуть живой... Нет, что мне нужно, так это добрую рыболовную снасть; по крайней мере, спокойный вид спорта.

— И вы обосновались бы здесь, в Дьепе? — спросил господин Юло.

— Здесь? Но это невозможно из-за семейных распрей... я вам рассказывал... хотя мне бы очень хотелось. Ах, эта сумасшедшая Мальвина... Воображаю, что у неё за таверна!.. А где она, в самом деле, ютится? Ваша хозяйка говорила мне, но названия...

— На улице Вёле, — вырвалось у Поля.

— У тебя хорошая память! Ничего удивительного в твоём возрасте, зайчик... Улица Вёле — самый грязный закоулок порта! Ох, как подумаю...

— Пожалуй, нам пора ужинать, — вынимая часы, заметил господин Юло.

Хватит с него на сегодня разговоров о ссоре.

ХІІІ

Поль свернул на улицу Вёле. Приходилось торопиться, сегодня утром, едва он заикнулся о «прогулке», как папа удивлённо поднял брови. «Опять? — спросил он. — Ха, это уже вошло у тебя в привычку, мальчик! Ты, наверное, что-то замышляешь?» Поль поспешно улизнул, пообещав вовремя прийти на пляж.

— Николя! — позвал он, не дойдя ещё до таверны.

— У них никого нет! — крикнула ему с порога своей лавки булочница. — Госпожа Бланпэн отправилась в пещеру Полет, а Ник понёс папаше Луи сеть на улицу Ирландэ, и уже давно.

Улица Ирландэ выходила к Аркам, но Полю не пришлось идти так далеко. Возле железного моста он встретил своего двоюродного брата, который возвращался домой.

— Удачное дельце, — весело объявил Ник, — папаша

Луи заплатил мне за сеть двести франков! Это выгоднее, чем собирать ракушки.

— Да, — отозвался Поль, — но ты ведь хорошо починил её! Ну как, обдумал?

— Твоё дело? Да... то есть... Знаешь, со вчерашнего дня тут такое приключилось... Пойдём со мной, я тебе расскажу.

Пока они шли вдоль угольного пирса, он объяснил, что у Маринетты всё идёт из рук вон плохо. Накануне вечером, перед самым ужином, она пришла в таверну и, плача в три ручья, сказала, что у неё заболела мать, что она не знает, как с ней быть. Тётя Мальвина пошла в пещеру, где Шукетта дрожала от озноба на своём голом матраце. У неё, по-видимому, ангина, но она упрямо отказывается от врача из страха, что её заберут в больницу, и всё твердит: «Как попаду я туда, так больше не вернусь».

— Сегодня утром мама снова отправилась к ней, — добавил Ник, — она пришлёт Маринетту к нам обедать; за эти два дня она почти ничего не ела, бедняжка, только плачет всё время. Что ты хочешь — девчонка!

— Ужасно! — сказал Поль. — У меня тоже была ангина этой зимой, я совсем не мог глотать, мама смазывала мне горло и давала сосать таблетки, вкусные, как настоящие конфеты... Но скажи, — с тревогой вернулся он к своему вопросу, — ты обдумал, да?

— Вот пристал! — воскликнул Ник. — Сказано тебе — да! Ну, входи! — добавил он, толкая дверь.

Поль собрался было последовать за ним, но тут за спиной у него раздался голос, который как громом поразило его. Голос отца.

— Хотел бы я знать, что ты здесь делаешь?

Поля словно пригвоздили к месту, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой; дом, улица — всё поплыло у него перед глазами.

— Ну, отвечай! — настаивал папа. — Что это за мальчик?

— Это... это... — лепетал Поль.

А Никола, остоленев точно от неожиданного взрыва, в нерешительности стоял на пороге, не зная, войти ему в таверну или, наоборот, выйти.

— Да заговоришь ли ты наконец?

Поль проглотил слюну, губы его так дрожали, что он с трудом мог выговорить:

— Это... это мальчик, который вытащил меня из воды.

О, чудо! Папа больше не сердился, теперь папа улыбался! Он бросился к Никола, схватил его за руки.

— Так вот кто ты, славный маленький храбрец! — воскликнул он. — И этот дурачок ничего мне не сказал! Почему же старая дева утверждала, будто ты исчез, не назвав себя? Впрочем, мы выясним всё потом, и ты увидишь, что имеешь дело с людьми благодарными.

— Но мне ничего не надо! — возразил Никола.

— Ладно, ладно, мы ещё вернёмся к этому вопросу... А для начала, как тебя зовут?

— Никола Товель, мсьё! — твёрдо ответил Ник, глядя ему прямо в глаза.

Папа отпрянул, словно кто-то собирался его ударить.

— Что? Что? — пробормотал он. — Товель?

Кровь бросилась ему в лицо; лоб, шея побагровели. Он отступил ещё на шаг, поднял голову, прочитал вывеску.

— Иди сюда, ты! — прорычал он.

И, схватив Поля, он потащил его по улице Вёле, по набережной, по Большой улице с такой быстротой, с какой бедному малышу ещё никогда не доводилось бегать. Люди по дороге останавливались, глядя им вслед, но господину Товелю было не до них.

— Вот так так! — повторял он, устремляясь вперёд огромными шагами.

А какая страшная буря разразилась дома! Папа кричал, бушевал, Поль, закрыв лицо руками, старался увернуться от пощёчин, а мама бегала от одного к другому и умоляла папу пощадить её сокровище.

— Он ведь не нарочно, — твердила она.

— «Не нарочно», когда я нахожу его возле таверны в обществе двоюродного брата? «Я прогуляюсь, папа...» Ах, негодяй, так вот что он все эти дни замышлял по утрам! Нет, не знаю, какая сила меня удерживает... Но ссора, несчастная ссора! Ты отдаёшь себе отчёт в том, что ты предал семью?

— Д... да, папа, — пробормотал Поль, сотрясаясь от рыданий.

Папа рванул воротничок рубашки. Он задыхался.

— Ну и денёк! — вздохнул он. — Да, запомню я её, эту поездку в Дьепп!

— Но скажи наконец, Эжен, — спросила мама со слезами в голосе, — что тебе самому понадобилось на этой улице Вёле?

Папа вдруг смутился... или это только так показалось?

— Пошёл прогуляться! — ответил он наконец. — Захотелось подышать свежим воздухом. Это моё право, надеюсь?

— Да, конечно, — ответила мама.

И Поль увидел, как промелькнула тень улыбки на её губах. Прогуляться? Они решительно злоупотребляют «прогулками» на улицу Вёле! А не встретить папаша сына у двери, что бы он сделал? Зашёл бы к тёте Мальвине? И тогда это тоже называлось бы прогулкой?

Но папа вновь овладел собой и с места в карьер заявил, что сегодня же вечером заберёт своего «разбойника-сына» в Париж. Кончены каникулы, раз подобного негодяя нельзя ни на час оставить без присмотра, чтобы он тут же не натворил каких-нибудь глупостей. «Я заставлю тебя повиноваться, и беспрекословно, даю тебе слово!» — сказал он в заключение. Поль рыдал, умолял, бросался в объятия мамы. Нет, только не в Париж, только не в Париж! Он обещал хорошо вести себя, не ходить больше в маленькую таверну, лишь бы его оставили в Дьеппе! Мама присоединилась к его мольбам, супруги же Юло — они оказались невольными свидетелями этой семейной сцены и чувствовали себя очень неловко, — напустив на себя соответствующий обстоятельствам вид, о чём-то вполголоса совещались. Госпожа Юло отрицательно качала головой,

а муж её повторял: «Именно так! Именно так!» Внезапно он сделал несколько шагов в сторону папы.

— Послушайте, мсьё, будьте благоразумны, — сказал он ему своим низким голосом, — дело не в «каникулах», а в здоровье. Что делать Полю в такую жару в Париже? Оставьте его на моё попечение, я берусь присмотреть за ним эти две недели, пока пробуду здесь, а там увидим.

Вмешательство такого важного лица смутило папу. Застёгивая воротничок рубашки, он бормотал извинения: в гневе, знаете, позволяешь себе иногда лишнее... Но раз господин Юло так добр, что готов оставить у себя этого сорванца, всё меняется, остаётся только послушаться доброго совета. Поль чуть улыбнулся сквозь слёзы, и мама, обрадованная его улыбкой, поспешила поблагодарить хозяйку дома.

— Я тут ни при чём, поверьте, — ответила госпожа Юло своим кисло-сладким тоном, — лично я считаю, что ваш муж был совершенно прав.

Мама отошла от неё несколько озадаченная и снова принялась утешать Поля: ей было больно смотреть на его распухшее лицо. Чего ему теперь плакать, когда всё хорошо кончилось и он остаётся в Дьеппе? Но вот, сгибаясь под тяжестью продуктов, с рынка возвратилась мадемуазель Мерль. Она негодовала: подумать только, до чего вздороджала морковь! Ей и в голову не приходило, какая драма разыгралась здесь в её отсутствие; с приходом доброй мадемуазель атмосфера окончательно разрядилась, и мужчины с детьми отправились на пляж. Но на этот раз не было никаких уроков: папа решительно не замечал Поля; он предоставил ему барахтаться в одиночестве, сосредоточив все свои заботы на ангелочках, которых учил плавать на спине, к великому удовольствию господина Юло, наблюдавшего за ними с берега. Поль и не думал сетовать; он счёл благоразумным избегать отца и весь оста-

ток дня провёл возле матери, осыпавшей его ласками: наконец-то она вновь обрела его! Прощаясь с ним на перроне, она поцеловала его нежнее, чем когда-либо.

— Главное, будь умницей, — прошептала она ему на ухо, — и слушайся господина Юло.

Пообещав ей это, Поль тоже несколько раз поцеловал её. Мамочка, дорогая, как она хорошо его понимает, как хорошо ему с ней! И тем не менее он с облегчением вздохнул, когда по свистку начальника вокзала поезд тронулся. До самой последней минуты он боялся, что отец всё-таки заберёт его с собой.

XIV

Господин Юло был человеком слова. Он обещал господину Товелю надзирать за его сыном и проявлял задатки превосходного тюремщика. Стоило Полю шагнуть за порог маленькой гостиной, как из любого угла квартиры раздавался бас: «Вы куда, молодой человек?» Бедный пленник, вынужденный по утрам изнывать от скуки на своём диване! Он вызывался пойти за покупками — нет, не нужно, это возьмёт на себя мадемуазель Мерль, он предлагал сходить за молоком в молочную йапротив — это сделает прислуга. Но вот если бы Поль занялся ангелочками? И тут Тото, Фред и Рири врывались в его убежище, расшвыривали его книги или требовали, чтобы он рассказал им сказку о «штопоре». А после обеда, ровно в два часа, минута в минуту, господин Юло вёл всех четверых на пляж.

— Идите поиграйте, детки, — говорил он, раскладывая своё кресло, — но главное — не уходите далеко.

Поль, ссылаясь на усталость, пытался уклониться от игр.

— Устали? Да ведь вы великолепно выглядите! Слы-

шите, как настойчиво малыши зовут! Поль! Постройте им красивый замок из песка, это приведёт вас в равновесие.

Поль возводил замок, а сердце его разрывалось от горя. Прошлую субботу в этот час он находился в маленьком дворике, смотрел, как Николя чинит сеть папаши Луи, слушал рассказ дядюшки Арсена о рыбной ловле в открытом море возле Фекам. Неужели он никогда больше не увидит их? Каждый раз, когда он произносил «никогда», ему казалось, что сердце его останавливается, и в порыве возмущения он поднимал руку, словно собирался бросить в небо свою лопатку и удрать в маленькую таверну. Но рука тут же опускалась. К чему? Господин Юло немедленно догонит его. Кроме того, он дал слово... И Поль погружался в думы, стараясь отгадать, что в эту минуту происходит в «Звезде», сколько посетителей собралось за длинным столом, поставил ли наконец старый дядюшка контр-бизань и как обстоят дела у бедняжки Маринетты. Но ангелочки носились вокруг него; Фред считал сооружение недостаточно высоким, Тото требовал построить туннель, а Рири, как только братья отвернулись, разрушил замок до основания. Крик, спор, но всё покрыл бас: «Ты кончил, Рири? Ну что ж, молодой человек, придётся вам начинать сначала!» Поль угрюмо повиновался. Какая ему разница, рыть ли яму, строить ли укрепления? Ему теперь всё стало безразлично, он словно оцепенел и жил только мечтами о потерянном рае.

У Поля оставалась одна надежда: не может быть, чтобы Ника не беспокоило его исчезновение; в один прекрасный день он непременно придёт на пляж разузнать о нём. Каждый раз, когда на набережной появлялся какой-нибудь мальчик, у Поля начинало колотиться сердце. Но это оказывался то маленький блондин, то высокий брюнет, и ни одного огненно-рыжего. Неужели Николя забыл о нём?

В следующий четверг, в час полдника, Поль, хмурый и надутый, сидел возле палатки, рассеянно глядя в сторону города. Гранд Отель с его террасой, две башни церкви Святого Жака, неясные очертания крыш, заслонявших от него единственную, нужную ему, — скучное зрелище! Грустно жевал он свой бутерброд, прислушиваясь одним ухом к истории, которую господин Юло рассказывал ангелочкам. Все повести этого важного господина были в высшей степени нравоучительными и неизбежно заканчивались наказанием гадких детей. В данном случае речь шла об очень плохой девочке, которая ослушалась свою маму.

— Ей было запрещено ходить босиком, — изрекал господин Юло. — А что сделала она? Пошла на большое клеверное поле, осмотрелась и, увидев, что вокруг никого нет, сняла сандалии и поставила их на большой камень. Потом исходила всё поле вдоль и поперёк: клевер под босыми ногами был таким нежным, прохладным. По другую сторону поля оказался ручей. И вот весело плёпает она по проточной воде, наблюдая за рыбками, словом, наслаждается вволю. Но спустя некоторое время девочка заметила, что солнце садится, и решила повернуть домой. Дошла до поля и не поверила своим глазам: пока она гуляла, поле скосили! Вместо мягкого, шелковистого клевера — одни колючки! Что ни шаг, — на ногах у неё проступает кровь, они распухли так, что она не может надеть сандалии. Тут она поняла — но слишком поздно, — что непослушание всегда бывает наказано. Ну, что вы думаете об этой скверной девочке? — этим вопросом заключил свой рассказ господин Юло, по-видимому считая его очень удачным.

Последовала пауза. Дети в ужасе смотрели друг на дружку. Фред проглотил последний кусок бутерброда.

— А много крови было у неё на ногах? — спросил он.

— Дело не в том, — терпеливо пояснил господин

Юло, — ребёнок ослушался, вот главное. Если, например, Тото...

Поль внезапно выпрямился. За соседней палаткой возник чей-то тонкий силуэт, сверкнули на солнце волосы. Николя, наконец-то! Как сбежать? Как подойти к нему? Господин Юло только начал новую историю о том, как дурной мальчик пошёл кататься на коньках, несмотря на запрещение мамы. Удостоверившись, что он поглощён своим рассказом, Поль незаметно переместился вправо, чтобы оказаться вне поля зрения господина Юло. До него долетали обрывки фраз: «Он скользил... Послышался страшный треск...» Тут Поль бросился бежать и в несколько скачков очутился у палатки, где его ждал Николя.

— Какое счастье! — прошептал он. — Значит, ты ещё не забыл меня?

— Не будем терять время, — торопливо проговорил Ник. — Что произошло? Объясни мне всё быстренько!

Поль вкратце передал ему, какая произошла сцена в прошлый понедельник, и сказал об обещании, которое вынужден был дать, чтобы остаться в Дьепе.

— Если бы ты знал, какой я несчастный! — печально добавил он. — Господин Юло ни на шаг не отпускает меня, и мне так скучно, так скучно!

— Нытьём делу не поможешь, — заметил Николя, энергично почёсывая голову. — Слушай лучше, что я тебе скажу. Ты обещал не ходить больше в «Звезду», ну что ж, понятно — дал слово, держи! А вот насчёт встреч со мной ты не давал никаких обещаний?

— Нет, я не... — начал было Поль, и внезапно лицо его прояснилось. — Ты хочешь сказать, что снова придёшь? Правда? Да?

— А почему бы нет? Я тоже соскучился по тебе, и ты достаточно побегал, теперь мой черёд! Завтра в четыре часа я буду здесь, но не тут, за палаткой, нет, а вон

там, у набережной, в том закоулке. — Он указал где. — Тебе это удобно? — спросил он. — Как ты думаешь, сумеешь улизнуть?

— Я найду способ, — прошептал Поль, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься ему на шею. — Спасибо, спасибо! Как ты меня подбодрил!.. Папа тогда страшно рассердился, знаешь...

— Да, он, кажется, у тебя довольно раздражительный, — поддакнул Ник. — Но ты сам виноват — чего-то боишься его!

И он рассказал последние новости. Шукетта всё ещё больна и не хочет лечиться; тётя Мальвина ежедневно навещает её, поэтому у него работы по горло: таверна, посетители и всё прочее, а тут ещё Иветта упала и разбила себе колено; рана, неизвестно почему, воспалилась, и приходится класть компрессы. Словом, всё из рук вон плохо, а с дядей Арсеном сладу нет, брюзжит и всячески выражает своё недовольство: он не привык так жить.

— Ну, а теперь я ухожу, — закончил Николя. — Завтра в четыре рассчитывай на меня.

Поль поспешил к своей палатке. Несколько ребятишек присоединились к ангелочкам, и господин Юло — он, несомненно, был в ударе — начал третью историю. Никто не заметил отсутствия Поля, никто не обратил внимания на его приход, и он снова занял своё место на гальке. Поль на миг замер, словно боялся неосторожным движением расплескать своё счастье. В ушах у него ещё звучал голос двоюродного брата, и он про себя повторял его слова. Обе башни церкви Святого Жака, ещё недавно такие мрачные, теперь вырисовывались в синем небе светлые и ликующие; море, палимое солнцем, плывущая мимо лодка — всё радовало его сердце.

Наступил вечер, потом ночь и снова день. Чем дальше, тем медленнее текло время. Поль поминутно бежал от

одних часов к другим в полной уверенности, что все они отстают. Когда на церковной колокольне пробило наконец четыре удара, он сидел с ангелочками на берегу. Ни рассказов, ни полдника. Господин Юло, углубившись в газету, казалось, забыл о бутербродах. Но теперь Поль ничего не боялся. Он отбросил лопатку и держался настороже, не спуская глаз с того закоулка у набережной, где должен был появиться Николя. Как только мелькнёт его рыжая шевелюра, он со всех ног бросится к нему, не думая о последствиях.

— Я есть хочу, — потянув его за рукав, сказал Тото.

Поль резко оттолкнул его, Тото поднял рёв. Господин Юло наверху отложил газету.

— Э, двадцать минут пятого! — крикнул он. — Идите есть.

Двадцать минут пятого, а Николя нет! Печально поднялся Поль по кремнистому склону. Он отложил бутерброд, не дотронувшись до него, а когда господин Юло хотел снова отослать его на пляж, он упрямо покачал головой.

— Ну и характер! — воскликнул господин Юло. — Что ж, дитя моё, изнывайте от скуки сколько хотите, если вам это больше по вкусу.

Поль до самого вечера просидел у палатки. Николя сказал: «Рассчитывай на меня». Раз он не сдержал обещания, значит, ему что-то помешало, и, конечно, что-то важное. Болезнь Шукетты? Рана Иветты? Поль строил одно предположение за другим, но не смел ни на одном остановиться. Время от времени он смотрел на лесенку набережной, на окаймлявшие её дома, последние в этой веренице — отсюда их не видать — примыкали к улице Вёле. Находиться совсем рядом с маленькой таверной и не иметь возможности побегать туда! Пройдут целые сутки вынужденного ожидания, пока он узнает, в чём дело.

Увы, сутки прошли, а Николя не появился; так было в течение всей недели. К следующему четвергу нервы Поля напряглись до предела, он представлял себе всё самое невообразимое: умерла мать Маринетты, Иветте пришлось отнять ногу, а может быть, Николя утонул, да, наверное, утонул, собирая ракушки или охотясь за креветками. Злой, рассеянный, насторожённый, бродил он по квартире, не находя себе места, а после обеда упрямо лежал возле палатки, отказываясь от бутербродов, отказываясь от игр, отказываясь от всего. Госпожа Юло торжествовала. Что, разве она не предвидела это? Такого несносного мальчика ещё поискать! Пусть бы отец отвёз его в Париж, как он и намеревался сделать.

— Но ты никогда не слушаешь меня, — пилила она мужа. — Теперь видишь, к чему это приводит! Предупреждаю тебя, если так будет продолжаться и впредь, я напишу Товелям!

— Право, я думаю, что этим и кончится, — признался господин Юло, — он начинает выводить меня из терпения своими капризами, этот Поль. А его привычка копать в тарелке и ничего не есть... Счастье, что наши ангелочки не похожи на него!

— Наши ангелочки! И придёт же такое в голову! Сравнить наших ангелочков с этим мальчишкой!.. Но когда же ты, в самом деле, отправишься на пляж? Уже два часа.

Но господин Юло решительно заявил, что так как сейчас слишком жарко, то лучше всего подождать, пока солнце сядет, а до тех пор немножко вздремнуть.

— В таком случае я уложу детей, — сказала жена, — и сама чуточку полежу... Моя мигрень...

Из маленькой гостиной, где он укрылся, Поль слышал, как упирались ангелочки, которых отводили в детскую. «Все спят, кроме вас», — гудел бас. Все спят... А если

осмелиться? Он приложил-
ся ухом к стене, прислу-
шался. Ни малейшего шу-
ма, даже радио замолчало.

— Будь что будет, пой-
ду! — прошептал Польш.

Тихонько приоткрыв
дверь, он ступенька за сту-
пенькой спустился по ле-
стнице, миновал перед-
нюю.

Едва он очутился на
улице, как бросился бе-
жать. Внезапное решение
воодушевило его и заглу-
шило голос совести; обе-
щания, угрозы — всё ото-
шло куда-то далеко. Он

снова увидит «Звезду», узнает наконец, почему Никола
пропал на целую неделю. На углу улицы Вёле ему при-
шлось остановиться, чтобы унять сердцебиение. Вывеска,
милая вывеска, коричневая дверь... Он трижды легонько
постучал в стекло.

— Кто там ещё? — раздался изнутри сердитый голос
папаши Арсена.

— Это я, — сказал Польш входя.

Глазам его представилось такое зрелище, что он остол-
бенел. Дядюшка Арсен, старый морской волк, капитан
большого парусника, давал Лулу рожок, примостившись на
краешке скамьи у стола. Тщетно старался он сунуть соску
в ротик ребёнку, которого держал на руках. При каждой
новой попытке Лулу весь напрягался и, сжав губы,
отпихивал рожок обеими ручонками. Он даже покраснел от
раздражения, а дядя, казалось, злился не меньше его.

— Вот кстати тебя занесло! — проворчал старик. — Полюбуйся, на что я похож! Моё ли это дело нянчиться с младенцем? Но Мальвине наплевать, со мной никто не считается, все меня бросили, обо мне думают не больше, чем о ржавом гвозде.

И он продолжал сетовать. За последнюю неделю Мальвина занимается хозяйством спустя рукава; картошка и капуста почти несъедобны, ну, а в комнате такое запустение, что её не узнать. Сегодня утром он потратил больше часа на поиски молотка, а тот в конце концов отыскался под креслом. Ему остаётся только умереть, это ясно. Все вздохнут с облегчением, когда его не станет.

— Но где же госпожа Бланпэн? — спросил Поль, воспользовавшись паузой: старик переводил дыхание.

— Как — где? В больнице.

— Да нет, то мать Маринетты...

— Она тоже в больнице, точно, из-за своей ангины, которая, как говорят, оказалась дифтеритом. Нет худа без добра: конец хождениям в пещеру, и на том спасибо!

— «Тоже»... Почему вы сказали «тоже»? — с тревогой спросил Поль.

— Из-за Иветты, конечно! Иветта и Шукетта — двое, если ты умеешь считать.

Поминутно чертыхаясь, старик объяснил, что нога у Иветты стала вдруг раздуваться и в прошлую пятницу девочку пришлось отвезти в больницу, где её лечат этим чёртовым снадобьем, каким-то там «пенициллином», пустая выдумка врачей, доложу вам. Словно добрая припарка не сделала бы своего дела! Ну, а Николя, этому бездельнику, понадобилось именно сейчас отправиться с папашей Луи качаться на волнах: многодневный лов рыбы; где-то за Этрета появился косяк сельди. Просто позор бросить старика дядю с этим Лулу, который...

Тут Лулу, услышав своё имя, пронзительно завопил и

стал изо всех сил отбиваться от этих старых мозолистых рук, которые неловко сжимали его...

— Эй ты, окаянный юнга, тихо на палубе! — прогремел папаша Арсен. — Ну, хватит с меня, забирай рожок и выкручивайся с этим крикуном сам, как знаешь, — заявил он Полю, — а я возвращаюсь к своему паруснику. Что за жизнь, что за жизнь, разрази её гром! Все меня покинули! Ну, до скорого!

И, усадив на каменный пол посиневшего от крика Лулу, он исчез в комнате с сетями.

— Но я не умею! — возразил Поль. — Господин Арсен! Лулу, да ну же, Лулу!

Он понимал, как смешно выглядит, стоя с рожком в руках перед этим толстым младенцем, который копошился у его ног. Как быть? Наконец он решился поставить рожок на стол и взять Лулу на руки. Но малыш, увидев вблизи чужое лицо, вытаращил глаза, открыл рот, ставший совсем квадратным, и закатился протяжным криком.

— Ну, ну, успокойся, — твердил Поль, — успокойся, я напою тебя молоком. Ведь мне некогда!

Но, чем больше он говорил, тем сильнее извивался Лулу. Полю стоило больших усилий удерживать малыша, чтобы он не выскользнул у него из рук и не упал на пол. Поль кружил с ним по комнате, не зная, где остановиться. Но очень утомительно кружить так по комнате, да и младенец весил немало! Наконец он посадил его на прилавок. Ух! Как легко! Лулу — о чудо! — сразу же успокоился и с радостным лопотанием потянулся ручонками к стопке блюдец.

— Не двигайся, — приказал ему Поль, — я пойду за твоим рожком.

Он оставил малыша и побежал к столу... Слабый крик заставил его обернуться. Что такое? Что случилось? Лулу

упал с прилавка! Лулу валялся ничком на каменных плитах пола! Лулу не двигался!

— О боже мой! — едва выговорил Поль. — Боже мой! Лулу!

Поль подошёл неверными шагами, и у него дух захватило от того, что он увидел: кровь, на полу, возле головки мальчика, — кровь! Ребёнок ранен, а может быть, и того хуже, и всё из-за него, по его вине! Поль обвёл комнату блуждающим взглядом, он почти терял сознание, и вдруг в каком-то безотчётном порыве бросился на улицу, не подумав даже предупредить дядюшку Арсена.

XV

Поль примчался на улицу Аиста, заливаясь горькими слезами.

— Откройте! Откройте! — кричал он, громко барабанив в дверь.

Обезумев от ужаса, он забыл, что ушёл из дому тайком, и думал лишь об одном: найти кого-нибудь, кто бы помог ему. Спустя несколько минут, показавшихся ему вечностью, появилась мадемуазель Мерль.

— Малыш? Куда же вы запропалились? — прошептала она. — Господин Юло рвёт и мечет, он перевернул вверх дном всю квартиру, перед тем как отправился на пляж. Как вы посмели послушаться его? А я-то думала, Поль не такой... Но не отчаивайтесь, — продолжала добрая мадемуазель, обезоруженная жалким видом своего протеже, — я сумею защитить вас, пошли!

— Я не из-за... не из-за того... в отчаянии, — заикаясь, пролепетал Поль; он еле говорил. — О мадемуазель, мадемуазель, маленький Лулу... Пойдёмте скорее... туда...

— О каком Лулу вы говорите? — испуганно взгляды-

ваясь в него, спросила мадемуазель Мерль. — Боже мой, всё это от солнца, вы выпли с непокрытой головой, и вот... Куда это «туда»?

— В «Полярную звезду»! — сдавленным голосом ответил он. — Скорее идёте, Лулу упал по моей вине, он весь в крови, я видел...

Отчаянно цепляясь за мадемуазель Мерль, Поль тащил её к двери, которую они оставили открытой, но в ту минуту, когда он уже собирался переступить порог, из гостиной выскочила госпожа Юло; вид у неё был непреклонный, ноздри трепетали от сдерживаемого гнева.

— Ах так, в «Полярную звезду»? — взвизгнула она. — Вот вы куда улизнули, несмотря на запрещение отца! Ах, негодный! Но всему есть предел... Вон отсюда в Париж! Мы сейчас же посадим вас на поезд! Бегу телеграфировать вашим родителям!

Она могла бы ещё долго продолжать в том же духе, Поль всё равно не слушал её, он думал только о Лулу, распростёртом на полу в пустой таверне.

— Идёмте, идёмте скорее! — повторял он, топчась на одном месте. — Лулу...

— Оставьте меня в покое с вашим Лулу! — крикнула госпожа Юло. — Извольте немедленно подняться в вашу комнату и будьте уверены, я-то запру вас там крепко-накрепко.

Она хотела схватить его за руку, но, прежде чем дотронулась до него, Поль отскочил назад. В нём поднялась волна возмущения против этой госпожи Юло, которая отказывала ему в помощи. Он искал, что бы такое сказать ей в отместку.

— Раз так, я пойду к Марианне, она добрее вас! — бросил он с порога, крича и плача одновременно.

Госпожа Юло бросилась на него с кулаками; она выталкивала его за дверь.

— Да это заговор! — прошипела она, как осипший свисток. — Что ж, раз так, бегите к своей Марианне и больше не возвращайтесь. Вон отсюда! Убирайтесь вон! Вон!

— Дитя моё... мадам, дорогая... успокойтесь! — вмешалась мадемуазель Мерль. — Успокойтесь оба, умоляю вас!

Но Поль был уже на улице. Он слышал, как захлопнулась за ним дверь, с грохотом, заглушившим последний зов бедной мадемуазель. «Ах, злая женщина, — задыхаясь, повторял он. — Конечно, я пойду туда, к Марианне, я сейчас же пойду туда; кто-кто, а Марианна выручит меня!» Ему и в голову не приходило, что всё это напрасно потраченное время Лулу оставался в таверне один, без всякой помощи. Поль думал только, как бы найти покровителя, который избавил бы его от всех хлопот. Только в Марианне его спасение.

Поль примчался на площадь, когда автобус уже уходил. Он вскочил на подножку и, обессиленный, рухнул на скамейку. Кое-кто из пассажиров с любопытством посмотрел на него, и, прячась от любопытных взглядов, он прижался лицом к стеклу. Невидящими глазами смотрел он на яблоневые сады, обнесённые живой изгородью, на убегающие назад виллы. Как ползёт этот автобус! Быстрей! Быстрей! Неужели шофёр не знает, что ему дорога каждая минута?.. Увиль, наконец-то! Поль бросился к выходу, но тут его окликнул кондуктор:

— Выходим, не заплатив, молодой человек!

— О, извините!

Он принялся лихорадочно шарить по карманам. В прошлый понедельник, после утренней сцены, он не посмел просить у папы денег. Только бы хватило! Да, у него осталось около трёхсот франков. Он сунул одну бумажку в руку шофёру и прыгнул с автобуса, не дожидаясь сдачи.

Ему повезло. Не успел он пробежать и половины маленькой, накалённой солнцем площади, как увидел Марианну. Она выходила из бакалейного магазина. Поль громко окликнул её.

— Вот так сюрприз! — обернувшись, сказала девушка. — А я как раз в эту минуту думала о вас!.. Но что случилось? — спросила она. — Вы выглядите так, словно... Вас послала госпожа Юло?

— Нет, нет, — пролепетал Поль, — вовсе не она. Всё из-за Лулу, Лулу из маленькой таверны... Мне... мне кажется, я его убил!

С этими словами он бросился к Марианне, уткнулся лицом в её плечо, как он это обычно делал с мамой, и судорожно разрыдался.

— Да что с вами? Вам ведь всё-таки не четыре года, — довольно резко одёрнула его Марианна. — А ну-ка, вытрите глаза, высморкайтесь... Ну, готово? А теперь пошли к нам.

При виде столовой, где он две недели назад так весело обедал, Поль чуточку успокоился и был в силах наконец прерывающимся голосом рассказать об ужасной драме, разыгравшейся в «Полярной звезде». Когда Марианна поняла, что он бросил малыша на каменном полу и помчался в Увиль, она, глубоко поражённая, уставилась на него:

— И вы убежали, даже не позвав какую-нибудь соседку или того старика, о котором говорили?

— Но я хотел спасти Лулу!

— Спасти Лулу? Да с таким спасителем, как вы, он может десять раз умереть, бедный Лулу!

— Умереть... — повторил Поль, до которого из всего сказанного дошло только это слово. — Значит, и вы тоже считаете, что он... что он умер, да?

— Та-та-та! — произнесла Марианна. — Бросьте ваши глупости, никто ещё не умирал от того, что свалился с прилавка. Он, по всей вероятности, расквасил себе нос о каменный пол, ваш Лулу, вот откуда кровь. Во всяком случае, увидим на месте.

— О, вы поедете туда?

— Конечно, поеду. Подождите меня минуточку.

Когда Марианна за что-нибудь бралась, дело шло без проволочек. В один миг появился срочно вызванный Бернар, он вывел свою маленькую машину, и они уже вихрем мчались к Дьепу. Всё пережитое совершенно вымотало Поля, но теперь он вздохнул с облегчением. Марианна сказала, что ушиб Лулу не опасен, Марианна займётся этим делом! Прижавшись к девушке, Поль голосом, ещё дрожащим от волнения, рассказывал о событиях этой недели. Когда он дошёл до ссоры с госпожой Юло, Марианна оборвала его.

— Хватит, — сказала она, — вы совсем заморочили мне голову своими происшествиями. К тому же мы подъезжаем.

Поль невольно вздрогнул. А вдруг Марианна ошиблась, вдруг... Но то, что он увидел, войдя в таверну, сразу же успокоило его. У прилавка стоял большой Мимиль и понюхивал сидр из кружки, а Лулу — ну да, Лулу, — раскинув ножки, открыв рот, спал в своей коляске. Через весь его нос тянулась огромная ссадина, но он был здесь, живёхонек, а это самое главное, и перепачканный больше обычного.

— Дамы и господа, в таверне никого. Если посетители хотят пропустить стаканчик, пусть обслуживают себя сами.

— Мы пришли только взглянуть на малютку Лулу, — объяснила Марианна, — мне сказали, что он упал.

— О да, мадемуазель, полетел, и здорово полетел! Не могу понять, как ему удалось так легко отделаться. Когда я пришёл — а я торчу здесь уже немало времени, — он сидел на полу и вопил, как сто чертей. Удар, должно быть, пришёлся по носу. Хорошо ли, плохо ли, я вымыл его и как умел сунул в коляску. Можете себе представить, он был один-одинёшенек, а из соседней комнаты этот старый брюзга папаша Арсен требовал свой кофе с молоком, проклиная всех на чём свет стоит! Нет, подумать только — его кофе с молоком! Обойдётся разок и без него!

— Я займусь этим, — сказала Марианна.

Она бросила на стол свою шляпу, повязала вокруг талии какую-то тряпку и с деловым видом прошла за прилавком.

— А вы, видать, мастерица на все руки! — заметил Мимиль, с восхищением следя за девушкой.

В этот момент послышались шаркающие шаги, и появился дядя; он горбился, опираясь на палку, брюзжал и откашливался.

— Сейчас здесь не обслуживают, — буркнул он, — приходите попозже. Поняли, разрази вас гром? Хозяйки нету!

— Где же кофе? — спросила Марианна.

Дядя словно прирос к земле. Не ослышался ли он?

— Чего вы здесь роетесь? Не ваше дело! — размахивая палкой, закричал он.

— Пожалуйста, — отозвалась Марианна, — мне, знаете ли, всё равно. Я для вас стараюсь: хотела приготовить вам кофе с молоком.

Неизвестно, что подействовало на старика, властные нотки в её голосе или предвкушение долгожданного полд-

ника, но только он опустил палку — надо признаться, очень неохотно — и ткнул ею по направлению к маленькому шкафчику.

— Там поищите, — процедил он сквозь зубы, а в глазах его вспыхнул жадный огонёк.

Пять минут спустя на спиртовке уже кипела вода, и Марианна каждому нашла дело. Большой Мимиль молот кофе, дядюшка Арсен наливал молоко в кастрюлю и доставал из шкафа стаканы, потому что кофе, естественно, варилось на всех. Бернару поручили обслужить двух только что вошедших посетителей, и он с шутовскими ужимками наливал им сидр, подражая повадкам заправского бармена. От всей этой суматохи Лулу проснулся, и Марианна решила промыть его ссадину. Что произошло между ними? Никто бы не мог этого сказать, только после нескольких поползновений к бунту малыши, словно по волшебству, смирились; из его рта, ещё минуту назад разинутого до ушей, почти квадратного, теперь полился смех, и он с радостным мурлыканьем схватил свой рожок — причину стольких драм.

— А я чем могу помочь? — спросил Поль, остававшийся всё это время в тени.

Марианна повернулась к нему.

— Как, вы здесь? — сказала она, ставя пустой рожок на прилавок. — Бегите быстрее на улицу Аиста, это будет лучше всего. Что, если господин Юло явится за вами сюда, представляете себе? Только этого не хватало!

— Вы так думаете?

— Да, я так думаю. Будьте умницей и послушайтесь моего совета. Ведь вы, надеюсь, теперь успокоились. Положитесь на меня, — с улыбкой добавила Марианна, — я не уйду из таверны, пока не вернётся госпожа Бланпэн, а завтра я непременно забегу на пляж повидаться с вами и рассказать, как обстоят дела. А сейчас марш домой!

Полю отнюдь не хотелось повиноваться, но видеть, как врывается разъярённый господин Юло, — нет, благодарю покорно, такая картина была бы не из приятных; он, попрощавшись со всеми, ушёл. За последние часы он столько пережил, что теперь машинально совершал свой обычный путь и в мыслях о Лулу, о Марианне не замечал улиц. Группа купальщиков, на которую он наткнулся, оглябая Аркады, вернула его к действительности. Поль резко остановился. Куда он идёт? Не на улицу же Аиста? Ведь госпожа Юло выгнала его. «Не возвращайтесь сюда!» — крикнула она и захлопнула дверь перед самым его носом. Поль невольно улыбнулся. Какое облегчение! Ни сцен, ни баса, ни ехидных намёков на маленькую таверну. Но что же ему делать в таком случае? Вернуться в «Звезду», рискуя встретиться там с господином Юло? Укрыться у Марианны, приказавшей уйти от неё? Положение, в какое он попал, совершенно озадачило мальчика; а между тем, сколько Поль ни думал, ему не в чем было упрекнуть себя. Конечно, он ослушался папу, но мог ли он поступить иначе, когда всю долгую неделю не имел никаких известий от брата? Будь здесь мама, она бы поняла его мучения и пожалела бедную, совершенно одинокую тётю, которой приходится бегать из одной больницы в другую. Ссора стала представляться Полю в ином свете, не как что-то неотвратимое, а как что-то преходящее, такое, с чем можно бороться... Привести папу к тётке Мальвине — прекрасная мечта! Ему приходили в голову слова, целые фразы, какие он никогда прежде не осмелился бы произнести даже мысленно, но в глубине души он прекрасно знал, что стоит ему завтра очутиться перед папой, и все эти прекрасные фразы сразу же упорхнут, а он будет думать только об одном: как избежать его гнева. Потому что папа, конечно, приедет с первым же поездом — ведь Юло телеграфировали ему. Чтобы не пасть духом, Поль старал-

ся забыть о том, что его ждёт, и, слоняясь по городу, инстинктивно выбирал самые тёмные улочки, на каждом повороте вглядываясь в прохожих. Он прошёл вдоль и поперёк весь старый порт, пересёк Полет, попутно посмотрел на пещеру Маринетты, пустую, с заваленным входом, словно уже не жилую. Потом, побродив около вокзала, свернул на пыльную тропинку, которая вывела его прямо в поле. Подъёмы, спуски, дачи, фермы... Он кружил по замкнутому кольцу, по три раза возвращался на одно и то же место и снова уходил куда глаза глядят.

Сумерки застали его на придорожной тумбе; он уже дошёл до половины косогора, на который взбирался кратчайшей дорогой, той, что вела к замку. У ног его протянулась Большая улица. Вот одна за другой освещаются её лавки. Огоньки домов, печальное безлюдье пляжа, покинутого купальщиками, тёмное море с его тревожным шумом, море, по которому через равные промежутки времени шарят собранные в пучок лучи вертящегося маяка. Ночь... «Как быть? — спросил он себя. — Не могу же я до утра оставаться на улице!» Он устал, ноги у него болели, его одолевал голод. Однако странная вещь — одиночество не тяготило его, наоборот: ему было радостно от прилива душевных сил, он начинал входить во вкус приключений и, несмотря на усталость, чувствовал себя хорошо, как никогда. Он подумал о Робинзоне. Разве не походил он сейчас на него? Да, но Робинзон имел пещеру, ему было где ночевать. Пещеру... Пещера Полет, пещера Маринетты, пещера Кра... Поль вскрикнул. Пещера Кра с её сводом, окрашенным в синий цвет, и маленьким убежищем слева, — как хорошо можно там выспаться на постели из водорослей! Вот где он укроется сегодня вечером. Кто станет искать его в тюленьем тайничке? Он вскочил на ноги и помчался вниз по склону. Сначала надо запастись чем-нибудь на ужин.

Захваченный своим планом, он, опустив голову, уже ступил на залитую огнями Большую улицу, но вовремя спохватился и благоразумно свернул в переулок с бедными лавчонками, где на оставшиеся деньги купил немного хлеба, швейцарского сыра, пачку сухого печенья и кусок абрикосового торта — всё, что он больше всего любил. А затем поспешил со своими припасами к скалистому берегу.

XVI

Солнце уже зашло, но день ещё не померк, небо всё золотилось, и Поль без всякого труда отыскал поросшую травой тропинку, которая тянулась вдоль хребта. Он хотел дойти по ней до расщелины, спускавшейся к самой пещере Кра, но ошибся и слишком рано вышел на берег; теперь ему оставалось только перепрыгивать с камня на камень, как во время прогулки с Клуэ. Начинался прилив, торопливо набегали мелкие волны; огни города, его шум, его голоса — всё исчезло, лишь мерцал одинокий, как первая звезда, красный огонёк замершего вдали корабля, лишь раздавался в тиши тонкий всплеск воды. Воздух посвежел, и, пока Поль добрался наконец до пещеры, он слегка продрог; поверх рубашки на нём был только присланный мамой джемпер с короткими рукавами, а полотняные штанишки тоже не очень-то грели; но это его меньше всего заботило. Состояние приподнятости всё усиливалось в нём, и в пещеру он вошёл гордой поступью победителя. У себя, он был у себя! Никаких: «Поль, где же вы?» Никаких: «Я здесь, мсьё». Его радовало сознание, что он осмелился на такую дерзость.

Поль счёл себя обязанным по-хозяйски осмотреть свои владения. Какие огромные валуны, таких больших на пляже нет! Как красиво выглядит эта груда сухих водорослей

в глубине пещеры! По правде говоря, и водоросли и валуны лишь смутно вырисовывались во всё сгущавшейся мгле, и Полю пришлось довольно долго на ощупь искать вход в маленькое убежище; он пожалел, что не купил спичек, и решил поскорее поесть, пока ещё не совсем стемнело. Столом ему послужил плоский камень, на нём он разложил свои продукты. С чего начать? В конце концов он стал есть всё вперемешку: кусочек сыру, кусочек торта, половинку печенья. Чем больше он ел, тем сильнее разыгрывался аппетит, и, когда на камне ничего не осталось, он печально вздохнул. «Надо было сберечь что-нибудь на утро, — подумал он. — Ну, ничего не поделаешь, пойду спать».

Постель из водорослей оказалась совсем не такой мягкой, как предполагал Поль; сухие былинки кололи ему ноги, а едва он прилёг, как по всему его телу запрыгали морские блохи. Он снова сел, поджав под себя ноги. Какая тишина! Какое одиночество! Редкий туман скрывал звёзды, и бледный серп луны слабо освещал скалы, окружавшие пещеру. А дальше простирался песчаный берег, непривычно пустынный, безлюдный, усеянный поблёскивающими лужицами; волны пожирали их одну за другой. Шлёп, шлёп, шлёп! — ложились на песок волны и продвигались вперёд, как слепые, медленно, но неуклонно. До какого уровня они поднимутся? По спине Поля пробежал холодок. Этот лёгкий, зловещий, неумолчный шум, отражаемый и усиливаемый сводами пещеры, вселял в него страх. Но он не хотел трустить, он хотел быть таким же храбрым, как Николя, когда тот на рассвете уходил в море на лодке папаши Луи. Поль находился сейчас под наплывом таких сильных впечатлений, он был настолько поглощён настоящим, что не думал о последствиях своего бегства, и, новый Робинзон на необитаемом острове, он на одну ночь повернулся спиной ко всему миру.

Он съёжился и незаметно уснул, но задолго до наступ-

ления утра его разбудило ощущение какой-то безотчётной тревоги. Не от холода ли? Правда, у него зуб на зуб не попадал. Но было и другое: какой-то шум, только не морской. Поль прислушался. С шорохом покатилась прибрежная галька, словно кто-то задел её на ходу; ему послышалось — не игра ли это воображения — чьё-то прерывистое дыхание. Кто-то бродил вокруг пещеры, но кто: человек ли, зверь ли? И вдруг Поль вспомнил о тюлене, о том раненом тюлене, о котором ему рассказывал господин Клуэ; тюлень укрылся в том самом тайничке, где сейчас спрятался он сам. При мысли об этом Поля охватил такой ужас, что он лишился всякой способности здраво рассуждать. Это тюлень, это, конечно, он! А они злые, тюлени? Хотя господин Клуэ и говорил, что они едят только рыбу, но можно ли быть уверенным, когда речь идёт о диких зверях, да ещё выплывающих из глубин океана! Прижавшись к скалистой стене, Поль затаив дыхание с мучительным беспокойством ловил на слух каждое движение чудовища; временами оно останавливалось, но потом, спотыкаясь, продолжало свой путь, подходя всё ближе и ближе.

Последний раз покатилась галька, последний раз послышался тяжёлый вздох, и на фоне неба у входа в пещеру вырисовывается силуэт. Человек!.. Облегчение, испытанное Полем, длилось недолго. Неужели господин Юло? Нет, мужчина этот был значительно тоньше и намного ниже. Теперь он скользнул под свод, и тьма поглотила его. Наступила тишина, нарушенная вскоре чирканьем спички; маленькое дрожащее пламя на миг осветило смуглое лицо, впалые щёки, закатанный ворот свитера. Спичка потухла. Мужчина чиркнул другую и поднёс её к свечному огарку, который вытащил из кармана.

— Так-то лучше, — вполголоса произнёс он. — Я начинаю осваиваться!

Свечка, прикреплённая к выступу скалы, освещала

незнакомца с головы до ног, и Поль мог спокойно рассмотреть его: человек с виду болезненный, в закатанных матросских брюках, в берете, надвинутом на глаза. На плече висела котомка; он положил её на землю и принялся кропотливо устраиваться, словно пришёл к себе домой. Вытянув на середину пещеры охапку водорослей, он обложил её с четырёх сторон плоскими камнями; Поль узнал среди них и свой камень-стол, за которым он ужинал: несколько подобранных на берегу кусков дерева дополнили этот импровизированный очаг, и скоро в нём уже горел огонь, отбрасывая на стену пляшущие блики и наполняя пещеру дымом. Незвестный присел на корточки возле огня, протянув над ним широко распростёртые руки; казалось, он наслаждался теплом, и Поль, который всё ещё дрожал в своём углу, с завистью следил за ним.

— Эх, хорошо! — пробормотал мужчина.

Он вытащил из котомки продукты и принялся за еду, не спуская глаз с огня. Медленно жевал он, держа в одной руке нож, а в другой — ломоть хлеба, как делали те, что заходили перекусить в «Звезду». Покончив с едой, он залпом отпил из маленькой фляжки и вытер рот тыльной стороной руки. Жадно следя за всеми его движениями, Поль смотрел, как он ест и пьёт, словно надеялся таким образом утолить мучившие его самого голод и жажду.

Но огонь угасал, незнакомец вышел и, подобрав где-то полуистлевшую доску, бросил её в костёр. Мокрая доска загорелась не сразу, от неё пошёл такой густой и едкий чад, что Поль стал задыхаться; из глаз его сами собой потекли слёзы, им овладел приступ кашля, который он тщетно пытался заглушить, уткнувшись лицом в водоросли.

— Что это там за звуки? — подскочил незнакомец.

Никакой возможности спрятаться или убежать! Поль забился в самый тёмный уголок, но тот поднёс свечу.

— Ба, приятель! — воскликнул он. — Вот повезло!

А мне уже становилось скучно. Чего ради ты залез туда? Иди к огню, поболтаем.

Доска рдела. Какое приятное тепло! Поджариваясь у огня, Поль испытывал чисто животное удовольствие и, целиком отдавшись ему, забыл о страхе. Впрочем, незнакомец не внушал никаких опасений; у него был мягкий, чуть глуховатый голос, и он улыбался, правда несколько загадочной улыбкой.

— Итак, играешь в Робинзона? — сказал он.

— О! — удивился Поль. — Как вы догадались?

— Да так, — ответил мужчина. — Признаться, я сам в твоём возрасте занимался этим, не говоря о том, что, став взрослым, ей-ей, продолжал в том же духе... Значит, — добавил он с беззвучным смехом, отчего всё лицо его внезапно прояснилось, — папа или мама высекли тебя, и ты задал стрекача?

— Никто меня не высек, — возразил Поль, уязвлённый. — Нет, никто! Но... люди, у которых я живу... выгнали меня, потому что я попросил их помочь маленькому мальчику, я его ушиб... нечаянно, конечно. Они говорили: ты не должен был ходить туда, ты не имел права ослушаться. Но я не мог не пойти.

Очень запутанное объяснение, но незнакомец, казалось, понял с полуслова. Он задумчиво покачал головой.

— Ясно, — сказал он. — Представляю, как тебя ищут повсюду. Ну, да это твоё дело... Но почему ты пришёл именно сюда, в пещеру Кра? Я любопытствую потому, что считаю это удивительным совпадением: мне тоже случилось прятаться здесь, когда меня чересчур донимали. Странно, ты не находишь?

— Я приходил сюда как-то с одним господином, и пещера мне очень понравилась, — признался Поль.

— Браво, вкусы наши сходятся! Она изумительна, эта пещера Кра, правда? Я так рад, что снова вижу её!.. Но

поговорим о серьёзных вещах. Тебе, вероятно, было холодно в этом тюленьем тайничке. Теперь-то хотя бы ты согрелся?

— Да, да, мсьё!

— А ты не голоден?

— Н... нет, мсьё.

— Вот «нет», которое, по-моему, очень смахивает на «да», — сказал незнакомец, ласково похлопывая Поля по плечу. — Подожди-ка, там должно было что-то остаться, сейчас посмотрим.

Он пошарил в котомке и вытащил кусок чёрствого хлеба.

— Вот всё, что я не доел. Ты сам виноват: что тебе стоило закашляться раньше!

Кусок хлеба исчез в одно мгновение, и Поль запил его из той же фляжки добрым глотком терпкой жидкости, которая обожгла ему горло.

— Крепкая штука, — от души посочувствовал ему незнакомец. — Ещё бы, ром этот не от уличного торговца, а прямо с Ямайки. Я купил две бутылки у проезжего матроса, когда был на Островах Общества.

— На Островах Общества? А это где? — подумав минутку, спросил Поль.

— Ну и ну! Чему вас только учат в школе? Слушай, я тебе объясню, благо у нас достаточно времени. Острова Общества находятся в самом сердце Полинезии, страны, где больше воды, чем земли, так как она состоит из целой россыпи малюсеньких островов, распылённых по огромному Тихому океану. Раиатса, Борабора, Гуахин — вот их названия; в первый раз кажется, что видишь всё это во сне. Красные пики скал только чудом не рушатся под тяжестью цветов, пляжи, они словно из лунного камня, усеяны дивными ракушками, тянутся на многие-многие мили вдоль берега, спускающегося к воде, такой прозрачной, что ко-

раллы на дне («атолы», как их называют) окрашивают её во все цвета радуги: на двухметровой глубине — в розовый, жёлтый, сиреневый, на трёхметровой — в зелёный, не поддающийся описанию, ни с чем не сравнимый. Но вместе с тем эти атолы — сущие дьяволы, — добавил матрос. — В тихую погоду ещё можно как-то выкрутиться, и то при условии, что на бушприте ¹ торчит дозорный, но, если, как это случилось однажды со мной, нарвёшься на пресловутый шквал с юга, тогда выкарабкаться не так-то просто! Я в то время работал на шхуне ², которая перевозила скот, — трухлявое судно, кое-как законопаченное, — и в двухстах километрах от Таити, среди океана, на нас налетел тай-фун ³: Бешеный ветер, волны, какие бывают только в этих пустынных водах, куда они прикатывают, можно сказать, с конца света и сваливаются вам на голову прямо в открытом океане. И при всём том ни единой тучки. В один миг полетели за борт мачты, паруса, ящики, две шлюпки из трёх, и всё это среди невероятного шума и галла; ревело море, ревело в трюме скот: каждый раз, когда шхуна спускалась с волны, его окатывало с головой. Но вот огромный вал обрушивается на борт и начисто разбивает корму, а то, что остаётся от судна, швыряет на атол со скоростью метеора. Бац! Тут все мы бросаемся в единственную уцелевшую шлюпку, которую наш рулевой, чёрный как уголь негр-гигант, каким-то чудом спустил на воду, — признаться, для такого фокуса нужна незаурядная ловкость, учитывая быстроту, с какой всё произошло. Счастье моё, что я успел забраться в шлюпку, прежде чем судно пошло ко дну, потому что тех, кто подплывал в

---

¹ Бушприт — наклонный или горизонтальный брус, выступающий перед носовой оконечностью судна.

² Шхуна — судно с косыми парусами.

³ Тайфуны — разрушительные ураганы, случающиеся в Тихом океане.

последнюю минуту, волей-неволей пришлось отгонять багром: нас набилось столько, что мы и так едва не перевернулись. Мир праху их, бедняги!.. Ураган стихает. Жара! Неподвижное море блестит, как золотая фольга, и насколько хватает глаз — никакой земли: куда ни глянь — бесконечность. Так блуждаем мы целую неделю. Сперва гребём, потом, когда остаёмся без вёсел, плывём по течению, подыхая от голода, а главное, от жажды, под лучами палящего солнца, от которого можно свихнуться; акулы преследуют нас в ожидании своего часа. Короче, мы уже считали себя мертвецами в полном смысле слова, как вдруг на восьмой день заметили какую-то чёрную точку, где-то там, совсем далеко. Мы так ослабели, что сначала не поверили собственным глазам, подумали — мираж, но, когда поняли, что перед нами и в самом деле остров, принялись орать, словно кто-то мог нас услышать. Мы без вёсел, как я тебе уже сказал, нас сносит; но иногда и море может сжалиться: подхваченные течением, мы мчимся прямо к острову, как раз к острову Борабора. В конце концов с наступлением темноты мы оказались выброшенными на какой-то пляж. И вовремя: ещё один день — и акулы получили бы своё! Туземцы радушно приняли нас, подкрепили как нельзя лучше. А через месяц мои товарищи уехали на китобойном судне, которое в один прекрасный день стало на якорь у острова. А я, сытый по горло далёкими рейсами и бурями, предпочёл остаться на месте.

— На Борабора? — всё ещё задыхаясь от волнения, спросил Поль.

— Да, на Борабора.

И матрос стал описывать уединённый остров, хижины из листьев, циновки, тыквенные бутылки, чёрных полинезийцев в набедренных повязках, полинезийцев, что живут, как первобытные люди в незапамятные времена, —

им ещё только предстоит всему учиться. Бананы, ананасы, кокосовые орехи, гуаява и плоды хлебного дерева, в жареном виде похожие вкусом на каштаны, — вот их обычная пища. А по праздникам они пекут на раскалённых добела камнях небольших кабанов и наедаются сырой рыбы; её ловят ночью при свете факелов, которые они мастерят из кокосового волокна, и отблески пламени пляшут на воде, как блуждающие огоньки.

— Зачем же вы уехали, если там так красиво? — воскликнул Поль.

Матрос почесал плохо выбритый подбородок, словно хотел взвесить каждое слово, прежде чем ответить.

— Скучал, — сказал он. — До смерти скучал. Понимаешь, мне там нечего было делать, не с кем говорить, не о чем думать, я чувствовал себя лишним. К тому же я уехал туда не с тем, чтобы остаться там навсегда, нет, конечно, нет, я хотел только кое от чего избавиться...

Он умолк и, уйдя в свои невесёлые думы, пристально глядел на затухавший огонь. Поль тоже смотрел на огонь. Он испытывал странное чувство, окружающее вдруг представилось ему чем-то нереальным. Неужели он в пещере Кра, наедине с незнакомым матросом, и тот рассказывает ему о Тихом океане? Всё только что услышанное ещё усиливало это волшебное впечатление, и призрак далёкого острова, затерянного в бескрайнем океане, сливался воедино с теперь уже близким рокотом волн и грохотом прибоя на прибрежной гальке. Огарок потух, грот освещался только слабым огнём угасающего костра, который по временам ещё выбрасывал с треском снопы искр. Поль инстинктивно придвинулся к своему товарищу. Он ничего или почти ничего не знал о нём, но необычайная встреча сблизил их, и, казалось, кроме этой близости, ничего в мире не существовало. К тому же всё в незнакомце нравилось Полю: и спокойный голос, и подкупающий тон, каким

он рассказывал ему о своих странствиях, рассказывал как другу, как сверстнику.

— Я тоже уеду, — в неожиданном порыве радостной доверчивости сорвалось у него с языка. — Уеду с двоюродным братом, когда тот кончит школу. Он хочет заработать деньги для своей мамы, и я обещал помочь ему.

Незнакомец не пожал плечами, как можно было бы ожидать, но грусть исчезла с его лица, и оно приняло мягкое, внимательное и серьёзное выражение.

— В накладе всегда тот, кто уезжает, заручите это себе на носу, и ты и твой двоюродный брат, — веско произнёс он.

— Вот Николя говорит...

— Николя? — переспросил незнакомец, чуть вздрогнув. — Ах да, твой двоюродный брат... И вы, глупыши, задумали всё тайком, за спиной у родителей?

— Отец Николя уехал, и никто даже не знает, где он, — возразил Поль, — ну, а мой папа такой строгий, что я не смею ничем с ним поделиться. Вот, например, когда он узнал, что я, несмотря на запрет, пошёл к тётё Мальвине... Пожалуй, мне не следовало туда ходить, это верно, но я вам объясню... О, да вы меня не слушаете! Я вам надоел, — грустно произнёс он.

Ему пришлось долго ждать ответа. Незнакомец вдруг склонился к огню и принялся раздувать его, он всё дул и дул, искры так и летели вокруг.

— А как идут дела в маленькой таверне? — спросил он, всё ещё раздувая пламя.

Поль слишком обрадовался возможности поговорить о «Звезде», чтобы удивиться вопросу. Он пространно рассказал обо всех бедах, свалившихся на тётю Мальвину, о несчастном случае с Иветтой, о болезни Шукетты, об ужасе, который он испытал сегодня утром, когда решил, что убил Лулу. Повернувшись к Полю, незнакомец так жадно

ловил каждое слово, что мальчику становилось как-то не по себе. У него возникло подозрение, и оно быстро перешло в уверенность.

— Вы господин Бланпэн, — тихо, словно поверя секрет, сказал он.

Матрос, улыбаясь, кивнул.

— О, как я рад! — воскликнул Поль. — Вот здорово, что это именно вы!

Лицо его, всё его существо излучало такую искреннюю радость, что улыбка незнакомца стала ещё светлее.

— Значит, я пришёлся тебе по душе?

— Да, да, конечно! Понимаете, все они — и Николя, и господин Клуз, и Большой Мимиль — столько говорили о вас! В конце концов мне стало казаться, что я уже где-то встречался с вами, и, как ни странно, вы представлялись мне вот точно таким, разве только чуточку выше ростом. Но не подумайте, что я считаю вас слишком маленьким, — тут же добавил Поль, заливаясь румянцем, — просто...

— Да не выпутывайся ты, — весело перебил его господин Бланпэн. — Знаешь, я думаю, нам надо действовать заодно, ведь мы с тобой попали в одинаковую переделку, не правда ли, приятель?

— Как это?

— А так, отчего, ты думаешь, я ночью в этой пещере, а не в «Звезде», под своей тёплой периной? Я отложил это на завтра, вот что. Хотя, сколько ни разбегайся, прыгнуть всё равно придётся. Трудно, откровенно говоря, возвращаться домой.

— Почему? — с жаром возразил Поль. — Тётя Мальвина так обрадуется вам, да и Николя, он ведь страшно любит вас!.. Не говоря уж о Большом Мимиле... Тот не хочет больше работать угольщиком, его тянет в море ловить рыбу, и видели бы вы, как он грустит!

— Вполне понятно! — задумчиво отозвался господин Бланпэн. — Надо ли удивляться, что, прослужив какое-то время юнгой на «Полярной звезде», у такого хозяина, как старый дядюшка, он не может этого забыть. Сплоховала Жанна, что до сих пор не примирилась с этим. Но я всё улажу, и мы целой компанией отправимся качаться на волнах, вдоль берега, разумеется. Заниматься рыбной ловлей в море и содержать таверну на суше — вот такая жизнь мне нужна, парень, и я давно бы понял это, если бы не спятил. Уехать, уехать... Видно, так нужно было, чтобы я своим умом дошёл до всего, но теперь кончено, кончено раз и навсегда: мне сразу же прочистило мозги. Ты не представляешь, как это полезно.

— Нет, представляю, — смело возразил Поль, — и поэтому сделаю то же самое!

Он пожалел о своих словах, увидев, что собеседник изменился в лице и закрыл глаза рукой, словно прячась от его взгляда.

— Вы рассердились? — робко спросил Поль.

— Нет, нет, но послушай, дружок, не делай этого. Видишь ли, человеку нужно только одно: работать плечом к плечу с товарищами, добываясь лучшей жизни; одним словом: оставайся каждый на своём посту и не забивай себе голову глупостями, а то они заведут тебя... Никогда, ни при каких условиях не нужно убегать, и если вы с Николя вздумаете последовать моему примеру, то причините мне страшное горе. Обещай мне отказаться от этих выдумок, прошу тебя как друг! Обещаешь?

— Обещаю, — прошептал Поль скрепя сердце.

Казалось, этот ответ снял с души его товарища огромную тяжесть. Он взял руку Поля, пожал её.

— Ты хороший мальчик, — сказал он со своей сияющей улыбкой. — Но о каком родстве ты говорил мне сейчас? Что за родство?

Поль объяснил ему.

— Эжен Товель... — пробормотал господин Бланпэн.— Да, припоминаю... Превосходный человек, но он должен быть очень плохого мнения обо мне: мы с ним слишком разные люди, где нам понять друг друга. Смотри-ка, а ты и в самом деле решительный парень, если наплевал на эту ссору. Воображаю, какой тарарам поднялся, когда отец узнал! Значит, ты сам ему признался?

— Собственно... всё произошло не совсем так, — сказал Поль. — Нет, я не признался, я никогда не смею ни в чём признаться папе, особенно когда он сердится.

— Ты меня удивляешь. Ведь для того, чтобы почевать здесь одному, надо быть отважным парнем. По-моему, мальчик, ты просто не умеешь подойти к отцу; я знаю его и думаю, что, если бы ты поговорил с ним начистоту, как мужчина с женщиной, а не стоял, как истукан, дело у вас скорее пошло бы на лад.

— Всё это я твержу себе, когда его нет рядом, а стоит ему появиться, отваги моей как не бывало.

— Отвага нужна всегда и во всём. Разве завтра она не понадобится нам обоим, и тебе и мне? Ну ладно, там видно будет. А сейчас раздуем костёр, и спать.

На этот раз за дровами отправился Поль. Солнце ещё не взошло, но морская гладь уже посерела, на востоке появились розово-алые пятнышки, небо, казалось, ликовало; а может быть, то ликовало сердце Поля. Он чуть не засмеялся при виде чайки, с криком опустившейся на скалу. Этот пустынный, угрюмый берег, сотрясаемый прибоем, был в его глазах самым прекрасным местом на земле.

Сырое дерево никак не разгоралось, и Поль с господином Бланпэном дули долго-долго, изо всех сил, пока хватило дыхания. Потом улеглись рядом на водоросли, устлавшие тюленьё убежище, и прижались друг к другу, чтобы было теплее.

— На Островах Общества куда лучше, слов нет, но по-настоящему хорошо только дома.

Поль не отозвался на это замечание. Он спал.

XVII

— Войди первым, хорошо? — попросил господин Бланпэн.

Это были единственные слова, с которыми он обратился к Полю с тех пор, как полчаса назад они покинули пещеру. Оба шли молча, всё замедляя и замедляя шаг по мере приближения к таверне. Поль отнюдь не стремился «войти первым», но, посмотрев в помертвевшее лицо своего спутника, пожалел его.

— Подождите меня здесь, я подам знак, — прошептал он.

Тётя Мальвина встретила Поля далеко не радушно. Она не сердилась, это было не в её характере, но горько упрекнула его за подвох. Какую недостойную шутку сыграл с ней Поль, скрыв, что он её племянник. Разоблачил его господин Юло, который ждал здесь вчера вечером её возвращения из больницы. Она словно с неба свалилась после разговора с ним. Сколько ни твердила госпожа Бланпэн, что ничего не знает, он не верил ей и в конце концов даже обвинил её в желании привлечь Поля на свою сторону, чтобы потом при его содействии помириться с господином Товелем.

— Мне удалось оправдаться, — добавила тётя Мальвина. — Но почему ты всё-таки не признался мне, малыш?

Пристыженный этими простыми словами больше, чем любой гневной вспышкой отца, Поль опустил голову.

— Я боялся, что вы не позволите приходить к вам... — прошептал он.

Тётя Мальвина окинула его долгим взглядом, в котором сквозили удивление, нежность и лёгкая тень укора. Её усталое лицо смягчилось, и она ласково привлекла его к себе.

— Ты похож на свою мать, — сказала она ему, — а глаза у тебя дяди Анри... Где ты провёл ночь, противный мальчишка? Господин Юло заявил, что я тебя прячу, ни больше, ни меньше.

— В пещере Кра, тётя...

— Ну-ну, хорош!.. Надо мне во что бы то ни стало успокоить твоих родителей; насколько я поняла, они должны приехать сегодня утром — представляю, в каком состоянии!.. Но кого послать на улицу Аиста? Николя вернётся только через час.

Тут весьма кстати подоспел Тинтин, на него и возложили это поручение; преисполненный гордости, он тут же отправился в путь, пообещав вернуться как можно скорее.

— Но ты, должно быть, замёрз в этой пещере, бедненький мой Поль! — сказала тётя Мальвина, едва Тинтин вышел из таверны. — И придёт же в голову прятаться там! Знаешь, ты мне напомнил... одного знакомого, — слова эти она произнесла чуть слышно, — он тоже убегал туда каждый раз, когда у него случались неприятности... И не страшно тебе было там в полном одиночестве?

В полном одиночестве! Нет. Ах, знала бы тётя Мальвина, кто был с ним в пещере всю эту странную ночь, знала бы она, кто в эту минуту стоит за дверью и только ждёт знака, чтобы войти! «Я привёл сюда счастье!» При этой мысли Поль ликовал, забывая о предстоящей встрече с отцом и о том, что неизбежно последует за ней. Достаточно сказать: «Он вернулся, тётя Мальвина!» — и в «Полярной звезде» всё изменится.

— Он... — начал было Поль.

Слова застряли у него в гортани, но тётя догадалась обо

всём, как только посмотрела ему в лицо; она вдруг вся замерла.

— Что случилось? — спросила тётя сдавленным голосом. — Не скрывай от меня. Говори!

— Случилось... Случилось... Ах, я лучше пойду за ним! — громко выкрикнул Поль.

Ему не пришлось идти на улицу. Вероятно, господин Бланпэн всё слышал: он уже стоял на пороге, бледный, улыбающийся и безмолвный.

— Ты!.. — не то шепнула, не то вздохнула тётя Мальвина и направилась к нему.

Казалось, она не шла, а какая-то неведомая сила толка-

ла её. Подойдя к мужу, госпожа Бланпэн любовно положила руки ему на плечи. Он заключил её в объятия.

Того, что было потом, Поль никогда не забудет. Привлечённый шумом, из комнаты с сетями вышел дядя Арсен, а вскоре появился и Николя; увидев отчима, он настолько бурно выразил свою радость, что сбежались соседи — узнать, что стряслось. «Ничтожество» вернулся таким же бедным, каким уехал. Но кому приходило в голову сетовать на это? Беглец был тут, и маленькая таверна, и вывеска с выцветшими буквами, и стол, и стены — всё, казалось, кричало: «Он вернулся к нам!» Николя прыгал, приглашал в комнату всех, кто ни приходил, дядюшка Арсен повторял, правда менее уверенно, чем всегда, своё неизменное: «Тихо на палубе, разрази вас гром!» Лулу, сидя на коленях у отца, со страхом смотрел на этого незнакомого человека, который осыпал его поцелуями, а тётя Мальвина, не выпуская из рук руку мужа, смеялась и плакала одновременно.

— Ты ел? — спросила она.

Он не ел! Опустошили все шкафы, булочница помчалась к себе за свежим горячим хлебом, мясник из углового дома на набережной принёс самый лучший бифштекс, какой только был у него в лавке, бакалейщица — пачку вафель, и вскоре стол так завалили всякой снедью, что едва нашлось местечко для двух тарелок — одну поставили для героя дня, другую — для Поля, который тоже, должно быть, проголодался.

— А как себя чувствует наша малышка Иветта? — спросил господин Бланпэн, придвигаясь к столу. — Надеюсь, ничего серьёзного?

— Поль рассказал тебе? — спросила жена. — Слава богу, после пенициллина ей лучше. Но вот Шукетта меня беспокоит, боюсь, как бы... Я тебе потом всё объясню.

Соседи посоветались, и слово взяла булочница,

— Мы уходим, — объявила она. — Вам надо поговорить, в такие минуты посторонние только мешают. Приятного аппетита!

— Вот о чём можно не беспокоиться! — весело крикнул им вслед господин Бланпэн.

Медленно обвёл он взглядом таверну, пристально всматриваясь в каждую мелочь.

— Полка для бутылок ещё больше покосилась, — заметил он, — надо будет её заменить. Ну, а как же парусник, дядя Арсен? — спросил он, борясь с Лулу за вилку, которую тот старался вырвать у него.

— Продвигается помаленьку, паренёк, — расцвёл старик. — Я только что переделал контр-бизань, вот увидишь.

— Надеюсь... Глянь-ка, снова гости!

Все головы повернулись к дверям: и кто же вырос на пороге? Конечно, папа, в дорожном костюме, страшно бледный — лицо его подёргивалось от нервного тика, — и мама, поминутно вытиравшая глаза и полумёртвая от всего пережитого. Тинтин скромно замыкал шествие; как всякий посланец, с честью выполнивший свою миссию, он держался в стороне.

— Мальчик мой! — воскликнула мама.

Поль уцепился было за её юбку, но папа уже привлёк его к себе.

— Заставить нас так волноваться! — приглушённым голосом сказал он. — Ты отдаёшь себе отчёт, что с сегодняшнего утра мы с мамой чуть живы? Куда ты удрал? Отвечай...

— Эжен, вспомни, что ты мне обещал... — молила мама.

— Оставь меня... Ах, я совсем задыхаюсь... Этот мальчишка доконает меня! — пробормотал папа, тяжело дыша.

Тётя Мальвина встала.

— Садись, Эжен, и постарайся взять себя в руки, --

сказала она, уступая ему свой стул. — Раз мальчуган здесь, раз ничего...

Папа не ответил ей, но тем не менее взял предложенный ему стул и тяжело опустился на него, с шумом переводя дыхание. Он делал вид, будто никого не замечает, словно Поль был один в комнате.

— Этот мальчишка доконает меня! — удручённо повторил он.

— Да, папа, — пробормотал Поль.

Он чувствовал, как бешено колотится у него сердце. В один миг улетучились все прекрасные намерения и данные самому себе обещания впредь не бояться так папы. Коленки у него дрожали, и он медленно отступал к столу, но едва прислонился к нему спиной, как кто-то шепнул у него над ухом — Поль сразу узнал этот голос: «Сегодня ночью ты был храбрее!» Он сделал над собой огромное усилие и поднял голову.

— Я спрятался в пещере Кра, потому что госпожа Юло с вечера выгнала меня. Я прекрасно знаю, что не должен был возвращаться в «Звезду», и прошу, папа, простить меня, но я ничего не мог с собой поделать. Я слишком люблю Николая, вот...

Папа поднял брови, и на лице его отразилось такое изумление, что Тинтин, незаметно пробравшийся за прилавок, чтобы ничего не упустить из этой сцены, еле удержался от смеха.

— Ну и речь! — проворчал папа. — Ты ещё никогда не говорил мне столько за раз! «Ничего не мог с собой поделать»! Надо сдерживать свои порывы, чёрт возьми!

— Но Николай спас мне жизнь, и он такой милый, и все здесь, в таверне, такие милые. О папа... если бы ты согласился...

— Что? Что такое? — насторожился папа.

Но в этот миг из глубины зала донёсся хриплый голос:

— Ты, выходит, не считаешь теперь нужным здороваться, разрази тебя гром?

И дядя, опираясь на палку, вышел вперёд, его зелёные глазки сверкали больше обычного, старческое лицо всё перекосилось в радостной улыбке. А что сказать о папе? Он краснел, бледнел, снова краснел и, казалось, потерял всю свою самоуверенность.

— Добрый день, дядя Арсен, — сказал он, и голос его до странности напоминал голос Поля.

— У, проказник, ты снова здесь! — весело продолжал старик. — Всё такой же красивый малый! Ничуть не изме-

нился, только растолстел. Да, признаться, растолстел!..
Смотри, Мальвина, как он растолстел!

— О господи! — пробормотала тётя. — Да, может быть, немножко... Но что особенного?

— Да ничего. Главное, что он снова с нами, правда? Ох, чертяга Жежен, как хорошо ты сделал, что пришёл! Небось надоело дуться в своём углу, а?

— Но, дядя, я, знаете, пришёл не... не затем... — бормотал папа, с трудом подбирая слова.

— Чего это ты там плетёшь? Да ну, полно, полно... забудем, что было, я покажу тебе свой парусник... Воспоминания не из приятных, а? Помнишь, как тебя укачало? Эх ты, сухопутный моряк! Пойдём покажу тебе, так и быть!

— Да, дядя Арсен, — согласился папа.

Минуту спустя он исчез с дядей Арсеном в комнате с сетями. Послышался смешок, а потом папин голос: «Потрясающе!.. Ну да, бизань-мачта... Конечно, дядя Арсен, конечно...»

Николя вскочил.

— Красота! — завопил он, прищёлкивая пальцами. — Конец ссоре! Слышишь, Поль? Нец-конец!

— Нец-конец! — повторил Поль с сияющими от счастья глазами.

А Тинтин, выскочив из своего тайника, весело перекувырнулся, чтобы не отставать от своих друзей.

— Т-с, т-с, дети! — остановила их тётя Мальвина. — Помогите лучше убрать со стола и выньте чистые стаканы. Такое событие надо отметить.

— Я помогу тебе, — предложила мама, улыбаясь сквозь слёзы. — Ах, дорогая моя, какое счастье, мне не верится... Ты ведь знаешь Эжена...

— Да, да, — с лукавой улыбкой согласилась тётя. — Но в конце концов дядя переломил его.

— Дядя... и вот этот мальчуган, — указал на Поля господин Бланпэн. — Хороший у вас мальчик, Эдмея, он мне нравится.

— О да, он хороший мальчик! — просияв, ответила мама. — Итак, вы совсем вернулись, Пьер? Как должна быть счастлива Мальвина!

Болтая без умолку, она суежилась, хлопотала, но пользы от неё не было никакой, за неё постарались другие, и, когда дядюшка с папой снова вошли в таверну, всё было готово: посреди стола, рядом с остатками вафель, торжественно возвышались три бутылки пенистого сидра. Семья уже усаживалась за стол, как вдруг появился Мимиль: мясник рассказал ему о возвращении его друга, и он пригнулся пожать ему руку.

— Значит, совершил кругосветное путешествие? — спросил он шутливо, с плохо скрываемым волнением.

— Нет, не совсем, — возразил господин Бланпэн, — а чтобы тебе стало всё ясно, скажу одно: я побывал на Островах Общества.

Николя побежал за своим атласом: он хотел посмотреть, где находятся эти острова; три крошечные точки, затерянные в безбрежной синеве. Все разохались, увидев, какие они маленькие, а дядюшка Арсен спросил, хороша ли там рыбная ловля.

— Вы даже представить себе не можете, как хороша! — со своей открытой, ясной улыбкой ответил господин Бланпэн. — Входи в воду и лови себе, сколько душе угодно.

И какая рыба! Огромные меч-рыбы, весом в целую тонну, агоны, бониты — в том краю всё иное — и рыбы, и звёзды. Он даже несколько раз охотился на кита — опасное дело, никогда не знаешь, чем оно кончится: когда гарпун вонзается в животное, оно тянет за собой пирогу, и бывали случаи, когда люди так и не возвращались. Но, если

всё сходит удачно, тогда ты надолго обеспечен едой: мясом одного кита могут целую неделю кормиться все жители острова.

— Оно вкусное? — спросил Николая.

— Нет, скорее безвкусное, но привыкаешь, как привыкаешь ко всему.

— Ба-ба! — с недовольной миной проворчал дядюшка. — Ты теперь совсем зазнался с твоим китом!

— Вовсе я не зазнался... — помрачнел господин Бланпэн. — Знаете, хватит говорить обо мне, ладно?

— Совершенно согласен! — сухо отозвался папа.

Он с подчёркнутой враждебностью слушал историю о ките, и взгляды, какие он бросал на рассказчика из-под густых бровей, никак нельзя было назвать дружелюбными. Бланпэн может сколько угодно рассуждать с Мимилем о ловле макрели, описывать, какую лодку они купят сообща, позднее, когда накопят достаточно денег, он и ухом не поведёт.

«Ничтожество» никогда не будет ему по душе, что бы тот ни делал в будущем, как бы ни старался заслужить другое прозвище; в чём в чём, а в этом пункте господин Товель не сдаётся.

— Малышу необходимо выспаться после такой ночи, — сказала мама, доставая из-под стула свою сумку, — нам пора идти. К счастью, гостиница совсем рядом, и я заказала двойной номер.

Двойной номер? Почему двойной? Значит, Поль не вернётся на улицу Аиста? Папа всё объяснил. У него произошла «маленькая размолвка» с этими Юло. Не наглость ли с их стороны заявить, что он плохо воспитал своего сына? Само собой разумеется, он высказал им всё начистоту, но, когда вслед за тем они намекнули, что его невестка Мальвина всю жизнь совершала одни лишь глупости, тут он рассвирепел. Сам он может быть любого мнения о своих

родственников, но позволять чужим дурно отзываться о них — это уж извините!

— Семья есть семья, — торжественно закончил он. — Нет, эти Юло проявили бестактность... Я ведь не вмешиваюсь в их дела, а? Короче, я с ними рассорился и надеюсь никогда их больше не видеть.

Одна ссора вытеснила другую, но вторая мало волновала Поля. Воспоминание о вчерашней сцене ещё жило в нём, и он отнюдь не скорбел о разлуке с обитателями улицы Аиста. Вот разве только мадемуазель Мерль, которая так хорошо ухаживала за ним после того несчастного случая...

— Мадемуазель Мерль мы увидим в Париже, — сказала мама, когда он поделился с ней этими соображениями, — я пригласила её к нам. Она славная женщина.

— Но где Поль будет спать, когда вы уедете? — встревожился Николя. — Ведь вы не заберёте его с собой, дядя Эжен?

— О нет, правда, папа? — воскликнул Поль, побледнев при одной мысли о такой возможности.

Отец отодвинул стул. Лицо его омрачилось.

— Я ещё не подумал об этом, — недовольно ответил он, — но, по правде говоря, этот пострелёнок вполне заслуживает, чтобы я увёз его. Кто знает, что он ещё натворит, если его оставить без присмотра. Да и куда его деть? Ладно, завтра увидим. На сегодня хватит с нас переживаний.

— Но можно же найти ему и здесь местечко, дядя, — настаивал Николя.

— Здесь, при вашей тесноте! Нет, ты смеёшься! Ведь это тебе не ресторан брата Анри, где было так просторно...

И папа метнул разгневанный взгляд на «ничтожество», а тот как ни в чём не бывало продолжал молча осушать свой бокал.

— Ты преувеличиваешь, Эжен, — вмешалась тётя Мальвина, стараясь скрыть досаду. — Я прекрасно могла бы взять Поля к себе, но всё дело в Маринетте, дочке покойного Шуке. Ты, конечно, помнишь беднягу? Мать Маринетты умирает, я только что рассказывала Пьеру. Она взяла с меня слово, что девочка будет жить у меня, хотя бы первое время, пока мы придумаем, как с ней быть.

— Нет, ты неисправима! — вышел из себя папа и пожал плечами. — При ваших стеснённых обстоятельствах вам только этого не хватало! Но, надеюсь, твой муж...

— Мальвина права, — положив руку на руку жены, сказал господин Бланпэн. — Мы, разумеется, возьмём девочку к себе.

— А как же тогда я? — так печально спросил Поль, что мама привлекла его к себе и была уже готова на всё, чтобы только утешить его.

Папа встал и прошёлся по залу, пытаясь унять раздражение. Он повернулся на каблуках.

— Э, нет, хватит нежностей, Эдмея, пора положить этому конец, — буркнул он. — А тебе, зайчик, сказано: «Завтра видно будет». Понятно?

Поль не рискнул настаивать, и все расстались, обменявшись более или менее сердечными рукопожатиями и пообещав друг другу вечером снова встретиться.

— Я принесу пирожные. Главное, не готовь ничего, — прошептала мама на ухо тётё. — Ты думаешь, малышу можно будет остаться? Как это сделать? Эжен всё ещё нервничает.

— Не волнуйся, — сказала тётя Мальвина, целуя её, — что-нибудь придумаем.

ХVIII

В квартале Старого Порта долго помнили этот вечер и пирушку в «Полярной звезде». Сразу после обеда в таверну забежала Марианна узнать о здоровье Иветты, и тётя Мальвина через неё пригласила к себе в гости всю её семью. Пришлось одолжить стулья у булочницы, поставить ещё один стол, убрать шкаф, который занимал слишком много места, и вытащить не одну бутылку молодого сидра. Мама принесла два больших пакета с пирожными, которые Поль сам выбирал у кондитера на Большой улице, и, когда, чуть попозже, прибыл со всей семьёй господин Клуэ, нагружённый бутылками доброго старого вина, его встретили приветственными возгласами.

— Я всегда говорил, что в тот день, когда снова увижу моего Бланпэна, сделаю только одно: выпью с ним! — заявил он, сияя от счастья. — Ах ты, старый бродяга, вернулся всё-таки! И ни на йоту не изменился — можно подумать, что ходил прогуляться.

Поговорили о «прогулке», потом любовались парусником, не все вместе, а по очереди, чтобы не разбудить Лулу, который спал в комнате с сетями. Старый дядюшка, тщательно выбритый, неузнаваемый, показывал всем контр-бизань.

— Тихо на палубе, разрази вас гром! Ну, что вы об этом думаете?

— Настоящая музейная редкость! — заявил Бернар. — Неужели на судне должно быть так много всего?

— Однако, — возмущился старик, — не собираетесь ли вы учить меня моему ремеслу?

Тут на выручку поспешила Элизабета. Она заявила, чуточку свысока, что её жених — кинорежиссёр и, следовательно, не имеет ничего общего с морским флотом. Кинорежиссёр? С чем это едят? Поняв, что речь идёт о кино, дядя воздел руки к небу. Правда, он не раз слышал об этом изобретении — об огромных, чёрных, как топки, залах, где люди сидят друг на друге, как сельди в бочке, и смотрят всякий вздор, — но он давно уже вышел из того возраста, когда занимаются подобными глупостями.

— Вздор! Глупости! О!.. — задыхалась от негодования Элизабета. — Если вы ничего в этом не смыслите, то лучше помолчите!

— Не будьте смешной, дорогая, — сказал Бернар с присущей ему беспечностью, — ну, успокойтесь!

— Да, да, успокойся, дочка, — крикнул господин Клуэ, помогавший своему другу Бланпэну откупоривать бутылки. — Предупреждаю: последнее слово всегда останется за старым Арсеном!

— Не пора ли за стол? — предложила тётя Мальвина.

Вино сразу же развязало языки, веселье стало всеобщим, а после третьего бокала даже папа чуточку повеселел. Полузакрыв глаза, он откинулся на спинку стула и стал мечтать о том, как он станет приезжать сюда каждое лето.

— Ты будешь рад этому, а, зайчик? — спросил он Поля.

Поль повернулся к нему и, встретившись с ним взглядом, понял, что у него с отцом одна мечта.

— Да, я буду рад! — ответил он. — Очень, очень рад!

— Ну что ж, мы ещё обсудим это вместе! — сказал папа.

— Вместе?.. — Поль посмотрел ему прямо в лицо; волнение душило его; но всё-таки он проговорил чуть слышно: — О да, вместе, правда? Я... я так люблю тебя, папа!

— Зайчик мой... — прошептал папа, и голос его звучал как-то необычно. — А знаешь, зайчик, я очень доволен тобой!

На другом конце стола мама и госпожа Клуэ завязали знакомство и оживлённую беседу; они болтали наперебой. Госпожа Клуэ сокрушённо перечисляла маме все болезни, какие перенесли её дочки, поверяла, в каком возрасте у Элизабеты был коклюш, а у Марианны — корь. Мама в ответ рассказывала об ангине Поля, ужасной ангине, в результате которой мальчик к концу прошлой зимы совсем ослабел; а тут ещё этот переходный возраст! К счастью, пребывание в Дьепе очень помогло её дорогому сыночку, и просто больно думать, что придётся забрать ребёнка в Париж, потому что его не с кем оставить здесь.

— Как же так? — удивилась госпожа Клуэ.

Когда мама рассказала ей о недавней ссоре с Юло и о том, что тётя Мальвина берёт к себе Маринетту и потому не может взять Поля, госпожа Клуэ переглянулась с мужем.

— У нас на третьем этаже есть свободная комната, — сказала она. — Если вас это устроит...

Папа и мама из вежливости пытались протестовать, но Поль так сиял, Марианна так настаивала, что вопрос разрешился прежде, чем они успели закончить фразу. Двоюродные братья ликовали. Сколько кроваток предстоит им ещё наловить вместе с Тинтином и Маринеттой! А господин Клуэ заявил, что ему доставит большое удовольствие, если его юный друг снова будет с ними.

— Но я больше не поведу его в пещеру Кра, — смеясь,

заявил он, — ему не нужен провожатый, сам дорогу знает! Нет, мы поищем в других местах... Я не отчаиваюсь, знаете, — обратился он к Бернару, — я дал себе клятву раздобыть вам вашу пресловутую атмосферу, а если я что заберу в голову, то не отступлюсь. Спросите у моей жены!

— Ну, это точно! — воскликнула госпожа Клуэ.

И она обменялась со своими дочками многозначительным взглядом, за которым последовал взрыв смеха, настолько весёлого и заразительного, что в конце концов расхохотались и Бланпэны и Товели. Но Бернар был по-прежнему рассеян. Побывав в комнате с сетями, он, обычно такой разговорчивый, стал на редкость молчаливым и на речи своего будущего тестя едва отвечал, и то одним лишь кивком головы. Бернар не столько слушал, сколько смотрел; взгляд его, обшарив все уголки таверны, неизменно возвращался к дядюшке Арсену, словно какая-то таинственная сила притягивала его к лицу старика.

— Можно мне ещё разок полюбоваться вашим парусником? — спросил он, когда утих смех.

Дядюшка весело покосился на Бернара, и лукавая улыбка приоткрыла его беззубый рот.

— Что, тронула за живое, паренёк? — бросил он. — Ладно, ладно, так и быть, покажу вам парусник, со всеми его тонкостями. Ступайте за мной.

Едва они вышли, как мама, чьё любопытство было задето, повернулась к господину Клуэ.

— По-моему, господин Бернар человек весьма своеобразный, — понизив голос, заметила она.

— Да, он бывает иногда рассеян, — согласился аптекарь, — но на это не приходится обращать внимания. У этого парня слишком много мыслей в голове, он всё время их пережёвывает.

— Пережёвывает... Ну и словечки у тебя, папа! — воз-

мутилась Элизабета. — Бернар размышляет, придумывает, сосредоточивается. Люди умственного труда все таковы!

— Как я понял со слов вашей дочери, мадемуазель Элизабеты, он работает в кино? — спросил папа.

— Как! — воскликнула мама. — Он снимается в фильмах? А я его не знаю!

Элизабета всё объяснила. Бернар не актёр, он кинорежиссёр: работает над сценариями. Тут к ней присоединился весь семейный хор, и папа с мамой, к их безграничному удивлению, узнали, что этот бородатый молодой человек, с которым они до сих пор обращались так за-

просто, — самый крупный кинорежиссёр современности или, во всяком случае, готовится им стать, как только отыщет свою «атмосферу».

— Подумать только! — вздохнула мама. — Могла ли я предполагать!.. Ты слышишь, Эжен?

— Да, — сказал папа. — Но, прошу прощения, я не совсем понял, что вы хотите сказать этим словом «атмосфера». Не о погоде ли речь?.. А, вот они возвращаются, — прервал он самого себя.

В сопровождении дядюшки в комнату вошёл Бернар, но что с ним творилось! Лицо его сияло от радости, бьющей через край, глаза сверкали, он размахивал на ходу руками.

— Нашёл! — ещё не дойдя до стола, объявил он звонким голосом.

— Кого? Что? — посыпались вопросы.

— Атмосферу! Наконец-то я попал на неё!

— Как! Здесь? — воскликнула Элизабета. — О Бернар, дорогой мой! — И она бросилась ему на шею.

Вокруг раздавались радостные возгласы. Все говорили одновременно. Господин Клуэ объяснил папе, что означает эта великая новость, тётя Мальвина и мама поздравляли госпожу Клуэ, а она, красная, сияющая, целовала не менее взволнованную Марианну; Николя и Поль тузили друг друга кулаками, не найдя другого способа выразить свой восторг, в то время как господин Бланпэн, несколько озадаченный, наблюдал всю эту суматоху. Ну, а дядюшка Арсен, тот вовсе ликовал:

— Парнишка, правду сказать, какой-то шалый, а всё же парусник его околдовал, видать по тому, как он ошарашен.

Наконец Бернар согласился сесть и кое-что рассказать о своём, как он выразился, «настоящем наитии». Ещё накануне, зайдя с Марианной в эту таверну, он почувствовал какой-то толчок, но не мог понять, в чём дело, и только сегодня вечером, очутившись в комнате с парусником, он ясно осознал, что с ним произошло: декорации, которые он столько времени искал, у него тут, под рукой. Ах, он уже видит его, свой фильм! Сжатая, драматическая интрига — в основу её положена история господина Бланпэна и кораблекрушение дядюшки Арсена, — взятые из жизни персонажи, все, конечно, — матросы, и парусник, который ни на секунду не сходит с экрана: его то подают крупным планом, то отодвигают на задний план, он то в тени, то ярко освещён, как тема, что проходит через всю симфонию, и, наконец, «атмосфера» — весь фильм овеян той атмосферой, которую он вдохнул в комнате-каюте и кото-

рая окутывала весь этот уголок Старого Порта. И название картины уже найдено: «Полярная звезда». Великолепный заголовок!

Полярная звезда!.. Папа очень громко высморкался и от имени всей семьи поблагодарил Бернара за столь блестящую идею. Господин Товель пояснил свою мысль. Он с его деловым чутьём сразу уловил практическую сторону вопроса: такой фильм, снятый рукой мастера, неизбежно привлечёт на улицу Вёле толпы любопытных, и это явится для маленькой таверны неожиданной рекламой. Модная, современная обстановка, новая витрина...

— Не понимаешь ты, чем обязана господину Бернару! — сказал он своей невестке. — Благодаря ему вы будете скоро купаться в золоте.

Тётя Мальвина покачала головой; казалось, она не была убеждена в том.

— Слишком ты приткий, Эжен, — рассудительно ответила она. — Признаюсь, сама я предпочитаю видеть свою таверну такой, какая она есть, и мне по душе её посетители — весь этот портовый люд. Толпы зевак, модная мебель, новая витрина? У моего Пьера нет твоих коммерческих способностей, он в этом ни черта не смыслит. Он будет рыбачить, а я — стоять за прилавком, и, можешь не сомневаться, мы заработаем столько, сколько нужно, чтобы вырастить наших ребят.

И тут папа как закричит:

— Ну, знаешь, тебя ничто не научит! Вам в руки идёт целое состояние, а ты...

Господин Клуэ счёл благоразумным вмешаться.

— Да подождите ссориться, ведь фильм ещё не готов, — добродушно сказал он. — А что думает по этому поводу папаша Арсен? Главный-то герой, в конце концов, он.

Папаша Арсен ни о чём не думал, разве только что

«парнишка» лопочет непонятное: «Звезда» крупным планом, «Звезда» на заднем плане — тарабарщина, пойдй разберись в ней. Как бы тут чего не сотворили с его парусником, разрази их всех гром!

Элизабета решила успокоить его, но едва она произнесла слово «кино», как старик насупил брови. Он уже высказал своё мнение об этом дьявольском изобретении раз и навсегда и не собирается отступать от своих слов. Вот чего бы ему хотелось, и он этого не скрывает, — видеть свой парусник на почтовых открытках, какие выставляют в витринах книжных лавок Дьепа.

— Получите вы свои открытки, — смеясь, сказал ему Бернар, — а в остальном предоставьте всё мне. Обещаю: останетесь довольны.

— Да здравствует «Полярная звезда»! — поднимая свой бокал, провозгласила Марианна.

— Да здравствует «Полярная звезда»! — вторили ей остальные.

Но в эти два слова, переходящие из уст в уста и, казалось бы, совершенно одинаковые, каждый вкладывал свой собственный, отличный от других смысл и значение. Бернар видел будущий фильм и грядущую славу; папа — ресторан своего брата, за бесценюк проданный «ничтожеством»; тётя Мальвина и её муж — маленькую портовую таверну, куда Большой Мимиль в часы печали приходил выпить кружку сидра и вспомнить прежние счастливые времена; старый дядюшка, разумеется, — свой парусник, к которому он собирался теперь, когда контр-бизань наконец установлена, добавить ещё кое-какие снасти. Ну, а Поль? Поль видел всё это вместе взятое и ещё кое-что глубоко запавшее ему в душу: «Полярная звезда» помогла ему открыть целый неизведанный мир — познать самого себя. Тот одинокий, скрытный мальчик, который однажды утром сошёл с поезда в Дьепе, — неужели это он? Сегодня Поль

чувствует себя свободным, он уже больше ~~не~~ боится отца, и у него есть друг... нет, друзья, подумал он, взглянув на господина Бланпэна. Ловля креветок, ночь, проведённая в пещере Кра, воспоминания об этих четырёх блаженных и мучительных неделях, — такие сокровища стоят всех сокровищ южных морей. Толкнув локтем своего двоюродного брата, он шепнул ему:

— А помнишь, как я чуть не утонул?

— Ещё бы! — ответил Николя. — Всяк знакомится по-своему, а?

И они обменялись улыбкой.

А тем временем другая Полярная звезда, небесная, спокойно сияла над морем в созвездии Малой Медведицы. Осуществятся ли планы, задуманные в тот вечер, при свете ламп? Удастся ли Мимилю и Бланпэну ценой тяжёлого труда в один прекрасный день выйти из порта на своём новёхоньком рыболовном судне? Появится ли когда-нибудь на экране фильм, который прославит великого кинорежиссёра? А почему бы нет? Мечты сбываются, когда люди по-настоящему хотят, чтобы они сбылись, когда они умеют добиваться этого волей, терпением и упорным трудом.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге
просим направлять по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

**Для младшего школьного
возраста**

Колет Вивье

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Ответственный редактор *О. А. Лаврова*

Художественный редактор *Г. С. Вебер*

Технический редактор *В. К. Егорова*

Корректоры

В. В. Самороднова и М. Б. Шварц

Сдано в набор 24/VIII 1962 г. Подписано к печати 27/XI 1962 г. Формат 84×108¹/₃₂ — 5,5 печ. л. = 9,02 усл. печ. л. (7,96 уч. изд. л.). Тираж 115 000 экз. ТП 1962 № 530.

Цена 38 коп.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 3345.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*Для детей младшего школьного возраста в 1962 году
издаются следующие книги иностранных авторов:*

**Андерсен Г.-Х.
ОГНИВО**

Сказка великого датского писателя с новыми цветными
рисунками В. Таубера

**Конопницкая М.
О ГНОМАХ И СИРОТКЕ МАРЫСЕ**

Повесть-сказка о тяжёлой жизни пастушки сиротки Марысе, о её дружбе с маленькими волшебниками гномами, которые выручают её из всех бед. Серия «Школьная библиотека». Перевод с польского. Цветные вклейки

**Мора Ф.
КОРОЛЬ-ПЕЧКА**

Избранные рассказы классика венгерской литературы
о детях старой Венгрии. Перевод с венгерского

**Вестли А.-К.
МАМА, ПАПА, ВОСЕМЬ ДЕТЕЙ И ГРУЗОВИК**

Весёлая повесть современной норвежской писательницы о
детях из дружной трудовой семьи. Перевод с норвежского

Остриков И.

УДИВИТЕЛЬНОЕ КОЛЬЦО

Повесть о маленьком герое и тех необыкновенных приключениях, которые с ним происходят с того момента, как он нашёл удивительное кольцо. Перевод с болгарского

Сатерленд Э.

„ТУ-МА-ТУ“ (игры африканских детей)

Весёлая, задорная книжка о детях новой, свободной Ганы. Перевод с английского

Фарж Ж.

ХОРОЛДАМБА — МОНГОЛЬСКИЙ МАЛЬЧИК

Богато иллюстрированная фотокнига современной французской писательницы и видной общественной деятельницы о монгольских ребятах, с которыми она познакомилась во время поездки в Монгольскую Народную Республику. Перевод с французского.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга—почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно также заказать книги и через отдел «Книга — почтой»: Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-6, магазин Москниготорга № 94.

Цена 38 коп.